

ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ ПОВОЛЖСКИЙ РЕГИОН

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

№ 4 (64)

2022

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛОГИЯ

<i>Ермилова А. В.</i> Влияние социального капитала на продолжительность периода профессиональной деятельности спортсменов высших достижений.....	5
<i>Рассади́на Т. А.</i> Профессиональные намерения старшеклассников Ульяновской области	19
<i>Лебедева Л. Г.</i> О цифровом разрыве поколений россиян в социальных сетях	38
<i>Шаццлло В. А.</i> Роль социальных стереотипов в процессе профессионального самоопределения молодежи.....	48
<i>Филиппов А. А.</i> Внутренние и внешние факторы эффективности института образования.....	58
<i>Сальникова О. В.</i> Ценностные компоненты патриотического потенциала студенческой молодежи.....	68

ПРАВО

<i>Овчинников О. М.</i> Дискуссионные вопросы социально-правовой защиты несовершеннолетних, оказывающих содействие оперативным подразделениям уголовно-исполнительной системы в борьбе с преступностью	77
<i>Гуляков А. Д., Саломатин А. Ю.</i> Федерализация постсамодержавной России на ее западных рубежах и в центральной европейской части (историко-государствоведческий анализ)	89
<i>Храмов Д. С.</i> Реализация основных функций правозащитной деятельности органами исполнительной власти и должностными лицами в Российской Федерации	101
<i>Платов Е. В.</i> Антикоррупционная экспертиза как вид деятельности органов прокуратуры Российской Федерации по противодействию коррупции	111

<i>Любушкин В. А.</i> Проблемы определения суверенитета и его значение в современном государственно-правовом развитии Российской Федерации.....	121
<i>Гук П. А., Кориунова П. В., Кулагина О. Н.</i> Конституционно-правовые основы противодействия терроризму с использованием киберпространства.....	132

UNIVERSITY PROCEEDINGS VOLGA REGION

SOCIAL SCIENCES

№ 4 (64)

2022

CONTENTS

SOCIOLOGY

Ermilova A.V. The influence of social capital on the duration of the period of professional activity of athletes of the highest achievements.....	5
Rassadina T.A. The professional intentions of high school students of the Ulyanovsk region	19
Lebedeva L.G. On the digital generation gap of Russians in social networks.	38
Shatsillo V.A. The role of social stereotypes in the process of professional self-determination of youth	48
Filippov A.A. Internal and external factors of the effectiveness of the institute of education.....	58
Sal'nikova O.V. Value components of students' patriotic potential.....	68

LAW

Ovchinnikov O.M. Debating issues of social and legal protection of minors assisting the operational units of the penal system in the fight against crime	77
Gulyakov A.D., Salomatin A.Yu. Federalization of post-autocratic Russia on its western borders and in the central European part (historical and state analysis).....	89
Khramov D.S. Implementation of the main functions of human rights activities by executive authorities and officials in the Russian Federation.....	101
Platov E.V. Anti-corruption expertise as a type of anti-corruption activity of the prosecutor's office of the Russian Federation	111

<i>Lyubushkin V.A.</i> Issues of defining sovereignty and its significance in the modern state and legal development of the Russian Federation	121
<i>Guk P.A., Korshunova P.V., Kulagina O.N.</i> Constitutional and legal foundations for countering terrorism using cyberspace	132

УДК 316

doi:10.21685/2072-3016-2022-4-1

Влияние социального капитала на продолжительность периода профессиональной деятельности спортсменов высших достижений

А. В. Ермилова

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
имени Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

ermilova.75@bk.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Актуальность изучения продолжительности периода профессиональной деятельности спортсменов связана с выявлением значимости социального капитала в процессе их функционирования в поле спорта высших достижений, а также его влияния на реализацию потенциала спортсменов. Для анализа продолжительности периода профессиональной деятельности спортсменов раскрывается сущность понятия «профессиональный возраст» представителей спортивной сферы деятельности и его особенности; уточняется этимология понятия «социальный капитал». Цель работы – выявление влияния социального капитала на продолжительность периода профессиональной деятельности спортсменов высших достижений. *Материалы и методы.* Для выявления влияния социального капитала на продолжительность периода профессиональной активности спортсменов привлекались интерпретации социального капитала П. Бурдьё, Дж. Коулмана и Р. Патнема; данные авторского социологического исследования, осуществленного в 2021–2022 гг. методом глубинного интервью, в котором приняли участие спортсмены высших достижений ($n = 52$) и члены сборных команд по волейболу Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского ($n = 26$); сплошной анкетный опрос профессиональных спортсменок Нижегородского клуба «Спарта-2» ($n = 25$) в 2022 г.; вторичный анализ данных социологических исследований (анкетный опрос представителей училища и школы олимпийского резерва, $n = 150$, Н. В. Дорофеева, 2022 г.). *Результаты.* Положительно влияющим фактором как на реализацию потенциала спортсменов, так и на продолжительность периода их профессиональной деятельности является высокий уровень социального капитала, а именно отсутствие социальной разобщенности между агентами; наличие обратной связи; хорошо организованная структура спорта / вида спорта, команды; информированность спортивных агентов; соблюдение норм права и норм морали. Особую роль в реализации спортсмена играет такой компонент социального капитала, как доверие на уровне межличностного взаимодействия спортивных агентов и на уровне осуществления внутренней и внешней политики государства, что в свою очередь может способствовать более продолжительному периоду профессиональной деятельности. *Выводы.* Социализация спортсменов преимущественно в границах спортивной деятельности, особенно тех, становление и реализация которых происходит

в школах / интернатах / училищах олимпийского резерва, ведет к формированию определенного вида социального капитала (социально-спортивного), для которого характерна общность специфических установок и воззрений на жизнедеятельность индивидов. Преуменьшение значимости и полноты социального капитала агентами спортивного поля может негативно отражаться на результативности спортсменов, сокращая продолжительность периода их профессиональной деятельности.

Ключевые слова: профессиональный возраст, спортсмен высших достижений, социальный капитал

Для цитирования: Ермилова А. В. Влияние социального капитала на продолжительность периода профессиональной деятельности спортсменов высших достижений // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2022. № 4. С. 5–18. doi:10.21685/2072-3016-2022-4-1

The influence of social capital on the duration of the period of professional activity of athletes of the highest achievements

A.V. Ermilova

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia
ermilova.75@bk.ru

Abstract. *Background.* The relevance of studying the duration of professional age of athletes is associated with the identification of the importance of social capital in the process of their functioning in the field of high performance sport, as well as its impact on the realization of athletes' potential. To analyze the duration of professional age of athletes the essence of the concept "professional age" of representatives of the sports field of activity and its features are revealed; the etymology of the concept "social capital" is specified. The purpose of the study is to identify the influence of social capital on the duration of professional age of athletes of the highest achievements. *Materials and methods.* To identify the impact of social capital on the duration of professional age of athletes, the following interpretations of social capital by P. Bourdieu, J. Coleman and R. Putnam; data from the author's sociological study carried out in 2021–2022 were used. by in-depth interview method, which involved athletes of the highest achievements ($n = 52$) and members of the Lobachevsky State University volleyball teams ($n = 26$); a continuous questionnaire survey of professional athletes of Nizhny Novgorod club "Sparta-2" ($n = 25$) in 2022; secondary analysis of sociological research data (questionnaire survey of representatives of the school and school of Olympic reserve, $n = 150$, N.V. Dorofeeva, 2022). *Results.* A positive factor in both the realization of the athletes' potential and the duration of their professional age is a high level of social capital, namely, the absence of social disunity between the agents; the presence of feedback, well-organized structure of sport / sport, team; awareness of sports agents; compliance with legal and moral norms. A special role in the realization of an athlete is played by such a component of social capital as trust at the level of interpersonal interaction of sports agents, and at the level of implementation of domestic and foreign policy of the state, which, in turn, can contribute to a longer professional age. *Conclusions.* Socialization of athletes mainly within the boundaries of sports activities, especially those whose formation and realization takes place in schools / boarding schools / schools of Olympic reserve, leads to the formation of a certain type of social capital (socio-sports capital), which is characterized by the commonality of specific settings and attitudes on the vital activity of individuals. Underestimation of the importance and completeness of social capital by agents of the sports field may have a negative impact on the performance of athletes, shortening their professional age.

Keywords: professional age, elite athlete, social capital

For citation: Ermilova A.V. The influence of social capital on the duration of the period of professional activity of athletes of the highest achievements. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki = University proceedings. Volga region. Social sciences.* 2022;(4):5–18. (In Russ.). doi:10.21685/2072-3016-2022-4-1

Введение

Проблема наемного труда в сфере занятости населения не снижает своей актуальности в современном обществе в связи реализацией пенсионной реформы, осуществленной в 2018 г. Стаж трудовой деятельности, а именно продолжительность функционирования рабочей силы в сфере трудовых отношений, вариативен в зависимости от сферы труда и профессионально-должностного статуса. В данном случае исследовательский интерес направлен на изучение такой сферы деятельности, как спорт высших достижений, под которым понимается «часть спорта, направленная на достижение спортсменами высоких спортивных результатов на официальных всероссийских спортивных соревнованиях и официальных международных спортивных соревнованиях»¹.

Вопрос стажа трудовой деятельности в зависимости от вида труда можно рассматривать через призму продолжительности профессионального возраста в сфере занятости населения, а именно в спортивной сфере деятельности. В частности, «профессиональный возраст спортсменов – это возраст (количество лет), детерминированный особенностями профессиональной деятельности» [1, с. 174]. Профессиональный возраст спортсменов обусловлен, «во-первых, более ранним вхождением индивида в профессионально-спортивную среду и, соответственно, более быстрым вступлением в профессиональный возраст; во-вторых, менее протяженным стажем трудовой деятельности в зависимости от вида спорта по сравнению с иными сферами трудовой деятельности и, соответственно, более стремительным завершением профессионального возраста» [1, с. 175].

На продолжительность периода профессиональной деятельности спортсменов первоочередное влияние оказывают биологическое и психологическое старение организма, которые являются отражением такого фактического ресурса индивида, как здоровье. Тем не менее продолжительность периода профессиональной деятельности спортсменов сопряжена и с иными ресурсами, которые могут актуализироваться в капитал. Следует указать, что капиталом ресурс становится, когда он «не только способен накапливаться, конвертироваться в денежную форму и воспроизводиться, но и приносить новую, добавочную стоимость, превышающую объемы, необходимые для простого воспроизводства соответствующего ресурса» [2, с. 219].

Актуальность рассматриваемой проблемы продолжительности периода профессиональной деятельности спортсменов высших достижений связана с возможностью выявления аспекта, определяющего полноценную реализацию потенциала спортсменов, что подчеркивает практическую значимость исследовательской работы. В данном случае необходимо обратить внимание на такой аспект, как социальный капитал, который может оказывать положительное воздействие на продолжительность периода профессиональной

¹ О физической культуре и спорте в Российской Федерации : федер. закон № 329-ФЗ от 04.12.2007 (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.06.2022) // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_73038/ (дата обращения: 20.06.2022).

деятельности спортсменов, играть важную роль в достижении успехов в спортивном поле высших достижений. Более того, в исследованиях зарубежных авторов с достаточно высокой частотой фиксируется факт снижения значимости и роли, во-первых, экономического капитала как фактора успеха и результативности в спорте (ВВП на душу населения, рыночная стоимость спортсмена, доходы спортсменов, коммерческая выгода от трансляций и рекламы); во-вторых, человеческого капитала (численность населения, ожидаемая продолжительность жизни, смертность населения) [3–5]. Следовательно, можно предположить, что интерес к изучению социального капитала в современных условиях развития спорта возрастает в связи с подтверждаемой исследователями слабостью прямых финансовых стимулов спортсменов [6, с. 35–36]. Данное обстоятельство необходимо учитывать в процессе социализации как начинающих, так и состоявшихся спортсменов, что также определяет практическую значимость исследовательской работы.

Целью исследовательской работы является выявление влияния социального капитала на продолжительность периода профессиональной деятельности спортсменов высших достижений.

Научная новизна работы состоит в том, что выявлена значимость социального капитала спортсменов высших достижений, обуславливающего продолжительность периода их профессиональной деятельности. В исследовании обозначена роль интерессубъективности как фактора, положительно влияющего на результативность спортсменов высших достижений.

Материалы и методы

Влияние социального капитала на продолжительность периода профессиональной деятельности спортсменов высших достижений рассматривается с опорой на концепцию социального капитала Дж. Коулмана. С целью анализа социального капитала и изучения продолжительности периода профессиональной деятельности был проведен ряд авторских исследований:

- глубинные интервью представителей факультета физической культуры и спорта (ФКС) Национального исследовательского Нижегородского государственного университета (ННГУ) имени Н. И. Лобачевского ($n = 52$) в феврале – мае 2022 г. и членов женской и мужской сборных команд по волейболу факультета ФКС ($n = 26$). Опрос студентов ФКС продиктован наличием среди обучающихся спортсменов высших достижений заслуженных мастеров спорта РФ, мастеров спорта международного класса, мастеров спорта, представляющих различные виды спорта ($n = 185$);
- анкетный опрос профессиональных спортсменов Нижегородского клуба «Спарта» ($n = 25$) в 2022 г.

Также использовались социологические данные, полученные на базах ГБПОУ МО «Училище олимпийского резерва № 3» и ГБУ МО «Спортивная школа олимпийского резерва по летним видам спорта» в 2022 г. исследователем Н. В. Дорофеевой «Взаимоотношения в семье как фактор социальной установки на спорт у спортсменов олимпийского резерва» ($n = 150$).

Результаты

Прежде чем анализировать влияние социального капитала, необходимо уточнить его этимологию. Проблема социального капитала в значительной степени связана с работами известных социологов: во-первых, П. Бурдьё, который интерпретировал его как систему социальных связей, выступающих

источником получения выгод [7]; во-вторых, Дж. Коулмана, понимающего под социальным капиталом общественное благо, производимое индивидами с целью извлечения выгод [8]. Трехфакторная теория американского политолога Р. Патнема тоже сыграла определенную роль в исследовании жизнедеятельности населения, в частности его политической активности. Под социальным капиталом Р. Патнем понимает систему социальных связей, социальных норм и доверия [9]. Анализируя сущность социального капитала «в контексте синтеза представленных теорий, можно определить его как систему социальных факторов, направленных на приращение социально значимых благ» [10, с. 116].

Интерес прежде всего к социальному капиталу объясняется тем, что последний проявляется во взаимодействии индивидов, облегчая их взаимоотношения внутри определенной системы, а в нашем случае – в спортивном поле, что может положительно отражаться на результативности деятельности агентов, а следовательно, и на продолжительности профессионального возраста спортсменов.

Под социальным капиталом спортсменов высших достижений понимается способность к совместным действиям, взаимодействию агентов социального пространства для достижения результата в спортивной сфере деятельности. Обладание социальным капиталом и понимание его важности в определенной степени является залогом успешности спортсмена, так как именно он облегчает «определенные действия акторов внутри структуры, будь то индивид или корпорация» [8, с. 123].

Следует уточнить, что Дж. Коулман, анализируя рациональное поведение в социальных системах, особую роль отводит именно социальному капиталу, видя в нем инструмент, позволяющий выявить специфику отношений между индивидами. Составными компонентами социального капитала, по его мнению, являются: социальные связи, доверие, система взаимных ожиданий и обязательств, накопленный опыт, информированность субъектов, нормы права и нормы морали. Через призму ингредиентов социального капитала ученого мы проанализируем продолжительность периода профессиональной деятельности спортсменов высших достижений.

Как отмечает Дж. Коулман, социальный капитал определяется прежде всего наличием взаимоотношений и взаимодействий индивидов, поэтому социальный капитал является своего рода ресурсом не только спортсмена, но и целой спортивной общности и социума. Основным источником социального капитала является *доверие*, отсутствие которого может не позволить спортивным агентам существовать в границах одного поля деятельности. Доверие в спортивном поле имеет разнонаправленную природу в зависимости от специфики вида спорта: индивидуального или группового (рис. 1).

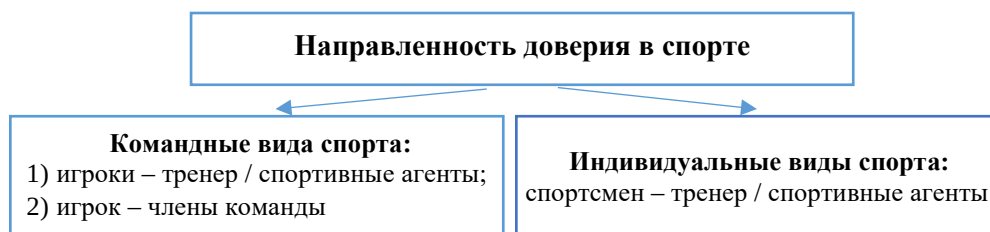

Рис. 1. Направленность доверия

Спортивные агенты независимо от их статуса должны прикладывать все возможные усилия для поддержания ценности социального капитала. В противном случае может нависнуть угроза разрушения структуры системы, что в итоге может привести к ее утрате. Так, в случае недооценки такого базиса социального капитала, как доверие, в первую очередь происходит снижение результативности спортсменов; во-вторых, разрушение спортивной общности в первоначальной форме, в результате чего спортсмены переходят к другому тренеру (в другую команду) либо завершают спортивную карьеру.

Опрос студентов факультета физической культуры и спорта ННГУ имени Н. И. Лобачевского ($n = 52$), представляющих различные виды спорта (фехтование, художественную гимнастику, баскетбол, футбол, плавание, бокс, единоборства, волейбол, легкую атлетику, хоккей, велоспорт, биатлон, спортивное ориентирование), выявил причины кризиса спортивной карьеры, связанные со снижением значимости социального капитала, что могло привести к вынужденному завершению профессиональной спортивной карьеры. Так, из числа опрошенных 11 студентов-спортсменов указали, что именно потеря доверия к тренерскому составу, спровоцированная частыми конфликтами между спортсменами и их тренерами, явилась причиной их ухода из спорта. По признанию 8 участников опроса значимость социального капитала также сильно ощущается в ситуации перехода к другому тренеру в связи с повышением их профессионального уровня.

Данные глубинного интервью волейболистов тоже указывают на значимость тренера как источника доверительных отношений в команде, что, по их мнению, способствует более длительной интеграции спортсменов в спортивное поле:

«От тренера все зависит, он принимает все решения» (жен., 21 год).

«Я считаю, от тренера: он главный в команде, он определяет взаимодействия как на поле, так и за ним» (муж., 19 лет).

«То, что она с нами считается, даже иногда советуется, тоже мотивирует, не хочется ее подводить» (жен., 22 года).

При этом актуальность взаимной поддержки членов команд находится также на высоком уровне:

«Поддержкой, тем, что кто-то может взять на себя ответственность в трудную минуту» (жен., 19 лет).

«Во время игры поддержать, подсказать, также на тренировках помогать» (муж., 21 год).

«Советами, словами, какими-то личными своими качествами» (муж., 20 лет).

Значимость доверия как со стороны тренерского состава, так и со стороны членов команды особо отмечают и представители профессионального клуба «Спарта-2». В частности, почти 50 % участников опроса указали на «дедовщину» в команде и конфликты с тренерским составом как факторы, негативно отражающиеся на их желании оставаться в профессиональном спорте.

Стоит заметить, что для представителей женских командных видов спорта, как показал опрос волейболисток, значимость доверительных отношений между различными акторами взаимодействия выражена сильнее. Негативный интерактивный опыт, приобретенный еще в детских командах,

а именно силовое/физическое воздействие на игрока со стороны тренера (агрессия, унижение личности), отрицательно повлияли на взаимоотношения в новых командах, снизив доверие к новому тренерскому составу:

«Я не доверяла тренеру в детской команде, так как он постоянно меня обзывал. Ушла из команды и не жалею. Из-за этого очень сложно доверять членам новой команды» (жен., 21 год).

«Постоянно испытывала стресс в детской команде, надо было просто выживать. Какое доверие? Это постоянная борьба за место, которая не всегда дает положительный результат» (жен., 19 лет).

«В нашей команде не было доверия к друг другу, так как у тренера всегда были любимчики. Иногда специально не выполняла его установки» (жен., 18 лет).

Ценность коммуникативных навыков тренера как базиса возникновения доверительных отношений, весомость которых увеличивается в зависимости от места проживания спортсменов, отмечается и в исследованиях Н. В. Дорофеевой. По мнению участников опроса ($n = 150$), именно тренер чаще всего становится первичным агентом социализации юного спортсмена, особенно в случае проживания его удаленно от своей семьи, например в интернате. Снижение сплоченности, доверительных отношений в семье чаще всего наблюдается у спортсменов из училища олимпийского резерва в связи с отсутствием совместного времяпровождения, различиями взглядов и убеждений в отношении профессиональной деятельности, а также влиянием тренера и иных спортивных агентов [11, с. 14]. Личность тренера в таких условиях формирования спортсмена становится чаще всего единственным источником доверительных отношений, от которого во многом зависит продолжительность и эффективность пребывания учеников в поле спорта.

Следовательно, спортивная команда, члены которой могут положиться друг на друга, в том числе и на тренера, способна достичь более высокого результата по сравнению с группой, не обладающей такими качествами, как абсолютное доверие, надежность, взаимозаменяемость. Важно осознавать ценность доверительных отношений между спортивными агентами для реализации поставленной цели и продления периода профессиональной деятельности.

Следует более глубоко рассмотреть вопрос формирования доверительных отношений в спорте, что является их базисом. Необходимо иметь в виду, что социальные отношения возможны только при наличии социальной связи между акторами, на основе которой, как указывал Дж. Коулман, возникают различные социальные общности людей. Значимость каждой общности, в том числе и общности спортсменов, определяется количеством взаимосвязей как непосредственно внутри ее самой, так и с другими социальными образованиями. Следовательно, социальные связи, а именно система взаимных ожиданий и обязательств, является условием взаимодействий спортивных агентов и основанием возникновения доверия, которые в современных спортивных реалиях чаще имеют форму договора [12] или контракта [13]. Считаем уместным рассмотреть в поле спорта представителей профессиональной направленности в связи с их привлечением в сферу спорта высших достижений. Постольку цель спорта высших достижений – это достижение максимально возможных спортивных результатов или победа на крупнейших спортивных

соревнованиях, то результативность в первую очередь связана с мастерством спортсменов. Однако не менее важным аспектом является система взаимных ожиданий и обязательств, которая опирается в большей степени на социальный капитал, а именно на его базис – доверие между спортивными агентами и в меньшей – на финансирование. Как отмечал Дж. Коулман, «институт не может существовать без высокой степени доверия среди членов группы» [8, с. 127]. Тем не менее высокая финансовая обеспеченность отдельных представителей видов спорта [14] в соответствии с контрактами не всегда является залогом их результативности, что подрывает доверие к данному виду деятельности как в целом со стороны общества, так и непосредственно со стороны спортсменов, имеющих самые высокие результаты, но дискриминированных в оплате труда. Диспропорции вознаграждений в поле спорта негативно сказываются на самой спортивной системе, так как возникает эффект снижения ее надежности, которая может привести к сегрегации спортсменов, представляющих различные виды спорта. Как показало интервью студентов, 2/3 опрошенных не удовлетворены значительной разницей в доходах представителей различных видов спорта, что, по их мнению, ведет к дефициту доверия в спортивном поле:

«Разница в доходах спортсменов одинаковой результативности, но представляющих разные виды спорта – это дискриминация» (гребец, 23 года).

«Ну, у нас футболисты – это привилегированная группа спортсменов! Честно говоря, чувствуешь себя униженной, когда получаешь свою заработную плату» (легкая атлетика, 21 год).

Однако дифференцированное финансовое вознаграждение непосредственно в самой команде может также способствовать возникновению недоверия как к членам команды, так и к тренерам, на что указали 72 % профессиональных волейболисток из клуба «Спарта», неудовлетворенных размером своего вознаграждения. По их мнению, существующая дискриминация в оплате труда не способствует их более продолжительному нахождению в сфере спортивной деятельности.

Подчеркивая значимость социального капитала, следует обратить внимание на опыт советского государства, когда накопленный социальный опыт в эпоху патернализма представлял собой некую идеологически коммуникативную конструкцию, основной характеристикой которой являлась интересубъективность, фиксирующая общность установок, позиций, ориентаций взаимодействующих субъектов [15, с. 198]. Вопрос вознаграждения спортсменов был вторичным в силу отсутствия профессионального спорта в советском государстве как такового; спорт не рассматривался как деятельность, направленная на получение дохода, что позволяло государству наращивать свой ресурсно-спортивный потенциал. Тем не менее уровень спортивных достижений в патерналистскую эпоху развития нашей страны находился на высоком уровне. Например, «сборная СССР по хоккею раз за разом становилась триумфатором всех крупных турниров» [16], а имена наших хоккеистов были известны всему мировому сообществу. В настоящее же время наличие профессионального спорта элиминирует значимость социального капитала, все большее количество спортсменов на первый план ставят именно материальный капитал, снижая тем самым доверие общественности. Так, например, цели НХЛ в корне расходятся с целями Олимпийских игр, в результате чего Олимпиада-2022 по привлекательности для зрителей снизилась, впрочем, как

и результативность сборных по хоккею Канады и США. Незамедлительно последовала негативная оценка спортивных экспертов [17].

Низкий уровень доверия общественности к внутренней и внешней политике государства, направленной на поддержку своих спортсменов, в том числе на мировой спортивной арене, тоже может негативно влиять на результативность спортсменов, а следовательно, и на продолжительность периода их профессиональной деятельности. В частности, глубокая политизация, поглотившая сегодня спортивное поле деятельности, актуализирует вопрос социальной защиты спортсменов на международной арене.

Вступая во взаимодействие, спортивные акторы передают ту или иную *информацию*, которая является еще одной составляющей социального капитала, как отмечает Дж. Коулман. В данном случае актуализируется вопрос обратной связи между акторами, наличие которой обуславливает высокий уровень развития социального капитала в поле спорта, что положительно отражается на результативности спортивной деятельности. Представители спорта высших достижений представляют собой в большей степени такую категорию, для которой характерна ограниченность информационного ресурса или его однонаправленность. На вопросе рассмотрения причин информационной ограниченности спортсменов стоит остановиться более подробно. Спортсмены, как правило, хорошо информированы в пределах поля спорта (конкретного его вида), так как именно в нем в большей степени происходила их социализация и становление. Особенно ярко выражен дефицит информационного ресурса у тех спортсменов, становление которых было связано с жизнедеятельностью в спортивных интернатах. Как показал опрос спортсменов олимпийского резерва ($n = 150$), значительная часть которых проживает в училище, процесс познания социальной реальности формируется у них через активное освоение прежде всего мира спорта. При этом будущие олимпийцы связывают свою дальнейшую жизнь преимущественно с реализацией в профессионально-спортивной среде. Как отмечает исследователь Н. В. Дорофеева, для данной категории спорт выступает в роли основной деятельности, в ходе которой происходит их развитие [11, с. 17], тем самым сокращаются возможности их интеграции в социум после завершения спортивной карьеры. Следует заметить, что социализация спортсменов преимущественно в границах спортивной деятельности, особенно тех, становление и реализация которых происходит в школах / интернатах / училищах олимпийского резерва, ведет к формированию определенного вида социального капитала (социально-спортивного), для которого характерна общность установок и воззрений на жизнедеятельность индивидов.

Невысокий уровень информированности можно наблюдать и у действующих спортсменов высших достижений, несмотря даже на то что они проходят обучение в системе высшего образования. Как показал опрос студентов факультета физической культуры и спорта ННГУ имени Н. И. Лобачевского, значительная их часть не имеют представления о происходящих событиях в стране, о специфике развития различных сфер жизнедеятельности населения, так как основные их усилия направлены на достижения спортивного результата:

«Я постоянно нахожусь на соревнованиях, поэтому не имею представления, чем живут люди» (мужчина, 21 год).

«Я каждый день тренируюсь по 6 часов, остаются силы только поесть и поспать. На учебу практически не остается времени. Появляюсь в университете ближе к экзаменам» (мужчина, 22 года).

«Моя жизнь состоит из тренировок и соревнований. Пока я действующая спортсменка, мне интересен только спорт, потом посмотрим» (женщина, 19 лет).

Информированность спортсменов преимущественно в рамках спортивного поля в дальнейшем может затруднить их адаптацию после завершения спортивной карьеры. Поэтому в данном случае важно своевременно наращивать информационный ресурс в процессе самореализации спортсмена. В противном случае низкий уровень информированности может спровоцировать социальную эксклюзию бывшего спортсмена, когда аккумулированная информация о спортивной деятельности может снизить свою актуальность, а новой информацией о других полях социального пространства спортсмен не обладает.

Положительным примером подготовки спортсмена к этапу завершения спортивной карьеры, а именно наращивания информационного ресурса, является программа «Игровой интеллект», реализуемая в спортивном клубе «Авангард». Программа направлена на приобретение знаний, которые понадобятся спортсменам на этапе завершения спортивной карьеры, как и за пределами арен. Версия программы «Игровой интеллект» состояла из нескольких основных тем, каждой из которых было посвящено отдельное занятие:

- финансовая и правовая грамотность;
- развитие коммуникационных навыков (общение с прессой, управление социальными сетями, личный бренд и репутация);
- долгосрочное планирование развития карьеры [18].

Еще одной составляющей социального капитала является норма, понижающая всю спортивную сферу. Существующие нормы права в поле спорта позволяют снижать актуальность таких проблем, как договорные матчи, национализм, дискриминация, криминализация, употребление допинга [19]. «Норма такого рода, усиленная социальной поддержкой, статусом, достоинством и другими качествами, представляет форму социального капитала, на которой воспитывается молодое поколение...» [8, с. 129], в том числе и будущие спортсмены высших достижений.

Особая значимость в поле спорта отводится так называемым неписаным законам, т.е. нормам морали, которые тоже являются составной частью социального капитала. Соответственно, нормы права и нормы морали, существующие в спорте, ориентированы на достижение результатов в данном виде деятельности. Нормы права обычно известны даже начинающим спортсменам, тогда как нормы морали спортсмен постигает в процессе коммуникативной деятельности в коллективе. Однозначно нельзя сказать, какие именно нормы в большей степени сдерживают спортсменов от неправильных шагов, подрывающих их авторитет. Однако в командных видах спорта именно нормы морали в коллективе могут стать доминирующей формой социального капитала, что обуславливает доверительные отношения внутри коллектива. Так, по результатам анкетирования представителей профессионального клуба «Спарта-2» почти 60 % респондентов испытывают высокий уровень психического напряжения в связи с существующими внутри спортивной общности нормами методического и организационного характера, а также нормами

морали. Однако следует учитывать, что нормы морали специфичны в зависимости от направленности спорта (индивидуальный или командный), от вида спорта, от конкретного коллектива, что говорит о необходимости адаптации спортсмена в случае перехода из одной команды в другую.

Заключение

Положительно влияющим фактором как на результативность в спорте, так и на продолжительность периода профессиональной деятельности спортсмена является высокий уровень социального капитала. Значимость таких компонентов социального капитала, как социальные связи, доверие, система взаимных ожиданий и обязательств, накопленный опыт, наличие обратной связи между спортивными агентами, информированность субъектов, нормы права и нормы морали, в сфере спорта высших достижений высока и во многом сказывается на продолжительности периода профессиональной деятельности спортсменов. Как показали данные социологических опросов, негативные формы взаимодействия между акторами спортивного поля, низкий уровень доверия и информированности спортсменов могут оказывать негативное влияние на результативность, а соответственно, способствовать сокращению стажа пребывания в социальном поле спорта. Особое значение имеет такой компонент социального капитала, как доверие, недостаток которого в большей степени может проявляться непосредственно в межличностном взаимодействии между акторами социального поля спорта, а также во внутренней и внешней политике государства, в результате которой российских спортсменов сегодня дискриминируют на мировой спортивной арене. Как показывает опыт патерналистской эпохи развития советского спорта, интересубъективность, а именно общность установок, позиций, ориентаций взаимодействующих спортсменов и иных спортивных агентов, является залогом более продолжительного профессионального возраста и успешности спортсмена. В противном случае инволюция доверия может привести не только к разрыву отношений между агентами, как указывалось выше, но и к разрыву со спортивной общностью, что повлечет за собой завершение профессиональной деятельности.

Список литературы

1. Ермилова А. В. Профессиональный возраст: к вопросу о социологической концептуализации (на примере профессиональных спортсменов) // *Logos et Praxis*. 2021. Т. 20, № 2. С. 172–181.
2. Тихонова Н. Е. Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа. М. : Институт социологии РАН, 2007. 320 с.
3. Coupé T. Incentives and Bonuses – the Case of the 2006 World Cup // *Kyklos*. 2007. Vol. 60, № 3. P. 349–358.
4. Leeds M. A., Leeds E. M. International Soccer Success and National Institutions // *Journal of Sports Economics*. 2009. Vol. 10, № 4. P. 369–390.
5. Macmillan P., Smith I. Explaining International Soccer Rankings // *Journal of Sports Economics*. 2007. Vol. 8, № 2. P. 202–213.
6. Зайцева И. А. Социальный капитал – фактор спортивных достижений (на примере национальных сборных по футболу) // *Журнал Новой экономической ассоциации*. 2018. № 1 (37). С. 34–60.

7. Бурдые П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. Т. 3, № 5. С. 60–74.
8. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 122–139.
9. Патнем Р. Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии / пер. с англ. А. Захарова. М. : Ad Marginem, 1996. 288 с. URL: <http://www.socio.karazin.ua/resour-cs/530ccfd4b223dd0192f72ef3d1a7435f.pdf> (дата обращения: 01.03.2022).
10. Герасимова Л. А. Социальный капитал: ключевые проблемы и факторы развития в рамках процесса формирования человеческого капитала и реализации социально-экономических потребностей населения // Regional Economics: Theory and Practice. 2018. Vol. 16, iss. 6. P. 1115–1126.
11. Дорофеева Н. В. Взаимоотношения в семье как фактор социальной установки на спорт у спортсменов олимпийского резерва : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.05. М., 2022. 26 с.
12. Зарплаты и пенсии олимпийских чемпионов в России 2022 // Ostrovrusa. URL: <https://ostrovrusa.ru/skolko-platyat-olimpijskim-chempionam-v-rossii> (дата обращения: 28.02.2022).
13. Трудовой кодекс Российской Федерации № 197-ФЗ от 30.12.2001 (в ред. от 19.12.2022) // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/a27df91d3d21563ac36eb0a03576f1d59f9b639d/ (дата обращения: 28.02.2022).
14. Зарплаты Футболистов в России и в Море (Таблица 2020–2021) // Футбольный Эстет. URL: <https://football-esthete.ru/zarplaty-futbolistov/> (дата обращения: 03.03.2022).
15. Ермилова А. В. Трансформация представлений о спорте высших достижений в зеркале феноменологии // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2021. № 4. С. 194–206.
16. Пропанганда, массовость и великие триумфы. Как занимались спортом в СССР? // Живу спортом. URL: <https://xn--b1ahgrjafjgng.xn--p1ai/article/propaganda-massovost-i-velikie-triumfy-kak-zanimalis-sportom-v-sssr> (дата обращения: 03.03.2022).
17. «Это отстой. Все были в предвкушении»: реакция хоккеистов и экспертов на отказ НХЛ ехать на Олимпиаду в Пекин // Комсомольская правда. URL: <https://www.kp.ru/sports/olimpiada-2022-v-pekine/reakczija-hokkeistov-i-ekspertov-na-otkaz-nhl-ehat-na-olimpiadu-v-pekine/> (дата обращения: 03.02.2022).
18. Хоккеистов учат, как не слить карьеру и чем заниматься после нее // Sports.ru URL: <https://www.sports.ru/tribuna/blogs/rudnev/2554512.html> (дата обращения: 09.03.2022).
19. Спортивная криминология // Санкт-Петербургский международный криминологический клуб. URL: <https://www.criminologyclub.ru/home/the-last-sessions/431-2021-09-08-10-34-38> (дата обращения: 28.03.2022).

References

1. Ermilova A.V. Professional age: on the issue of sociological conceptualization (by the example of professional athletes). *Logos et Praxis*. 2021;20(2):172–181. (In Russ.)
2. Tikhonova N.E. Sotsial'naya stratifikatsiya v sovremennoy Rossii: opyt empiricheskogo analiza = *Social stratification in modern russia: experience of empirical analysis*. Moscow: Institut sotsiologii RAN, 2007:320. (In Russ.)
3. Coupé T. Incentives and Bonuses – the Case of the 2006 World Cup. *Kyklos*. 2007;60(3):349–358.
4. Leeds M.A., Leeds E.M. International Soccer Success and National Institutions. *Journal of Sports Economics*. 2009;10(4):369–390.

5. Macmillan P., Smith I. Explaining International Soccer Rankings. *Journal of Sports Economics*. 2007;8(2):202–213.
6. Zaytseva I.A. Social capital as a factor in sports achievements (by the example of national football teams). *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii* = Journal of the new economic association. 2018;(1):34–60. (In Russ.)
7. Burd'e P. Forms of capital. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* = Economic sociology. 2002;3(5):60–74. (In Russ.)
8. Koulman Dzh. Social and human capital. *Obshchestvennye nauki i so-vremennost'* = Social sciences and modernity. 2001;(3):122–139. (In Russ.)
9. Patnem R. *Chtoby demokratiya srabotala. Grazhdanskie traditsii v sovremennoy Italii* = For democracy to work. Civic traditions in modern Italy. Transl. from Eng. by A. Zakharov. Moscow: Ad Marginem, 1996:288. (In Russ.). Available at: <http://www.socio.karazin.ua/resour-ces/530ccfd4b223dd0192f72ef3d1a7435f.pdf> (accessed 01.03.20220).
10. Gerasimova L.A. Social capital: key problems and factors of development in the framework of the process of forming human capital and realizing the social and economic needs of the population. *Regional Economics: Theory and Practice*. 2018; 16(6):1115–1126. (In Russ.)
11. Dorofeeva N.V. *Relationships in the family as a factor of social attitude towards sports and athletes of the Olympic reserve*. PhD abstract. Moscow, 2022:26. (In Russ.)
12. Salaries and pensions of Olympic champions in Russia 2022. *Ostrovrua*. (In Russ.). Available at: <https://ostrovrua.ru/skolko-platyat-olimpijskim-chempionam-v-rossii> (accessed 28.02.2022).
13. Labor Code of the Russian Federation No.197-FZ from December 30th, 2001 (in edition from December 19th, 2022). *ConsultantPlus*. (In Russ.). Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/a27df91d3d21563ac36eb0a03576f1d59f9b639d/ (accessed 28.02.2022).
14. Salaries of football players in Russia and in the World (Table 2020–2021). *Futbol'nyy Estet* = Football esthete. (In Russ.). Available at: <https://football-esthete.ru/zarplaty-futbolistov/> (accessed 03.03.2022).
15. Ermilova A.V. Transformation of ideas about elite sport in the mirror of phenomenology. *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskie nauki* = Bulletin of Perm National Research Polytechnic University. Social and economic sciences. 2021;(4):194–206. (In Russ.)
16. Propaganda, mass character and great triumphs. How did you go in for sports in the USSR? *Zhivu sportom* = I live for sports. (In Russ.). Available at: <https://xn--b1ahgrjafjgng.xn--p1ai/article/propaganda-mas-sovost-i-velikie-triumfy-kak-zanimalis-sportom-v-sssr> (accessed 03.03.2022).
17. “This sucks. Everyone was in anticipation” the reaction of hockey players and experts to the refusal of the NHL to go to the Olympics in Beijing. *Komsomol'skaya Pravda* = Komsomolskaya pravda. (In Russ.). Available at: <https://www.kp.ru/sports/olimpiada-2022-v-pekine/reakcziya-hokkeistov-i-ekspertov-na-otkaz-nhl-ehat-na-olimpiadu-v-pekin/> (accessed 03.02.2022).
18. Hockey players are taught how not to lose their career and what to do after it. *Sports.ru*. (In Russ.). Available at: <https://www.sports.ru/tribuna/blogs/rudnev/2554512.html> (accessed 09.03.2022).
19. Sports criminology. *Sankt-Peterburgskiy mezhdunarodnyy kriminologicheskij klub* = Saint Petersburg international criminological club. (In Russ.). Available at: <https://www.criminologyclub.ru/home/the-last-sessions/431-2021-09-08-10-34-38> (accessed 28.03.2022).

Информация об авторах / Information about the authors

Анна Вячеславовна Ермилова

кандидат социологических наук, доцент
кафедры общей социологии
и социальной работы, Национальный
исследовательский Нижегородский
государственный университет
имени Н. И. Лобачевского
(Россия, г. Нижний Новгород,
пр. Гагарина, 23)

E-mail: ermilova.75@bk.ru

Anna V. Ermilova

Candidate of sociological sciences,
associate professor of the sub-department
of general sociology and social work,
Lobachevsky State University of Nizhny
Novgorod (23 Gagarina avenue,
Nizhny Novgorod, Russia)

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 11.07.2022

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 03.10.2022

Принята к публикации / Accepted 09.11.2022

УДК 316.75
doi:10.21685/2072-3016-2022-4-2

Профессиональные намерения старшеклассников Ульяновской области

Т. А. Рассадина

Ульяновский государственный педагогический университет
имени И. Н. Ульянова, Ульяновск, Россия

t.rassadina@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* «Прикрепление» молодых людей к профессии, интеграция в социально-профессиональную структуру современного общества не становятся менее проблематичными. Выбор профессии осуществляется в сложных экономических условиях, при меняющихся запросах государства и рынка на профили, при расширении пространства для самостоятельного конструирования биографий, незначительном улучшении профориентационной работы. Формирующиеся профессиональные намерения старшеклассников на разных этапах подвержены различным воздействиям, изменениям. Эти процессы требуют внимательного научного наблюдения, понимания, учета со стороны заинтересованных социальных субъектов. Целью исследования является анализ содержательных аспектов профессиональных намерений старшеклассников региона, факторов привлекательности профессии, информированности о некоторых сторонах профессии, об источниках информации. *Материалы и методы.* Работа выполнена на основе социологического исследования «Профессиональные и образовательные намерения старшеклассников Ульяновской области». Полевой этап – ноябрь – декабрь 2021 г. Метод сбора информации – количественный (анкетный интернет-опрос). *Результаты.* Девять из десяти старшеклассников имеют намерения поступать после окончания школы в вуз, что демонстрирует высокую ценность высшего образования. «Ядро» привлекательных для выпускников профессий стало разнообразнее по сравнению с 1990-ми и 2000-ми гг.: наряду с юридическими и экономическими профессиями наблюдается высокий интерес к профессии естественно-научного (медицина), инженерно-технического (прежде всего, IT-технологиям), силового направлений, связанных с образованием, воспитанием, работой с человеком (психология). Среди мотивов предпочтений – содержательные аспекты профессии и стратификационные: оплата труда; направленность труда; соответствие профессии способностям, интересам, чертам характера; характер труда; престижность. Информированность о выбираемой профессии разная: больше о требованиях к способностям и личным качествам (актуализируются и потребностями самопознания); меньше – о содержании, условиях, оплате труда (зависят от информирования социальной среды). В случае несоответствия ожиданиям это усилит негативное отношение к выбору, может привести к его изменению. Информационная база о мире профессий немалая, но носители информации в разной степени полезны, объективны, эффективны. Каналом-лидером информации о профессиях является Интернет; далее – родители, родственники, знакомые; наблюдения за трудовой деятельностью специалистов на их рабочем месте; друзья, сверстники; телевидение. Анализ каналов информации в зависимости от места жительства (город – районы области) демонстрирует очевидное информационное неравенство. Чем лучше учится ученик, тем больше он использует Интернет и более профессиональные каналы информации. С ростом дохода семьи растёт возможность максимально использовать все каналы информации. Решающие факторы выбора профессии (личные планы, способности,

склонности, с одной стороны, и идущие от социума финансовые, престижные факторы – с другой) могут быть трудносовместимыми, создавать внутренний диссонанс у детей, ситуацию крайне трудного выбора. *Выводы.* Результаты исследования продемонстрировали у более 60 % старшеклассников неустойчивые, неопределенные профессиональные намерения («сомневающиеся» и «совсем не определившиеся»). Выявленные проблемы требуют интенсификации работы со стороны заинтересованных субъектов (профессиональных, родителей) на этапе формирования профессиональных намерений школьников.

Ключевые слова: намерение, профессиональное намерение, привлекательность профессии, факторы привлекательности профессии, каналы информации о профессии, решающие факторы выбора профессии

Для цитирования: Рассадина Т. А. Профессиональные намерения старшеклассников Ульяновской области // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2022. № 4. С. 19–37. doi:10.21685/2072-3016-2022-4-2

The professional intentions of high school students of the Ulyanovsk region

T.A. Rassadina

Ulyanovsk State Pedagogical University, Ulyanovsk, Russia

t.rassadina@mail.ru

Abstract. *Background.* The “attachment” of young people to the profession, integration into the socio-professional structure of modern society do not become less problematic. The choice of profession is carried out in difficult economic conditions, with changing requests of the state and the market for profiles, with expanding the space for independent design of biographies, insignificant improvement of career guidance work. The emerging professional intentions of high school students at different stages are subject to various influences and changes. These processes require careful scientific observation, understanding, accounting by interested social actors. The purpose of the study is to analyze the substantive aspects of the professional intentions of high school students in the region, factors of attractiveness of the profession, awareness of some aspects of the profession, and sources of information. *Materials and methods.* The study was made on the basis of a sociological study “The professional and educational intentions of high school students of the Ulyanovsk region”. Field stage: November – December 2021. Information collection method: quantitative (questionnaire Internet-survey). *Results.* Nine out of ten high school students intend to enter the university after graduation, which demonstrates the high value of higher education. The “core” of professions attractive to graduates has become more diverse compared to the 90s and zero years: along with legal and economic professions, there is a high interest in the professions of natural science (medicine), engineering and technical (IT technologies, first of all), power areas related to education, upbringing, work with a person (psychology). Among the motives of preference: substantive aspects of the profession and stratification: remuneration; the focus of labor; compliance of the profession with abilities, interests, character traits; the nature of the work; prestige. Awareness of the chosen profession is different: more about the requirements for abilities and personal qualities (updated and the needs of self-knowledge); less – about the content, conditions, remuneration (depend on informing the social environment). In case of non-compliance with expectations, this will increase the negative attitude towards choice, may lead to its change. The information base about the world of professions is considerable, but information carriers are to varying degrees useful, objective, effective. The channel-leader of information about professions is the Internet; further – parents, relatives, acquaintances; monitoring the work activities of specialists at their workplace; friends, peers; television. Analysis of information channels

depending on the place of residence (city – districts of the region) demonstrates obvious information inequality. The better the student learns, the more they use the Internet and more professional channels of information. With the growth of family income, the ability to make the most of all information channels is growing. Decisive factors of choosing a profession (personal plans, abilities, inclinations, on the one hand, and financial, prestigious, on the other) coming from society can be difficult to compatible, create internal dissonance in children, a situation of extremely difficult choice. *Conclusions.* The results of the study demonstrated unsustainable, uncertain professional intentions (“doubters” and “at all undecided”) in more than 60 % of high school students. The identified problems require intensification of work by interested entities (professional, parents) at the stage of formation of professional intentions of schoolchildren.

Keywords: intention, professional intention, attractiveness of profession, factors of attractiveness of profession, channels of information about profession, decisive factors of choice of profession

For citation: Rassadina T.A. The professional intentions of high school students of the Ulyanovsk region. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki = University proceedings. Volga region. Social sciences.* 2022;(4): 19–37. (In Russ.). doi:10.21685/2072-3016-2022-4-2

Введение

Сложные процессы «прикрепления» молодых людей к профессии, обретения профессиональной идентичности, интеграции в социально-профессиональную структуру современного общества не становятся менее проблематичными. И это не только личные проблемы. Профессиональное самоопределение напрямую зависит от социально-экономических условий, аккумулирует в себе все институциональные противоречия в сферах образования и труда. Успешное профессиональное самоопределение – это фактор эффективного воспроизводства человеческого потенциала, высококвалифицированных специалистов для отечественной экономики и социальной сферы. Выбор профессии всегда был значимым фактором жизненного успеха. Он определяет источники жизнеобеспечения, является важнейшей предпосылкой экономической самостоятельности и независимости человека, статусного роста. Отсюда повышенная тревожность по поводу возможной ошибки и неудачного старта в профессиональной сфере.

Сегодня выбор профессии осуществляется в условиях расширения пространства для самостоятельного конструирования биографий, роста общественной ценности образования (прежде всего высшего) при некотором улучшении институциональных условий профориентационной работы (профильные классы, дополнительное образование и др.). Продолжается легитимация запросов государства и рынка на развитие инженерно-технических, естественно-научных профилей, на получение молодыми людьми современного среднего профессионального образования и пополнение рынка труда квалифицированными рабочими кадрами. Создание государством условий для развития этих профессиональных сфер как драйверов экономики не всегда находит ожидаемый отклик у молодежи.

Конструирование профессиональной траектории происходит по-прежнему в условиях ограниченности разных ресурсов и доступа к ним, зачастую при отсутствующей фасилицирующей регуляции общественных отношений, что усложняет выбор, который и сам является своего рода критическим событием. В спокойных внутренних и внешних условиях выбор более спокойный,

осознанный, управляемый. Однако чаще ситуация выбора происходит в напряженных условиях, моделирует бифуркацию, идет во многом непредсказуемо, слабо управляемо, может дать непредсказуемые результаты. Выбор молодых людей зачастую характеризуется как нелинейный, спонтанный, краткосрочный, динамичный, с высокой степенью дифференциации, индивидуализации.

Вместе с тем в условиях сложности и многофакторности выбора профессионального пути происходит социальная ориентация старшеклассников, формируются их профессиональные намерения.

Целью статьи является анализ содержательных аспектов профессиональных намерений старшеклассников региона, факторов привлекательности профессии, информированности о некоторых сторонах профессии, об источниках информации.

Материалы и методы

Статья выполнена на основе социологического исследования «Профессиональные и образовательные намерения старшеклассников Ульяновской области». Полевой этап – ноябрь – декабрь 2021 г. Метод сбора информации – количественный (анкетный интернет-опрос). Выборка – 1047 старшеклассников; многоступенчатая, репрезентативная, серийная по месту жительства школьников (г. Ульяновск, районы области), по классам (10, 11 классы), основание – сведения об организации предпрофильного и профильного обучения в образовательных организациях Ульяновской области; отобрано 12 школ разных типов г. Ульяновска, 12 школ районов области с наибольшим количеством старшеклассников; отбор внутри школ случайно-бесповторный. Максимальный размер ошибки выборки (Δ) с вероятностью 95 % не превышает 5,0 %. На погрешность могла повлиять процедура рекрутирования информантов при инструктировании работы с Google-формами, которую осуществляли руководители (представители) школ.

Обработка данных выполнена с помощью программы IBM SPSS Statistics, версия 21.

Результаты

Системообразующими понятиями исследования являются «намерение», «профессиональное намерение». Намерение – предположение сделать что-нибудь, желание, замысел [1]; стойкая мысль о возможности или необходимости выполнять определенное действие или деятельность; при подкреплении волей становится стремлением [2, с. 90]; зафиксированная решением направленность на осуществление цели, внутренняя подготовка отсроченного действия [3]. Намерение – это функциональное образование, в котором в неразрывном единстве выступают аффективные и интеллектуальные компоненты. Обычно относится к предполагаемым средствам или целям, которые мотивируют агента; «вплетается» в процесс принятия решений; организует поведение человека, позволяет ему произвольно действовать с целью удовлетворения своих потребностей и интересов; отвечает за инициирование, поддержание и прекращение действий и часто используется для объяснения того, почему люди совершают определенные поступки. Намерение – это лишь возможное начало действия, но еще не само действие, предшествует самому акту выбора. Намерение формируется, когда цель деятельности отдалена, ее достижение отсрочено; когда удовлетворение потребности не может быть

достигнуто непосредственно, а требует достижения промежуточных целей, не имеющих побудительной силы.

Профессиональные намерения – осознанное отношение к определенному виду профессиональной деятельности, включающее знания о предназначении профессии, стремление избрать профессию и получить соответствующее образование [4].

Сущность понятия «профессия» имплицитно включает следующие аспекты: совокупность специальностей; необходимый минимум знаний, умений и навыков, по которым обеспечивается возможность обучения в соответствующем по профилю учебном заведении; группа людей, объединенная общим родом занятий, трудовой деятельности; род трудовой деятельности, занятий, определяемый производственно-технологическим разделением труда [5, с. 425; 6, с. 281]. В социологии профессий к формальным критериям идеального типа профессии относят уровень образования, квалификации, принадлежность к профессиональной ассоциации; к неформальным – критерии, связанные с мотивационными, этическими основаниями профессионального поведения.

Профессиональные интересы активно конструируются в течение дошкольной и школьной социализации. В старших классах происходит не просто проявление, а их развитие, закрепление и переход в профессиональные намерения. Несмотря на относительно спокойную по сравнению с моментом выбора ситуацию, это также процесс нелинейный, разноректорный, имеющий в качестве результирующих континуум профессиональных установок, отличающихся по степени устойчивости (от сформировавшихся окончательно до содержащих аспекты сомнения, не оформившихся вовсе). Формирующиеся намерения испытывают влияние разнообразных внутренних и внешних факторов, могут дестабилизироваться, претерпевать изменения. Многочисленные социологические исследования показывают, что только каждый второй поступающий в вузы определился с выбором профессии. Сам профессиональный выбор происходит позже, отсроченно.

Иными словами, профессиональные намерения на разных этапах подвержены различным воздействиям, как следствие, изменениям. Эти процессы находятся в поле интересов различных субъектов, заинтересованных во внимательном научном наблюдении и понимании процессов, происходящих в общественном сознании старшеклассников в контексте их профессиональных и образовательных намерений и их учета.

Исследование профессиональных намерений старшеклассников в социологической науке имеет богатую традицию.

Первые исследования (руководитель В. Н. Шубкин, 1963–1973 гг.) выявляли динамику профессиональных предпочтений новосибирских школьников и факторов, влияющих на их формирование (прежде всего пол, тип населенного пункта) [7–9]. Изучение профессиональных намерений старшеклассников вывело на проблему социального неравенства в процессе образования уже в советский период, необходимость ресурсной поддержки школ, семей; актуальность проблематики усилилась в новейшую российскую историю [10–16]. Масштабное социологическое исследование жизненных планов выпускников школ (руководитель – М. Н. Руткевич, 1973 г., Институт социологических исследований АН СССР) зафиксировало ориентацию на поступление в вуз каждым вторым старшеклассником (45,3 %), прочность образования как

фактора социальной мобильности [17, 18]. Классическими стали лонгитюдные исследования профессионального самоопределения выпускников средней школы, пополнения ими основных социальных слоев общества, проведенные эстонскими социологами. Исследования продемонстрировали приоритетное влияние на намерения старшеклассников прежде всего социальных факторов (поселенческих, региональных различий) [19]. Лонгитюдные межрегиональные исследования «Пути поколения» (начало 1982 г., проводились в 15 областях СССР), посвященные изучению механизмов и факторов воспроизводства общественных структур за счет молодого поколения со средним образованием, выпукло обозначили проблему оттока молодого поколения из сельской местности, а также проблемы, связанные с выбором выпускниками школ учебного заведения и профессии [20].

В постсоветский период социологические исследования устойчиво фиксировали намерения выпускников основной и средней школы продолжать обучение в вузе: в 1993 г. среди 9-классников зафиксирован рост намерения продолжения обучения в 10 классе (63–73 %), среди 11-классников – поступления в вуз (66–78 %) [21, 22]. Исследования под руководством В. Н. Шубкина в Новосибирске (1994 г.) показали, что планы на поступление в вуз имели 91 % школьников (в 1963 г. – 88 %, в 1983 г. – 71 %; в Москве намерение поступать в вузы имели в 1994 г. 70 % опрошенных) [23]. Рост ориентации на получение высшего и более высокого образования (аспирантура, магистратура) констатировали социологи в последующие годы в разных регионах, ориентация на рабочие профессии у учащихся 11 класса практически исчезла, а у девятиклассников крайне низкая [24].

В последнее десятилетие появились не только новые возможности профессионального выбора, но и его новые особенности, противоречия. После школы выбор профессии во многом подменяется выбором путей дальнейшего обучения, выбором будущего образа и места жизни, но не профессионального призвания. Как показывают исследования, с выбором профессии определяется только каждый второй выпускник. При всем многообразии факторов, стимулирующих мотивацию профессионального выбора, ведущим становится материальный. Выбор основывается в большей степени на предпочтениях и в меньшей степени учитывает ограничения выбирающих [25–27]. Н. П. Касаткина отмечала усиление несоответствия между возможностями образовательного и профессионального выбора, когда, поступая в желаемое учебное заведение, вынужденный выбор специальности осуществляют 20 % абитуриентов, что способствует усилению тенденции «случайного» профессионального выбора (2012 г. – 54,1 %, 2007 г. – 69,4 %) [24]. На появление серьезных расхождений между намерениями подростков и востребованными направлениями профессиональной деятельности указывают результаты исследований за 20-летний период З. К. Селивановой в Республике Башкортостан [28].

Крупный и малый город создают разные возможности ориентации на профессию. Учащиеся, проживающие в малом городе, раньше начинают задумываться о профессии, которую могут получить в имеющихся в городе учреждениях среднего и высшего профессионального образования; они более информированы о потребностях местных предприятий в специалистах определенного профиля; раньше приобщаются к различным видам трудовой

деятельности, помогая родителям, работая во время каникул, выявляя свою предрасположенность к определенным профессиям [29, с. 105].

Социологи из Саранска указывают основные факторы, формирующие профессиональные и образовательные предпочтения абитуриентов, – мнения родителей, статус вуза, его близость к дому. Основу мотивации первокурсников составляет получение профессиональных знаний и умений, при выборе специальности профессиональная обусловленность играет более значимую роль, чем социальная. Обращается внимание на несформированность у старшеклассников профессиональных представлений, в результате чего впоследствии происходит разочарование в профессии, депрофессионализация [30]. Нижегородские социологи отмечают в качестве основного фактора выбора вуза престиж учебного заведения, направления подготовки, по которым обучение ведется только в этом вузе, и рекомендации ближайшего окружения [31]. Профессиональные намерения активно исследуются в русле проблематики, связанной с образовательными миграциями, которые последние десятилетия только усиливаются [32–34].

Данные авторского исследования демонстрируют ориентацию подавляющего большинства учащихся на поступление после окончания школы в вуз для получения профессии (91,1 % от числа опрошенных).

Привлекательность профессии.

1990-е и 2000-е гг. и нулевые годы в спектре привлекательных для выпускников профессий первые позиции занимали юридические и экономические, профессии социально-гуманитарного профиля. В настоящее время ядро выбора стало разнообразнее. В рейтинге привлекательных профессий (открытый вопрос «Какая профессия Вас привлекает больше всего?») среди первых: медицина (15,1 %), программирование, компьютеры (13,7 %), право (юридическая деятельность) (8,6 %), креативные профессии (искусство, дизайн, музыка, кино, театр, телевидение и т.д.) (7,6 %), финансы, экономика (5,5 %), военное дело, правоохранительная деятельность, МЧС и психология, конфликтология (по 5,3 %), сфера образования и воспитания, инженерная деятельность, лингвистика (языкознание, иностранные языки, перевод) (по 5,2 %), транспорт (автомобильный, авиационный, железнодорожный) (3,9 %), управление частной компанией, фирмой, маркетинг (2,9 %), строительство, архитектура (2,5 %) (табл. 1).

Таблица 1

Привлекательные сферы профессиональной деятельности
(открытый вопрос; в зависимости от класса, места проживания; проценты)

Сферы профессиональной деятельности	Всего	Рейтинг	10 класс	11 класс	г. Ульяновск	Районы области
1	2	3	4	5	6	7
1. Медицина	15,1	1	15,7	12,8	14,4	14,2
2. Программирование, компьютеры	13,7	2	12,1	13,8	14,4	10,7
3. Право (юридическая деятельность)	8,6	3	6,9	9,5	6,6	10,5

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5	6	7
4. Креативные профессии (искусство, дизайн, музыка, кино, театр, телевидение и т.д.)	7,6	4	8,1	6,3	8,8	4,8
5. Финансы, экономика	5,5	5	5,1	5,4	4,6	6,2
6. Военное дело	5,3	6	6,2	3,9	4,3	6,2
7. Психология, конфликтология	5,3	6	4,9	5,0	4,8	5,3
8. Сфера образования и воспитания	5,2	7	4,8	5,0	3,6	6,8
9. Инженерная деятельность	5,2	7	4,9	4,8	4,9	4,8
10. Лингвистика (языкознание, иностранные языки, перевод)	5,2	7	3,9	5,9	4,5	5,5
11. Транспорт (автомобильный, авиационный, железнодорожный)	3,9	8	4,0	3,3	4,0	3,2
12. Управление частной компанией, фирмой, маркетинг	2,9	9	1,9	3,5	3,3	1,8
13. Строительство, архитектура	2,5	10	2,5	2,2	2,1	2,7
14. Журналистика (работа в СМИ)	2,2	11	1,8	2,4	2,1	2,1
15. Сфера услуг, торговля	1,7	12	1,2	2,0	1,9	1,1
16. Частное предпринимательство	1,5	13	1,2	1,7	1,3	1,6
17. Точные науки (физика, химия, математика)	1,5	13	1,8	1,1	1,0	2,1
18. Рабочие профессии (работа на заводе, фабрике и т.п.)	1,3	14	1,1	1,5	1,3	1,1
19. Государственное управление	1,1	15	1,1	1,1	1,2	0,9
20. Политика	1,1	15	0,9	1,3	1,5	0,5
21. Физкультура и спорт	1,0	16	1,4	0,4	0,6	1,4
22. Сфера природы (биология, анатомия, физиология)	0,9	17	0,5	1,1	0,9	0,7
23. Дефектология (логопед)	0,9	17	1,1	0,6	0,9	0,7
24. Связи с общественностью, реклама	0,6	18	0,5	0,6	0,7	0,2
25. Социальные (общественные) науки (история, социология, политология)	0,6	18	0,9	0,2	0,6	0,5
26. Энергетика, добыча энергоресурсов	0,5	19	0,5	0,4	0,1	0,9
27. Шоу-бизнес, проектная деятельность	0,5	19	0,4	0,6	0,4	0,5
28. Гуманитарные науки (литературоведение, искусствоведение, музейное дело, СКД и т.д.)	0,4	20	0,7	0,0	0,4	0,2
29. Наука (без конкретизации)	0,4	20	0,4	0,4	0,1	0,7
30. Теология (священник)	0,2	21	0,2	0,2	0,1	0,2

Примечание. Сумма ответов больше 100 %, так как возможно несколько вариантов ответов.

В зависимости от класса (9, 11 класс) наблюдаются различия в предпочтениях. В сферах программирования, компьютеров, права, лингвистики, управления частной фирмой, маркетинга, частного предпринимательства, финансов, торговли, журналистики, политики, рабочих профессий идет рост привлекательности в 11 классах. В сферах медицины, креативных профессий, военного дела, транспорта, строительства, точных, социальных, гуманитарных наук привлекательность в 11 классах ниже по сравнению с 9 классами,

что, скорее, отражает не только склонности выпускников, но и рациональное понимание конъюнктуры спроса на профессии в обществе. Проживающие в районах области меньше, чем проживающие в Ульяновске, ориентируются на сферы программирования, компьютеров, транспорта, управления фирмой, услуг, торговли, государственного управления, политики, рабочих профессий, связей с общественностью. Финансы, экономика, военное дело, строительство, архитектура, психология, конфликтология, сфера образования и воспитания, частное предпринимательство, точные науки, политика, физкультура и спорт, энергетика интересуют ребят из районов области больше, чем из областного центра.

Факторы привлекательности профессии могут рассматриваться в качестве мотивов профессионального выбора – внутренних побуждений выбора, детерминирующих профессиональные ориентации. Измерение производилось на основе вопроса «Что привлекает в этой профессии?». В ядро наиболее значимых факторов входят: 1) оплата труда – 55,7 %; 2) направленность труда (работа с техникой, природой, людьми, искусство и др.) – 55,0 %; 3) соответствие профессии способностям, интересам, чертам характера – 54,5 %; 4) характер труда (умственный, физический) – 43,9 %; 5) престижность – 40,4 % (табл. 2).

Таблица 2

Что привлекает в профессии (проценты)

Варианты	Всего	Ранг
1. Оплата труда	55,7	1
2. Направленность труда (работа с техникой, природой, людьми, искусство и др.)	55,0	2
3. Соответствие профессии способностям, интересам, чертам характера	54,5	3
4. Характер труда (умственный, физический)	43,9	4
5. Престижность	40,4	5
6. Спрос на профессию на рынке труда	39,4	6
7. Цели труда (материальное производство, создание духовных ценностей, обслуживание техники, людей, природы, уход за людьми и т.п.)	34,2	7
8. Отсутствие вредного влияния на здоровье	17,3	8
9. Продолжает семейные традиции	7,1	9
10. Не требует больших усилий в обучении	4,2	10

Примечание. Сумма ответов больше 100 %, так как возможно несколько вариантов ответов.

Выбор рационально сочетает так называемые внутренние и внешние (по отношению к деятельности) мотивы. Для респондентов важны как содержательные аспекты профессии (направленность труда, характер труда (умственный, физический)), так и стратификационные (оплата труда, престижность профессии). Факторы «не требует больших усилий в обучении», «отсутствие вредного влияния на здоровье» в настоящее время не актуальны для молодых энергичных людей. Респонденты выражают готовность прилагать большие усилия для приобретения профессии. В целом не столь значим

фактор «продолжает семейные традиции», есть понимание, что профессия – это дело их жизни, важно, чтобы она «соответствовала их способностям, интересам, чертам характера».

Информированность о профессии.

Подавляющее большинство респондентов демонстрируют в целом информированность о выбираемой профессии, однако эта информированность разная по широте, глубине (табл. 3).

Таблица 3

Информированность о некоторых сторонах профессии (проценты)

Стороны профессии	Знаю все	Имею общее представление	Не знаю
1. О содержании, условиях труда	35,7	58,9	5,3
2. О размере зарплаты	36,6	57,3	6,1
3. О требованиях, предъявляемым к способностям и личным качествам	57,9	38,1	4,0
4. О возможных местах трудоустройства по профессии	42,7	49,9	7,4
5. О перспективах карьерного роста	46,9	47,5	5,6

По самооценкам больше всего старшеклассники имеют знания о требованиях, предъявляемых к способностям и личным качествам (57,9 %) (одновременно это важный фактор привлекательности профессии). Однако 38,1 % имеют об этом общее представление. Каждый второй имеет общее представление о возможных местах трудоустройства по профессии (49,9 %), о перспективах карьерного роста (47,5 %), ничего не знают об этом 7,4 и 5,6 % респондентов соответственно. Меньше всего знаний о содержании, условиях труда (35,7 %), что может серьезным образом поменять установки в начале профессионального обучения, привести к изменению выбора, к отсроченному выбору. Чаще всего это происходит уже после первого года обучения в профессиональном учебном заведении. Примерно только каждый третий имеет знания о размере зарплаты, что в случае несоответствия ожиданиям усилит негативное отношение к предпринятому выбору.

Информационная база, формирующая представления о мире профессий.

Ответы на вопрос «На основе каких источников у Вас сложилось представление об этой профессии?» показывают, что старшеклассники используют немалый арсенал информационных средств для знакомства с профессиями, которые как носители информации являются в разной степени полезными, объективными, эффективными. Есть, вероятно, и проблема восприятия, понимания, оценивания этой информации. Как было показано выше, судя по самооценке школьников, их информированность о профессиях явно невысокая. Вместе с тем выбор каналов происходит в конкретных жизненных обстоятельствах респондентов, по-своему он рационален (табл. 4).

Таблица 4

Источники информации о профессии (проценты)

Источники информации	Всего	Ранг
1. Интернет	72,6	1
2. Родители, родственники, знакомые	49,2	2
3. Наблюдения за трудовой деятельностью специалистов на их рабочем месте	32,9	3
4. Друзья, сверстники	24,8	4
5. Телевидение	21,0	5
6. Пробы своих сил в этой профессиональной деятельности	20,3	6
7. Дополнительное образование	17,6	7
8. Информация от представителей учебных заведений, приглашающих учиться	14,4	8
9. Школьные мероприятия по профориентации	14,1	9
10. Учителя	11,7	10
11. Дни открытых дверей и прочие мероприятия в вузах, колледжах, техникумах, училищах	11,6	11
12. Печатные СМИ	10,2	12
13. Рекламные плакаты	5,3	13
14. Специальные брошюры	4,5	14
15. Радио	3,7	15

Примечание. Сумма ответов больше 100 %, так как возможно несколько вариантов ответов.

Безоговорочным каналом-лидером информации о профессиях для всех групп старшеклассников является Интернет (1 место – 72,6 %); далее – родители, родственники, знакомые (2 место – 49,2 %); наблюдения за трудовой деятельностью специалистов на их рабочем месте (3 место – 32,9 %); друзья, сверстники (4 место – 24,8 %); телевидение (5 место – 21,0 %). Такими каналами информации, как пробы своих сил в этой профессиональной деятельности, дополнительное образование, пользуется почти каждый пятый выпускник (20,3 и 17 % соответственно, в рейтинге 6 и 7 места). Информацией от представителей учебных заведений, приглашающих учиться, пользуются 14,4 %; школьные мероприятия по профориентации информативны для 14,1 %; каждый десятый указывает на информацию от учителей (11,7 %), с дней открытых дверей и прочих мероприятий в вузах (11,6 %). Очевидно, эффективность этих профессионально организуемых форм явно невысокая. Периферийными источниками являются радио, специальные брошюры, рекламные плакаты, печатные СМИ. Информацию из них, включая телевидение, находят в Интернете, который выполняет функцию конвергенции СМИ, стал в широком смысле средством массовой коммуникации. В нем можно найти практически все.

Школьники г. Ульяновска больше, чем живущие в райцентрах и на селе, указывают такие каналы: специальные брошюры; школьные мероприятия по профориентации; дни открытых дверей и прочие мероприятия в вузах, колледжах, техникумах, училищах; информация от представителей учебных заведений, приглашающих учиться; наблюдения за трудовой деятельностью специалистов на их рабочем месте; пробы своих сил в этой профессиональной

деятельности; дополнительное образование. Город предоставляет эти форматы больше, чем районы области и особенно село. Очевидны факторы информационного неравенства в зависимости от места жительства выпускника. Кроме того, горожане больше ориентированы на друзей и сверстников как источников информации. Следовательно, информационно-коммуникативная активность выше, информационное поле богаче.

Анализ каналов информации, названных респондентами, в зависимости от успеваемости, демонстрирует следующие тенденции:

- чем лучше учится ученик, тем больше он использует Интернет; дни открытых дверей и прочие мероприятия в вузах, колледжах, техникумах, училищах; наблюдения за трудовой деятельностью специалистов на их рабочем месте; дополнительное образование; информацию от учителей, родителей, родственников, знакомых (иными словами, использует каналы более профессиональные);

- чем хуже учится ученик, тем больше он использует радио; рекламные плакаты; информацию от друзей, сверстников (информация последних, безусловно, важная, но вряд ли ее можно назвать профессиональной);

- успевающие на «удовлетворительно» чаще называют телевидение; печатные СМИ; рекламные плакаты; специальные брошюры; школьные мероприятия по профориентации; пробы своих сил в этой профессиональной деятельности (возможно, меньше «дружат» с Интернетом).

В группах респондентов с разным уровнем среднедушевого дохода семьи наблюдаются разноректорные тенденции, отличающиеся от средних значений. В разрезе каналов получения информации у групп с низким достатком (до 15 000 рублей) практически по всем каналам меньший процент использования, со средним (до 30 000 рублей) – больший. Выделяется группа респондентов с доходом свыше 30 000 рублей, которая использует максимально все каналы получения информации. Отметим, что у групп с меньшим достатком меньшую роль играет фактор дополнительного образования и наоборот. С ростом достатка растет роль социального капитала: чаще используются как каналы получения информации родители, родственники, знакомые, друзья, сверстники.

По самооценке старшеклассников окончательно определились с выбором профессии 37,2 %; «сомневающиеся» – 51,3 %; «совсем не определившиеся» – 11,5 %.

Рейтинг факторов, которые являются решающими при выборе профессии (табл. 5), интегрирует мотивы внутренние (по отношению к деятельности – № 1, 2), соответствующие значимым факторам привлекательности профессии; статусные (№ 3, 4). Пятая позиция – информированность о профессии – значима почти для трети респондентов. Повторим, информированность о профессии оставляет желать лучшего. Важнейшей стороной является содержание, условия труда, о чем по самооценкам респондентов знаний меньше всего. В этом направлении – большой фронт работы для взрослых. Старшеклассники демонстрируют высокую самодетерминированность при выборе профессии: меньше всего интересуют точка зрения друзей (подруг) – 3,0 %; мода на профессию – 2,4 %. Среди незначимых факторов – материальные возможности семьи – 7,5 %, что является свидетельством готовности преодолевать эти проблемы во имя получения образования; несложность в обучении

профессии – 4,7 % как свидетельство готовности к трудностям, связанным с учебным трудом.

Таблица 5

Решающие факторы при выборе профессии (проценты)

Факторы	Всего	Ранг
1. Личные профессиональные планы	68,9	1
2. Склонности, способности, личные качества	61,6	2
3. Доходность профессии	58,2	3
4. Престижность профессии	33,7	4
5. Информированность о профессии	31,5	5
6. Гарантия дальнейшего трудоустройства	30,3	6
7. Новизна профессии и ее востребованность в ближайшем будущем	18,4	7
8. Мнение старших членов семьи	18,1	8
9. Успешный пример родных, знакомых (друзей)	8,5	9
10. Материальные возможности семьи	7,5	10
11. Состояние здоровья	7,5	10
12. Несложность в обучении профессии	4,7	11
13. Точка зрения друзей (подруг)	3,0	12
14. Мода на профессию	2,4	13

Примечание. Сумма ответов больше 100 %, так как возможно несколько вариантов ответов.

Обсуждение

Исследование продемонстрировало наряду с некоторыми упрочившимися в последние годы тенденциями развития профессиональных намерений старшеклассников их новые особенности, противоречия. Сохраняется устойчивый тренд на получение высшего профессионального образования, зафиксированный в многочисленных исследованиях [17, 18, 21–27]. В отличие от информации в исследованиях, проведенных в разных регионах России ранее [24–27], в Ульяновской области на начало 2022 г. с выбором профессии окончательно определились немногим менее 40 % выпускников. При всем многообразии факторов, стимулирующих мотивацию профессионального выбора, ведущими являются содержательные аспекты профессии и стратификационные: оплата труда; направленность труда; соответствие профессии способностям, интересам, чертам характера; характер труда; престижность. Профессиональные представления по-прежнему формируются слабо, неполно, что не устраняет риски разочарований в профессии, депрофессионализации [30]. Серьезные расхождения между намерениями выпускников школ и востребованными направлениями профессиональной деятельности, на которые указывали ряд исследований [20, 24–28], постепенно сглаживаются, хотя сохраняется высокий интерес к менее востребованным юридическим, экономическим профилям. Наблюдаются аспекты социального неравенства при выборе профессии (финансовые, информационные, социокультурные) [10–16].

Заключение

Таким образом, свыше 90 % старшеклассников на этапе профессионального самоопределения имеют намерения поступать после окончания школы в вуз для получения профессии, что демонстрирует высокую ценность высшего образования. Ядро привлекательных профессий стало разнообразнее: наряду с юридическими и экономическими профессиями наблюдается высокий интерес к профессиям естественно-научного (медицина); инженерно-технического (прежде всего, IT-технологии); силового направлений; связанным с образованием, воспитанием, работой с человеком (психология и пр.). Выбор рационально сочетает так называемые внутренние и внешние (по отношению к деятельности) мотивы. Для респондентов важны как содержательные аспекты профессии (направленность труда, характер труда (умственный, физический)), так и стратификационные (оплата труда, престижность профессии). Респонденты выражают готовность прилагать большие усилия для приобретения профессии. Выбор по-своему рационален, в высокой степени самодетерминирован.

Информированность о выбираемой профессии разная по широте, глубине. Больше всего старшеклассники имеют знания о требованиях, предъявляемых к способностям и личным качествам (одновременно это важный фактор привлекательности профессии), они актуализируются потребностями самопознания. Меньше всего знаний о содержании, условиях труда, оплате труда, которые, безусловно, зависят от профессионального информирования социальной среды. В случае несоответствия ожиданиям это усилит негативное отношение к предпринятому выбору, может серьезным образом поменять установки, привести к изменению выбора, к отсроченному выбору. Информационная база, формирующая представления о мире профессий, немалая, однако носители информации являются в разной степени полезными, объективными, эффективными. Есть проблема восприятия, понимания, оценивания этой информации. Профессиональные источники информации зачастую неэффективны. Город предоставляет школьникам более богатую информационную, информационно-коммуникационную среду, чем районные центры и особенно село. Очевидны факторы информационного неравенства в зависимости от места жительства выпускника.

Решающие факторы выбора профессии (личные планы, способности, склонности, с одной стороны, и идущие от социума финансовые, престижные – с другой) могут быть объективно несовместимыми или трудно совместимыми, создавать глубокий внутренний диссонанс у детей, ситуацию крайне трудного выбора, создавать условия для будущей «ломки» личности. Определенные, сбалансированные, устойчивые намерения («окончательно определились с выбором профессии») у менее, чем 40 % выпускников; у более 60 % старшеклассников намерения неустойчивые, неопределенные («сомневающиеся» и «совсем не определившиеся»).

Очевидно, процессы, происходящие в сознании старшеклассников, требуют интенсификации работы с учетом выявленных проблем со стороны заинтересованных субъектов (профессиональных, родителей), создания фасилицирующих условий на этапе формирования профессиональных намерений школьников.

Список литературы

1. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/116894> (дата обращения: 20.08.2022).
2. Коджаспирова Г. М., Коджаспиров А. Ю. Педагогический словарь. М. : Академия, 2003. 176 с.
3. Вишнякова С. М. Профессиональное образование. Словарь. Ключевые понятия, термины, актуальная лексика. М. : НМЦ СПО, 1999. 538 с. URL: <https://gendocs.ru/v37042/?download2=file> (дата обращения: 20.08.2022).
4. Словарь по профориентации и психологической поддержке // Психологическая энциклопедия. URL: <https://vocabulary.ru/slovari/slovar-po-proforientacii-i-psihologicheskoi-podderzhke.html> (дата обращения: 20.08.2022).
5. Российская социологическая энциклопедия / под общ. ред. Г. В. Осипова. М. : Норма : Инфра-М, 1998. 672 с.
6. Социологическая энциклопедия : в 2 т. / Нац. обществ.-науч. фонд ; рук. науч. проекта Г. Ю. Семигин ; гл. ред. В. Н. Иванов. М. : Мысль, 2003. Т. 2. 1557 с.
7. Чередниченко Г. А., Шубкин В. Н. Молодежь вступает в жизнь. М. : Мысль, 1985. 240 с.
8. Константиновский Д. Л., Костюк В. Г., Траскунова М. М. Молодежь Сибири: образование и выбор профессии. Новосибирск : Наука, 1980. 192 с.
9. Константиновский Д. Л. Динамика профессиональных ориентаций молодежи Сибири. Опыт социологического исследования. Новосибирск : Наука, 1977. 173 с.
10. Шубкин В. Н. Социологические опыты (Методологические вопросы социальных исследований). М. : Мысль, 1970. 288 с.
11. Руткевич М. Н., Филиппов Ф. Р. Высшая школа как фактор изменения социальной структуры развитого социалистического общества. М. : Наука, 1978. 272 с.
12. Константиновский Д. Л., Вахштайн В. С., Куракин Д. Ю., Рощина Я. М. Доступность качественного общего образования: возможности и ограничения. М. : Логос, 2006. 208 с.
13. Константиновский Д. Л. Неравенство и образование. Опыт социологических исследований жизненного старта молодежи (1960-е годы – начало 2000-х). М. : ЦСП, 2008. 552 с.;
14. Александров Д. А., Антипкина И. В., Бессуднов А. Р. [и др.]. Образование и социальная дифференциация : монография / отв. ред. М. Карной, И. Д. Фрумин, Н. Н. Кармаева. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. 454 с.
15. Поверх барьеров: истории школ, работающих в сложных социальных условиях. Книга для школьных администраторов и для тех, кто управляет школами на муниципальном и региональном уровнях / сост.: М. А. Пинская, Н. В. Бысик, С. Г. Косарецкий, А. Б. Милкус ; под общ. ред. М. А. Пинской, С. Г. Косарецкого. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 192 с.
16. Константиновский Д. Л. Преодоление барьеров в образовании: исследования и социальная практика // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т. 8, № 3. С. 125–133.
17. Руткевич М. Н., Рубина Л. Я. Общественные потребности, система образования, молодежь. М. : Политиздат, 1988. 224 с.
18. Филиппов Ф. Р. Школа и социальное развитие общества. М. : Педагогика, 1990. 157 с.
19. Титма М., Саар Э. Моделирование формирования пополнения основных социальных слоев. Таллин : Ээсти, 1984. 382 с.
20. Везрманн Р. К., Григорьев С. И., Зепа Б. А. [и др.]. Начало пути: поколение со средним образованием / отв. ред. М. Х. Титма. М. : Наука, 1989. 238 с.
21. Руткевич М. Н. Социальная ориентация выпускников основной и средней школы // Социологические исследования. 1994. № 10. С. 30–43.

22. Руткевич М. Н. Социальная ориентация выпускников основной и средней школы // Социологические исследования. 1994. № 12. С. 53–59.
23. Харченко И. И. Образование в системе ценностей и жизненных планах старшеклассников: методология и результаты социологического исследования в Новосибирске // Российские общественные науки: новая перспектива. 1997. Вып. 9. С. 23–56.
24. Касаткина Н. П. Динамика профессионального выбора молодежи в системе «школа – вуз – рынок труда»: социоструктурный анализ (на примере Республики Мордовия) : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Саранск, 2013. 24 с.
25. Константиновский Д. Л. Образование и жизненные траектории молодежи: 1998–2008 годы. М. : ЦСПиМ, 2011. 296 с.
26. Чередниченко Г. А. Образовательные траектории и профессиональные карьеры (на материалах социологических исследований молодежи). М. : ИС РАН, 2012. 332 с.
27. Профессиональные стратегии и ценностные ориентации молодежи в условиях экономического кризиса : информ.-аналит. отчет / под ред. Ю. Р. Вишневого, Л. Н. Банниковой, М. В. Певной. Екатеринбург : УрФУ, 2010. 194 с.
28. Селиванова З. К. О жизненных целях и профессиональных предпочтениях старших подростков // Социологические исследования. 2017. № 5. С. 51–56.
29. Прахова Е. В., Смирнова О. Г. Особенности профессионального самоопределения старшеклассников в большом и малом городе // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. 2017. № 164 (12 (2)). С. 99–105.
30. Попова Л. А., Фадеева И. М., Юрлова Е. М. Профессиональные и социальные факторы, определившие выбор вуза первокурсниками // Orapev-online. 2017. № 5. URL: <http://journal.mrsu.ru/arts/professionalnye-i-socialnye-factory-opredelivshie-vybor-vuza-pervokursnikami> (дата обращения: 20.08.2022).
31. Ушакова Я. В., Ситникова И. В., Францева Ю. Е. Факторы выбора вуза и профессиональные стратегии студентов // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2020. № 3 (59). С. 118–128.
32. Алексеева Е. Н. Особенности и перспективы образовательной миграции в эпоху глобальных трансформаций // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2012. № 4. С. 113–136.
33. Кузнецова А. Р. Тенденции образовательной миграции в Российской Федерации // Siberian Socium. 2019. Т. 3, № 2. С. 52–65.
34. Ульмясбаева А. О. Межрегиональная образовательная миграция как угроза безопасности и экономическому развитию региона // Социология. 2019. № 2. С. 162–167.

References

1. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* = Explanatory dictionary of the Russian language. Moscow, 1992. (In Russ.). Available at: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/116894> (accessed 20.08.2022).
2. Kodzhaspirova G.M., Kodzhaspirov A.Yu. *Pedagogicheskiy slovar'* = Pedagogical dictionary. Moscow: Akademiya, 2003:76. (In Russ.).
3. Vishnyakova S.M. *Professional'noe obrazovanie. Slovar'. Klyuchevye ponyatiya, terminy, aktual'naya leksika* = Professional education. Dictionary. Key concepts, terms, actual vocabulary. Moscow: NMTs SPO, 1999:538. (In Russ.). Available at: <https://gendocs.ru/v37042/?download2=file> (accessed 20.08.2022).
4. Dictionary of career guidance and psychological support. *Psikhologicheskaya entsiklopediya* = Psychological encyclopedia. (In Russ.). Available at: <https://vocabulary.ru/slovari/slovar-po-proforientacii-i-psihologicheskoi-podderzhke>. html (accessed 20.08.2022).
5. Osipov G.V. (ed.). *Rossiyskaya sotsiologicheskaya entsiklopediya* = Russian sociological encyclopedia. Moscow: Norma: Infra-M, 1998:672. (In Russ.)

6. *Sotsiologicheskaya entsiklopediya: v 2 t.* = Sociological encyclopedia: in 2 volumes. Nats. obshchestv.-nauch. fond; ruk. nauch. proekta G.Yu. Semigin; gl. red. V.N. Ivanov. Moscow: Mysl', 2003;2:1557. (In Russ.)
7. Cherednichenko G.A., Shubkin V.N. *Molodezh' vstupayet v zhizn'* = Youth enter into life. Moscow: Mysl', 1985:240. (In Russ.)
8. Konstantinovskiy D.L., Kostyuk V.G., Traskunova M.M. *Molodezh' Sibiri: ob-razovanie i vybor professii* = Youth of Siberia: education and choice of profession. Novosibirsk: Nauka, 1980:192. (In Russ.)
9. Konstantinovskiy D.L. *Dinamika professional'nykh orientatsiy molodezhi Sibiri. Opyt sotsiologicheskogo issledovaniya* = Dynamics of professional orientations of young people in Siberia. Experience of sociological research. Novosibirsk: Nauka, 1977:173. (In Russ.)
10. Shubkin V.N. *Sotsiologicheskie opyty (Metodologicheskie voprosy sotsial'nykh issledo-vaniy)* = Sociological experiments (Methodological issues of social research). Moscow: Mysl', 1970:288. (In Russ.)
11. Rutkevich M.N., Filippov F.R. *Vysshaya shkola kak faktor izmeneniya sotsial'noy struktury razvitoogo sotsialisticheskogo obshchestva* = Higher education as a factor in changing the social structure of a developed socialist society. Moscow: Nauka, 1978:272. (In Russ.)
12. Konstantinovskiy D.L., Vakhshayn V.S., Kurakin D.Yu., Roshchina Ya.M. *Dostup-nost' kachestvennogo obshchego obrazovaniya: vozmozhnosti i ogranicheniya* = Avail-ability of quality general education: opportunities and limitations. Moscow: Logos, 2006:208. (In Russ.)
13. Konstantinovskiy D.L. *Neravenstvo i obrazovanie. Opyt sotsiologicheskikh is-sledovaniy zhiznennogo starta molodezhi (1960-e gody – nachalo 2000-kh)* = Inequality and education. Experience of sociological researches of life start of youth (1960 – early 2000). Moscow: TsSP, 2008:552. (In Russ.)
14. Aleksandrov D.A., Antipkina I.V., Bessudnov A.R. [et al.]. *Obrazovanie i sotsial'naya diffe-rentsiatsiya: monografiya* = Education and social differentiation: monograph. Moscow: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2018:454. (In Russ.)
15. Pinskaya M.A., Bysik N.V., Kosaretskiy S.G., Milkus A.B. (comp.). *Poverkh bar'erov: istorii shkol, rabotayushchikh v slozhnykh sotsial'nykh usloviyakh. Kniga dlya shkol'nykh administratorov i dlya tekhn, kto upravlyaet shkolami na munitsipal'nom i re-gional'nom urovnyakh* = Beyond barriers: stories of schools operating in difficult social conditions. A book for school administrators and for those who manage schools at the municipal and regional levels. Moscow: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2019:192. (In Russ.)
16. Konstantinovskiy D.L. *Overcoming barriers in education: research and social practice. Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika* = Sociological science and social prac-tice. 2020;8(3):125–133. (In Russ.)
17. Rutkevich M.N., Rubina L.Ya. *Obshchestvennye potrebnosti, sistema obrazovaniya, molodezh'* = Social needs, education system, youth. Moscow: Politizdat, 1988:224. (In Russ.)
18. Filippov F.R. *Shkola i sotsial'noe razvitiye obshchestva* = School and social development of society. Moscow: Pedagogika, 1990:157. (In Russ.)
19. Titma M., Saar E. *Modelirovaniye formirovaniya popolneniya osnovnykh sotsial'nykh sloev* = Modeling the formation of replenishment of the main social strata. Tallin: Eesti, 1984:382. (In Russ.)
20. Veermann R.K., Grigor'ev S.I., Zepa B.A. et al. *Nachalo puti: pokolenie so srednim obrazovaniem* = Getting started: the secondary education generation. Moscow: Nauka, 1989:238. (In Russ.)
21. Rutkevich M.N. *Social orientation of graduates of basic and secondary schools. Sotsiologicheskie issledovaniya* = Sociological research. 1994;(10):30–43. (In Russ.)

22. Rutkevich M.N. Social orientation of graduates of basic and secondary schools. *Sotsiologicheskie issledovaniya* = Sociological research. 1994;(12):53–59. (In Russ.)
23. Kharchenko I.I. Education in the system of values and life plans of high school students: methodology and results of sociological research in Novosibirsk. *Rossiyskie obshchestvennyye nauki: novaya perspektiva* = Russian social sciences: a new perspective. 1997;(9):23–56. (In Russ.)
24. Kasatkina N.P. *The dynamics of the professional choice of young people in the system "school – university – labor market": sociostructural analysis (by the example of the Republic of Mordovia)*. PhD abstract. Saransk, 2013:24. (In Russ.)
25. Konstantinovskiy D.L. *Obrazovanie i zhiznennyye traektorii molodezhi: 1998–2008 gody* = Education and life trajectories of youth: 1998–2008. Moscow: TsSPiM, 2011:296. (In Russ.)
26. Cherednichenko G.A. *Obrazovatel'nye traektorii i professional'nye kar'ery (na materialakh sotsiologicheskikh issledovaniy molodezhi)* = Educational trajectories and professional careers (based on sociological studies of youth). Moscow: IS RAN, 2012:332. (In Russ.)
27. Vishnevskiy Yu.R., Bannikova L.N., Pevnaya M.V. (eds.). *Professional'nye strategii i tsennostnye orientatsii molodezhi v usloviyakh ekonomicheskogo krizisa: inform.-analit. Otchet* = Professional strategies and value orientations of youth in the conditions of the economic crisis: information analytical report. Ekaterinburg: UrFU, 2010:194. (In Russ.)
28. Selivanova Z.K. About life goals and professional preferences of older teenagers. *Sotsiologicheskie issledovaniya* = Sociological research. 2017;(5):51–56. (In Russ.)
29. Prakhova E.V., Smirnova O.G. Features of professional self-determination of high school students in a big and small city. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 3: Obshchestvennyye nauki* = Proceedings of the Ural Federal University. Series 3: Social sciences. 2017;(164):99–105. (In Russ.)
30. Popova L.A., Fadeeva I.M., Yurlova E.M. Professional and social factors that determined the choice of university by first-year students. *Ogarev-online*. 2017;(5). (In Russ.). Available at: <http://journal.mrsu.ru/arts/professionalnye-i-socialnye-faktory-opredelivshie-vy-bor-vuza-pervokursnikami> (accessed 20.08.2022).
31. Ushakova Ya.V., Sitnikova I.V., Frantseva Yu.E. Factors of choosing a university and professional strategies of students. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki* = Bulletin of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. Series: Social sciences. 2020;(3):118–128. (In Russ.)
32. Alekseeva E.N. Features and prospects of educational migration in the era of global transformations. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya* = Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and politology. 2012;(4):113–136. (In Russ.)
33. Kuznetsova A.R. Trends in educational migration in the Russian Federation. *Siberian Socium*. 2019;3(2):52–65. (In Russ.)
34. Ul'myasbaeva A.O. Interregional educational migration as a threat to the security and economic development of the region. *Sotsiologiya* = Sociology. 2019;(2):162–167. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Татьяна Анатольевна Рассадина

доктор социологических наук,
доцент, профессор кафедры психологии,
Ульяновский государственный
педагогический университет имени
И. Н. Ульянова (Россия, г. Ульяновск,
пл. Ленина, 4/5)
E-mail: t.rassadina@mail.ru

Tatyana A. Rassadina

Doctor of sociological sciences, associate
professor, professor of the sub-department
of psychology, Ulyanovsk State
Pedagogical University (4/5 Lenina square,
Ulyanovsk, Russia)

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 09.09.2022

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 03.10.2022

Принята к публикации / Accepted 02.11.2022

УДК 316.346:316.44/.45/.47/.48
doi:10.21685/2072-3016-2022-4-3

О цифровом разрыве поколений россиян в социальных сетях

Л. Г. Лебедева

Самарский государственный экономический университет, Самара, Россия

ludleb@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Проблема межпоколенческих взаимоотношений является одной из актуальных социальных проблем, которая приобретает дополнительную сложность и значимость в условиях цифровизации и интернетизации общества. Между поколенческими группами россиян существуют значительные различия в уровнях цифровой грамотности и включенности в виртуальную коммуникативную среду. Цель исследования – проанализировать проблему цифрового разрыва поколений в использовании интернет-мессенджеров и социальных сетей. *Материалы и методы.* Эмпирической основой работы послужили материалы массового опроса в рамках авторского социологического исследования, проведенного в 2020 г. Опрошено 620 респондентов по репрезентативной выборке с учетом возраста, пола и территориально-поселенческой структуры населения. *Результаты.* Пользовались какими-либо интернет-мессенджерами чуть более четырех пятых всех респондентов. Однако не пользовались никакими мессенджерами чуть более половины респондентов старшей группы. Младшие группы пользуются социальными сетями наиболее активно – почти все респонденты, у них также наиболее широкий набор социальных сетей. Старшая группа наименее активна в социальных сетях – почти половина этих респондентов «нигде не зарегистрированы». Разная степень включенности молодежи и старшего поколения в виртуально-коммуникационную среду и владения цифровыми технологиями способствует цифровому разрыву между поколениями и чрезмерной социальной дифференциации в целом. *Выводы.* Проблема цифрового разрыва между поколениями может быть эффективно решена только в сочетании с решением проблемы (преодолением) неоправданно глубокого социального неравенства. Меры по привитию компьютерной грамотности населению должны способствовать этому. Таким путем возможно также повысить уровень адаптации людей к цифровому миру и существенно сократить цифровой разрыв между поколениями.

Ключевые слова: поколения, межпоколенческие взаимоотношения, социальные сети, цифровой разрыв, социальная дифференциация, социальная стратификация

Для цитирования: Лебедева Л. Г. О цифровом разрыве поколений россиян в социальных сетях // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2022. № 4. С. 38–47. doi:10.21685/2072-3016-2022-4-3

On the digital generation gap of Russians in social networks

L.G. Lebedeva

Samara State University of Economics, Samara, Russia

ludleb@mail.ru

Abstract. *Background.* The problem of intergenerational relationships is one of the urgent social problems, which acquires additional complexity and significance in the conditions of digitalization and internetization of society. There are significant differences between the

generational groups of Russians in the levels of digital literacy and inclusion in the virtual communication environment. The purpose of the study is to analyze the problem of the digital divide of Generations in the use of Internet messengers and social networks. *Materials and methods.* The empirical basis of the article was the materials of a mass survey within the framework of the author's sociological research conducted in 2020. 620 respondents were interviewed on a representative sample, taking into account the age, gender and territorial settlement structure of the population. *Results.* Slightly more than four fifths of all respondents used any Internet messengers. However, slightly more than half of the respondents in the older group did not use any messengers. The younger groups use social networks most actively – almost all respondents, they also have the widest range of social networks. The older group is the least active on social networks – almost half of these respondents are “not registered anywhere”. The varying degree of involvement in the virtual communication environment and ownership of digital technologies by young people and older generations contributes to the digital gap between generations and excessive social differentiation in general. *Conclusions.* The problem of the digital divide between generations can be effectively solved only in combination with solving the problem (overcoming) unjustifiably deep social inequality. Measures to instill computer literacy in the population should contribute to this. In this way, it is also possible to increase the level of adaptation of people to the digital world and significantly reduce the digital gap between generations.

Keywords: generations, intergenerational relationships, social networks, digital divide, social differentiation, social stratification

For citation: Lebedeva L.G. On the digital generation gap of Russians in social networks. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki = University proceedings. Volga region. Social sciences.* 2022;(4):38–47. (In Russ.). doi:10.21685/2072-3016-2022-4-3

Введение

Цифровизация общества, приобщение к цифровому миру (в том числе к социальным интернет-сетям) – это объективная потребность для всех слоев и возрастных групп во многих отношениях, в частности в образовательно-культурных целях, для освоения и применения современных производственно-трудовых технологий, для удовлетворения социально-культурных потребностей и развития разнообразных социально-культурных связей населения, для реализации программ «электронного правительства». При этом цифровизация сопровождается рядом важных проблем, одна из которых – проблема цифрового разрыва поколений.

Под цифровым разрывом поколений подразумеваются существенные различия не только в цифровой компетентности в целом, но и в способностях и активности в пользовании виртуально-коммуникационными технологиями – интернет-мессенджерами и социальными сетями.

Цифровой разрыв между поколениями становится основой нового варианта межпоколенческого неравенства, в основе которого лежат не возрастные критерии (авторитет и права старшинства по возрасту, жизненный опыт), а степень владения информационно-компьютерными технологиями и связанные с этим преимущества в социально-трудовой сфере и возможности виртуально-коммуникационного общения.

В последние годы активно исследуются вопросы цифровизации общества (и новой социальности) [1–3], особого влияния цифровизации на молодежь

[4–6], вопросы киберсоциализации [7, 8] и межпоколенных взаимодействий в условиях цифрового мира [9, 10].

Общий процесс дигитализации (цифровизации) и утверждения цифровой жизни общества имеет противоречивый характер и несет с собой также противоречивые последствия и определенные риски во многих отношениях, в том числе и в сфере межпоколенческих взаимоотношений – цифровой разрыв поколений.

Признается не только большое влияние виртуального пространства на индивидов, но и появление нового классового деления общества в зависимости от степени вхождения людей в виртуальное пространство [11]. А это угрожает новыми межпоколенческими и другими барьерами. В частности, происходит социальная стратификация на основе различий в освоении и использовании информационно-компьютерных технологий [12, с. 87]. Одним из аспектов социальной стратификации в сфере цифровой коммуникации является различие между активным и пассивным типами коммуникаторов [13, с. 158, 177].

Делаются попытки выявить и проанализировать новые феномены «искусственной социальности», определяющие характер взаимосвязей людей [1, 9], определить цифровые риски и последствия для разных групп людей и поколений, в том числе для молодежи [4, 5].

Признано, что последствием цифровизации жизни общества являются также риски цифрового неравенства и ослабления связей между поколениями. Происходящие цифровые метаморфозы способствуют нарушениям традиционных социальных связей, что приводит к травмам сознания и поведения молодых людей [4, с. 48].

Одновременно происходят не просто изменения в мире (и изменение мира). Происходит, по определению У. Бека (U. Beck), «метаморфоза мира» [3]. Если «при изменении» что-то меняется, но что-то остается прежним, то «при метаморфозе» старые определенности, свойства общества отпадают и возникает нечто совершенно новое [3, с. 2–3]. Утверждается цифровой мир.

В результате изменений – метаморфоз мира (социума) – возникают расхождения между искусственным информационно-сетевым порядком в виртуальной среде и реальными порядками в общественной среде в целом. Необходимы и новые подходы к сути изменений – метаморфоз социума, и новые представления об их последствиях, в частности о последствиях для межпоколенческих взаимоотношений и межпоколенческой преемственности.

Происходящие изменения – метаморфозы социума – касаются и такой проблемы, находящейся в центре проблемы межпоколенческой преемственности, как социализация личности, в том числе киберсоциализация. Так, по оценке У. Бека, молодые поколения уже рождаются как «цифровые сущности», т.е. для молодых поколений цифровизация жизни происходит в самом начале социализации, в отличие от старших поколений; а это обстоятельство влияет и на взаимоотношения поколений (в том числе в центробежном духе) [3, с. 188–191].

Одним из последствий метаморфоз социума стало разделение между реальными и виртуальными взаимодействиями, соответственно, проблема сосуществования реальных и виртуальных взаимодействий.

В условиях цифровизации и интернетизации социума межпоколенческие взаимоотношения приобретают дополнительную сложность, проблематичность и значимость, в том числе в аспекте преемственности и конфликта поколений. Соответственно, в условиях цифровизации общества и развития цифровых сетей взаимоотношения отцов и детей (как вечно актуальная социальная проблема) заслуживают повышенного внимания исследователей, в особенности в аспекте наметившегося цифрового разрыва поколений.

Можно отметить, что некоторые вопросы, связанные с использованием компьютерных технологий и интернет-сетей (в поколенческом аспекте), лежат на поверхности, более или менее очевидны. В частности, эволюция технологической системы обеспечила стремительное вовлечение пользователей в Интернет [14, с. 73]. Прежде всего это относится к молодежи. Между поколенческими группами россиян существуют значительные различия в уровнях цифровой грамотности и включенности в виртуальную коммуникативную среду. Однако насколько велик разрыв поколений в использовании интернет-мессенджеров и социальных сетей?

Цель статьи – проанализировать проблему цифрового разрыва поколений в использовании интернет-мессенджеров и социальных сетей.

Материалы и методы

В статье использованы материалы социологического опроса «“Отцы и дети”: конфликт и сотрудничество, преемственность поколений» (под руководством автора) в Самарской области в 2020 г. по репрезентативной выборке с учетом возраста, пола и территориально-поселенческой структуры населения ($n = 620$). В рамках данного опроса было выделено шесть целевых возрастно-поколенческих групп респондентов: три младших группы (16–19 лет, 20–24 и 25–34 года), две средних (35–44 и 45–54 года) и одна самая старшая группа (55–69 лет). Выделенные возрастно-поколенческие группы респондентов в общем представляют: 1) младшие поколения – юношество и молодежь (младшую и старшую молодежь), 2) среднее поколение (младшую и старшую группы среднего поколения), 3) старшее поколение (предпенсионного и пенсионного возраста).

Результаты

Одним из показателей грамотности в вопросах информационно-коммуникативных технологий и активности в пользовании интернет-сетями является обращение к тем или иным конкретным мессенджерам – при этом следует учитывать, что многие респонденты пользуются не одним, а несколькими мессенджерами (табл. 1).

Какими-либо мессенджерами пользовались чуть более 80 % и, соответственно, не пользовались почти 20 % всех респондентов. При этом не пользовались никакими мессенджерами 50,5 % респондентов из старшей группы (55–69 лет) и лишь около 9 % (и менее) респондентов из младших групп (16–19 лет, 20–24 и 25–34 года), от 16,2 до 27,4 % респондентов из средних групп (35–44 и 45–54 года соответственно).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Какими мессенджерами из перечисленных Вы пользовались за последнюю неделю?», процент от числа респондентов, многовариантные ответы

Варианты ответов	Группы по возрасту (полных лет)						Всего, n = 620
	16–19, n = 100	20–24, n = 102	25–34, n = 100	35–44, n = 105	45–54, n = 106	55–69, n = 107	
1. Viber (Вайбер)	48,0	67,6	73,0	66,7	60,4	33,6	58,1
2. WhatsApp (Ватсап)	59,0	68,6	70,0	44,8	50,9	25,2	52,7
3. Telegram (Телеграм)	37,0	51,0	31,0	12,4	18,9	10,3	26,5
4. Facebook Messenger (Фейсбук мессенджер)	4,0	5,9	5,0	12,4	12,3	3,7	7,3
5. ICQ (Айсикью)	1,0	2,0	1,0	1,0	1,9	3,7	1,8
6. Другими (OpenValueTxt, DisableReordering, AlwaysVisible и др.)	6,0	6,9	4,0	2,9	2,8	4,7	4,5
7. Никакими из перечисленных	9,0	8,8	5,0	16,2	27,4	50,5	19,8
Доля респондентов, пользовавшихся какими-либо мессенджерами	91,0	91,2	95,0	83,8	72,6	49,5	80,2

Наиболее популярны у респондентов всех групп Viber (Вайбер) и WhatsApp (Ватсап). У младших групп к этим двум мессенджерам добавляется также Telegram (Телеграм).

Об активном пользовании компьютерными технологиями говорит и факт регистрации в социальных сетях – при этом следует учитывать, что многие пользователи зарегистрированы не в одной, а в нескольких соцсетях (табл. 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «В каких социальных сетях Вы в настоящий период зарегистрированы, имеете свою страницу?», процент от числа респондентов, многовариантные ответы

Варианты ответов	Группы по возрасту (полных лет)						Всего, n = 620
	16–19, n = 100	20–24, n = 102	25–34, n = 100	35–44, n = 105	45–54, n = 106	55–69, n = 107	
1	2	3	4	5	6	7	8
1. ВКонтакте	72,0	93,1	92,0	67,6	52,8	21,5	66,0
2. Instagram (Инстаграм)	62,0	84,3	70,0	40,0	29,2	10,3	48,7
3. Одноклассники.ru	30,0	25,5	33,0	58,1	57,5	33,6	39,8

Окончание табл. 2

1	2	3	4	5	6	7	8
4. Мой мир@Mail.ru	32,0	30,4	17,0	17,1	21,7	14,0	21,9
5. Facebook (Фейсбук)	22,0	40,2	25,0	12,4	17,0	2,8	19,7
6. Google+ (Гугл плюс)	35,0	37,3	11,0	11,4	15,1	8,4	19,5
7. Twitter (Твиттер)	19,0	36,3	21,0	7,6	12,3	1,9	16,1
8. Другие	4,0	1,0	0	0	0,0	0,9	1,0
9. Нигде не зарегистрирован	2,0	2,0	0	11,4	19,8	46,7	14,0
Доля респондентов, зарегистрированных в соцсетях	98,0	98,0	100,0	88,6	80,2	53,3	86,0

Респонденты старшей группы (55–69 лет) весьма сильно отстают даже от средних, тем более от младших возрастных групп по степени включенности в социальные сети. Так, лишь 53,3 % из опрошенных в старшей группе зарегистрированы в соцсетях, а 46,7 % дали ответ «нигде не зарегистрирован». При этом в средних возрастных группах (35–44 и 45–54 года) в соцсетях зарегистрированы от 80,2 до 88,6 % респондентов, а в младших возрастных группах (16–19 лет, 20–24 и 25–34 года) в соцсетях зарегистрированы от 98 до 100 % респондентов.

Наиболее популярными у респондентов по всей выборке являются такие социальные сети, как «ВКонтакте» (66,0 %), Instagram (48,7 %) и «Одноклассники.ru» (39,8 %). Ответ «нигде не зарегистрирован» дали 14,0 % всех респондентов.

Наиболее активно пользуются социальными сетями младшие группы (в возрасте от 16 до 34 лет), у которых также наиболее разнообразен «ассортимент» социальных сетей, но особенно популярны «ВКонтакте» и Instagram. А ответ «нигде не зарегистрирован» дали лишь 2,0 % (и менее) из младших групп респондентов.

У респондентов средних возрастных групп (35–44 и 45–54 года) наиболее популярными являются сети «ВКонтакте» и «Одноклассники.ru»; ответ «нигде не зарегистрирован» дали от 11,4 до 19,8 % респондентов средних групп.

Наименее активно пользуются социальными сетями в старшей группе (55–69 лет), в которой 46,7 % выбрали ответ «нигде не зарегистрирован». Однако и в старшей группе достаточно популярны сети «Одноклассники.ru» (33,6 %) и «ВКонтакте» (21,5 %).

Таким образом, есть основания говорить о весьма большом разрыве между поколениями, особенно между самым старшим (55–69 лет) и младшими (16–19 лет, 20–24 и 25–34 года), в пользовании интернет-мессенджерами и социальными сетями.

Обсуждение

Как показывают социологические материалы, молодежь и старшие поколения по-разному включены в виртуально-коммуникационную среду, в разной степени владеют и пользуются цифровыми технологиями, а это

способствует социальной дифференциации, цифровому разрыву между поколениями, а также новым вариантам социальной мобильности, которые сильны далеко не одинаково разным поколенческим группам [15, с. 103].

Часть молодежи, которая «просиживает» в Интернете особенно много времени, пожалуй, справедливо названа цифровыми аборигенами [6]. Именно в отношении цифровых аборигенов, видимо, есть основания (если не полностью, то в значительной мере) говорить об опасностях отрыва от реальности, от общения с родными и близкими людьми [7, с. 171] и других проблемах, отрицательно сказывающихся в том числе на взаимоотношениях с окружающими людьми.

Молодежь в значительной мере уходит в сферу виртуальных взаимодействий, отдаляясь (в этой сфере искусственной социальности) от старших поколений. Самые разные исследования показывают, что молодежь можно образно назвать аборигенами информационно-социальных сетей [6]. А это означает, что информационно-социальные сети являются важным фактором процессов социализации молодежи. При этом многие последствия этих процессов до конца не осмыслены. В том числе велик риск развития девиантного поведения [5, с. 102].

Имеет место чрезмерно высокая интенсивность использования молодежью Интернета и ориентация при этом на гедонистические практики [6]. И можно опасаться того, что постоянное пребывание молодых людей в информационных и компьютерных социальных сетях («аборигенство» в них) может уводить в сторону от учебной, трудовой вовлеченности и социальной ответственности (как вариант отчуждения от старших поколений) и направлять по пути инфантилизма, гедонистических практик и потребительского поведения (как вариант отчуждения от реальных потребностей социальной жизни). Вместе с тем есть основания считать, что эти опасения в большей мере применимы лишь к периоду взросления молодежи.

По оценкам как российских, так и зарубежных исследователей проблема цифрового разрыва имеет самые разные последствия. Так, по мнению Яна ван Дейка (J. van Dijk), цифровой разрыв тесно связан с социальным неравенством; а одна из глав в его книге «Цифровое неравенство» не случайно получила название «Социальное и цифровое неравенство» [8]. Российские исследователи (как и зарубежные) признают, что для ликвидации цифрового разрыва необходимо также снижение уровня социального неравенства [16, с. 163]. Поскольку цифровой разрыв тесно связан с социальным неравенством, то усложняется проблема взаимосвязи и преемственности поколений.

Между старшей возрастно-поколенческой группой и более младшими группами цифровой разрыв весьма велик. С учетом этого можно прогнозировать, что очень значительной части старшего поколения уже вряд ли удастся преодолеть возникший цифровой разрыв с более младшими поколениями. Иначе говоря, старшему поколению (основной его массе) вряд ли удастся пройти в достаточной мере интернет-социализацию и накопить солидный «виртуальный социальный капитал» [17]. В то же время основной массе средних возрастно-поколенческих групп, скорее всего, удастся сохранять в цифровом мире не слишком большую дистанцию от младших поколений. Но некоторая часть людей (прежде всего молодых) будет уходить все дальше как от своих старших современников, так и от своих сверстников в области

цифровых технологий (включая и общую компьютерную грамотность, и владение необходимыми мессенджерами, и использование актуальных соцсетей) – в образовательно-культурных целях, в производственно-трудовой сфере, для реализации социально-культурных потребностей и интересов, при участии в программах электронного правительства. Впрочем, передовики прогресса (как и отстающие) всегда были в каждом из поколений.

Заключение

В результате утверждения цифрового мира возникают некоторые новые модальности и ориентиры человеческого существования, прежде всего для молодежи. И дело не только в том, что младшие поколения становятся заметно более грамотными в цифровых технологиях и более активно пользующимися возможностями виртуально-коммуникационной среды. На основе определенной интернет-социализации в сфере искусственной социальности может возникнуть такая социальная идентификация у молодежи, которая будет существенно отличаться от идентификации старших поколений, что может стать источником глубоких межпоколенческих противоречий.

Представленные социологические данные о различиях в реальном использовании компьютерными технологиями (в виде актуальных интернет-мессенджеров и социальных сетей) между разными возрастными группами свидетельствуют, что важно поддерживать разнообразные меры по привитию компьютерной грамотности населения. Таким путем будет повышаться также уровень адаптации людей к условиям цифровизации общества и уменьшаться цифровой разрыв между поколениями и межпоколенческие противоречия.

Список литературы

1. Резаев А. В., Стариков В. С., Трегубова Н. Д. Социология в эпоху «искусственной социальности»: поиск новых оснований // Социологические исследования. 2020. № 2. С. 3–12.
2. Kravchenko S. A. Sociology on the move: The demand for the humanistic digital turn // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2019. № 3. С. 397–405.
3. Beck U. The Metamorphosis of the World. Cambridge ; Malden : Polity Press, 2016. 223 p.
4. Кравченко С. А. Цифровые риски, метаморфозы и центробежные тенденции в молодежной среде // Социологические исследования. 2019. № 10. С. 48–57.
5. Кошарная Г. Б., Данилова Е. А. Современные формы девиантного поведения молодежи в условиях цифровизации российского общества // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2021. № 2. С. 100–109.
6. Руденкин Д. В. Эвристический потенциал теории «цифровых аборигенов» М. Пренски при исследовании современной российской молодежи // Социодинамика. 2019. № 9. С. 9–19.
7. Шаповал Е. А. Влияние Интернет-сетей на виртуальную социализацию молодежи и формирование ценностных ориентиров современной молодежи в РФ // Социодинамика. 2019. № 12. С. 170–177.
8. Van Dijk J. The Digital Divide. Cambridge : Polity, 2020. 208 p.
9. Лебедева Л. Г. Цифровизация социума в аспекте преемственности поколений // Вестник Самарского муниципального института управления. 2018. № 3. С. 143–149.
10. Шурбе В. З. Межпоколенные взаимодействия: конфликт или новая фигурация? // Идеи и идеалы. 2013. № 1. С. 43–53.

11. Волченко О. В. Динамика цифрового неравенства в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. № 5. С. 163–182.
12. Панченко И. М. Социальные сети как новая форма коммуникации: польза или опасность для общества? // Социология науки и технологий. 2018. № 2. С. 86–94.
13. Nikolaenko G., Malyushkin R., Samokish A. Global Distribution of Digital Scientific Communication: Case of ASNS ResearchGate // Социология науки и технологий. 2020. № 3. С. 158–178.
14. Шиняева О. В., Каманина В. Е. Реализация функций средств массовой информации в условиях глобальных и национальных вызовов: оценки населения и журналистов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2021. № 1. С. 70–85.
15. Розенберг Н. В., Карпова М. К. Социальная мобильность в условиях современного российского общества // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2020. № 4. С. 99–108.
16. Добринская Д. Е., Мартыненко Т. С. Возможно ли цифровое равенство? (О книге Я. ван Дейка «Цифровой разрыв») // Социологические исследования. 2020. № 10. С. 158–164.
17. Чебунина О. А. Виртуальный социальный капитал в процессе интернет-социализации молодежи // Гуманитарий Юга России. 2019. № 1. С. 229–241.

References

1. Rezaev A.V., Starikov V.S., Tregubova N.D. Sociology in the era of “artificial sociality”: the search for new foundations. *Sotsiologicheskie issledovaniya* = Sociological researches. 2020;(2):3–12. (In Russ.)
2. Kravchenko S.A. Sociology on the move: The demand for the humanistic digital turn. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Sotsiologiya* = Bulletin of RUDN. Series: Sociology. 2019;(3):397–405.
3. Beck U. *The Metamorphosis of the World*. Cambridge; Malden: Polity Press, 2016:223.
4. Kravchenko S.A. Digital risks, metamorphoses and centrifugal tendencies among the youth. *Sotsiologicheskie issledovaniya* = Sociological researches. 2019;(10):48–57. (In Russ.)
5. Kosharnaya G.B., Danilova E.A. Modern forms of young people deviant behavior in the context of digitalization of Russian society. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki* = University proceedings. Volga region. Social sciences. 2021;(2):100–109. (In Russ.)
6. Rudenkin D.V. Heuristic potential of the theory of “digital natives”. M. Prensky in the study of modern Russian youth. *Sotsiodinamika* = Sociodynamics. 2019;(9):9–19. (In Russ.)
7. Shapoval E.A. The impact of Internet networks on the virtual socialization of young people and the formation of value orientations of modern youth in the Russian Federation. *Sotsiodinamika* = Sociodynamics. 2019;(12):170–177. (In Russ.)
8. Van Dijk J. *The Digital Divide*. Cambridge: Polity, 2020:208.
9. Lebedeva L.G. Digitalization of society in the aspect of continuity of generations. *Vestnik Samarskogo munitsipal'nogo instituta upravleniya* = Bulletin of Samara Municipal Institute of Management. 2018;(3):143–149. (In Russ.)
10. Shurbe V.Z. Intergenerational interactions: conflict or new figuration? *Idey i idealy* = Ideas and ideals. 2013;(1):43–53. (In Russ.)
11. Volchenko O.V. Dynamics of the digital divide in Russia. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* = Monitoring public opinion: economic and social changes. 2016;(5):163–182. (In Russ.)
12. Panchenko I.M. Social networks as a new form of communication: benefit or danger to society? *Sotsiologiya nauki i tekhnologii* = Sociology of science and technology. 2018;(2):86–94. (In Russ.)

13. Nikolaenko G., Malyushkin R., Samokish A. Global Distribution of Digital Scientific Communication: Case of ASNS ResearchGate. *Sotsiologiya nauki i tekhnologiy* = Sociology of science and technology. 2020;(3):158–178.
14. Shinyaeva O.V., Kamanina V.E. Implementation of the function of the media in the context of global and national challenges: assessments of the population and journalists. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki* = University proceedings. Volga region. Social sciences. 2021;(1):70–85. (In Russ.)
15. Rozenberg N.V., Karpova M.K. Social mobility in the conditions of modern Russian society. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki* = University proceedings. Volga region. Social sciences. 2020;(4):99–108. (In Russ.)
16. Dobrinskaya D.E., Martynenko T.S. Is digital equality possible? (on the book by J. van Dijk “Digital Divide”). *Sotsiologicheskie issledovaniya* = Sociological researches. 2020;(10):158–164.
17. Chebunina O.A. Virtual social capital in the process of Internet socialization of youth. *Gumanitarniy Yuga Rossii* = Humanitarian of the South of Russia. 2019;(1):229–241. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Людмила Геннадьевна Лебедева

старший преподаватель кафедры
социологии и психологии, Самарский
государственный экономический
университет (Россия, г. Самара,
ул. Советской Армии, 141)

E-mail: ludleb@mail.ru

Lyudmila G. Lebedeva

Senior lecturer of the sub-department
of sociology and psychology, Samara State
University of Economics (141 Sovetskoy
Armii street, Samara, Russia)

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 21.12.2021

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 06.07.2022

Принята к публикации / Accepted 10.09.2022

УДК 316
doi:10.21685/2072-3016-2022-4-4

Роль социальных стереотипов в процессе профессионального самоопределения молодежи

В. А. Шацилло

Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина –
филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Саратов, Россия

shacillo93@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Проблема выбора молодыми людьми профессии в настоящее время является одной из самых актуальных, что обусловлено рядом объективных причин, связанных с трансформациями рынка труда, а также субъективных ориентаций и установок молодежи. Цель исследования – анализ роли социальных стереотипов о гуманитарных направлениях подготовки и специальностях в процессе профессионального самоопределения молодежи. *Материалы и методы.* Методологическую базу исследования составили методы научного анализа и обобщения положений классических социологических теорий, современной научной литературы, а также статистической информации по проблемам исследования. Эмпирической базой исследования является авторский социологический опрос, проведенный среди студентов Поволжского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации Саратовского государственного национального исследовательского университета имени Н. Г. Чернышевского (2022 г., $n = 632$). *Результаты.* Проведенное автором социологическое исследование свидетельствует о том, что существование социальных стереотипов о профессиях является одним из существенных факторов, влияющих на процесс профессионального самоопределения молодежи. Информация, содержащаяся в социальных стереотипах, зачастую искажает представления молодых людей о профессиях и осложняет выбор. Наиболее подверженными стереотипизации являются гуманитарные профессии. *Выводы.* Результаты проведенного исследования свидетельствуют о необходимости системной работы с существующими социальными стереотипами о профессиях. Однако такая работа должна вестись не только высшими учебными заведениями, но и другими социальными институтами и организациями.

Ключевые слова: социальные стереотипы, профессиональное самоопределение, профессия, высшее образование, молодежь

Для цитирования: Шацилло В. А. Роль социальных стереотипов в процессе профессионального самоопределения молодежи // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2022. № 4. С. 48–57. 10.21685/2072-3016-2022-4-4

The role of social stereotypes in the process of professional self-determination of youth

V.A. Shatsillo

Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Saratov, Russia

shacillo93@mail.ru

Abstract. *Background.* The problem of young people's choice of profession is currently one of the most pressing, which is due to a number of objective reasons associated with the

© Шацилло В. А., 2022. Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License / This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

transformation of the labor market, as well as subjective orientations and attitudes of young people. The purpose of the study is to analyze the role of social stereotypes about humanitarian training areas and specialties in the process of professional self-determination of young people. *Materials and methods.* The methods of scientific analysis and generalization of the provisions of classical sociological theories, modern scientific literature, as well as statistical information on the research problems constituted the methodological basis of the study. The empirical basis of the research is the author's sociological survey conducted among the students of the Volga Institute of Management – Branch of RANEPa and Saratov State National Research University named after N.G. Chernyshevsky (2022, n = 632). *Results.* The sociological research conducted by the author indicates that the existence of social stereotypes about professions is one of the significant factors influencing the process of professional self-determination of young people. Information contained in social stereotypes often distorts young people's ideas about professions and complicates their choice. Humanities professions are the most susceptible to stereotyping. *Conclusions.* The results of the study indicate the need for systematic work with existing social stereotypes about professions. However, such work should be carried out not only by higher education institutions, but also by other social institutions and organizations.

Keywords: social stereotypes, professional self-determination, profession, higher education, youth

For citation: Shatsillo V.A. The role of social stereotypes in the process of professional self-determination of youth. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki = University proceedings. Volga region. Social sciences.* 2022;(4): 48–57. (In Russ.). doi:10.21685/2072-3016-2022-4-4

Введение

В условиях функционирования современного общества ни один из протекающих в нем социальных процессов нельзя интерпретировать однозначно, что обусловлено не только сложной социальной структурой, но и постоянными социальными изменениями и трансформациями, характерными практически для любой сферы общественных отношений. Сложность современной социальной структуры характеризуется тем, что происходящие изменения в условиях протекания одних социальных процессов влекут за собой неизбежные трансформации и смежных сфер общественного устройства. Исходя из этого, очевидным становится тот факт, что анализ любой социальной проблемы необходимо осуществлять комплексно, с учетом всех особенностей и ведущих факторов, влияющих на социальные процессы.

Рынок труда как один из социальных институтов изучается уже достаточно давно, одним из ведущих понятий в контексте данного анализа является «профессия». Профессия интерпретируется М. Вебером как спецификация, специализация и комбинация функций индивида, которые составляют основу постоянной возможности обеспеченности или заработка [1, с. 11–17]. Профессия как социологическая категория стала распространяться в научных трудах с появлением предпосылок для разделения труда индивидов, усложнения социально-профессиональной структуры общества. Классики социологической науки характеризовали разделение труда как один из критериев развития общества. Так, Э. Дюркгейм связывал эволюционный путь трансформации общества с развитием социальной солидарности, а именно переходом от механического типа к органическому типу солидарности, характерному для более развитых обществ. Органическая солидарность предполагает новый формат организации профессионального труда и общественных отношений в целом, что выражается в резком увеличении и дифференциации

профессиональных структур и связанных с ними специфических функций [2, с. 324–326].

Более поздние социологические теории характеризуют основные тенденции функционирования рынка труда с учетом закономерностей социального взаимодействия индивидов в условиях процесса еще большей дифференциации профессиональных функций. По мнению некоторых отечественных исследователей, понятие «профессия» не только усложняется и характеризуется с точки зрения специфики вида трудовой деятельности, но и дополняется психологическими и социальными составляющими. К таким составляющим, в частности, относят возможность самореализации личности в профессии, удовлетворенность работой и своим социальным положением, обусловленным причастностью к определенному виду профессиональной деятельности. Существенным фактором социальных трансформаций в данной сфере являются установки на необходимость предоставления свободного выбора профессии для каждого члена общества, а также неотъемлемым признаком профессии становится наличие специфической подготовки и определенной квалификации [3, с. 190–193].

В условиях неразрывной связи процессов получения профессионального образования и дальнейшей реализации индивидом своего потенциала в определенной отрасли проблема выбора профессии стала одной из самых актуальных, так как осуществление неправильного выбора провоцирует новые сложности, связанные с функционированием рынка труда и общества в целом. К проблемам подобного характера можно отнести незаинтересованность в обучении в высших и средних специальных учебных заведениях, дальнейшее трудоустройство не по профилю полученного образования, трудности с поиском работы, неудовлетворенность своим социальным и материальным положением, социальные разногласия и конфликты [4, с. 31–42]. Усугубляются проблемы в данной сфере тем, что выбор профессии должны осуществлять молодые люди, которые зачастую к этому не готовы в силу различных объективных причин: недостаточность необходимого жизненного опыта, неумение работать с большими объемами информации, отсутствие единой системы профориентационной работы, в которую были бы интегрированы все молодые люди, существование социальных стереотипов, связанных с различными профессиями.

Под социальным стереотипом понимается полученная индивидами в процессе ежедневного взаимодействия информация о каком-либо объекте или явлении, применяемая в дальнейшем для социальной оценки ситуации в сходных условиях [5]. Отметим, что существуют позитивные и негативные социальные стереотипы, которые в свою очередь могут как значительно облегчать процесс социального взаимодействия индивидов в обществе, так и искажать существующую социальную реальность и способствовать развитию деструктивных процессов в обществе [6, с. 131–134].

Материалы и методы

Тезис о том, что социальные стереотипы оказывают влияние на принятие решения о выборе профессии, был исследован в рамках авторского социологического исследования. В качестве метода исследования был выбран анкетный опрос, который проводился среди студентов Поволжского института

управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации и Саратовского государственного национального исследовательского университета имени Н. Г. Чернышевского, обучающихся на направлениях подготовки и специальностях, относящихся к профессиям гуманитарного профиля, в июне – июле 2022 г. Объем выборки – 632 человека. Отбор участников исследования осуществлялся на основе гнездовой двухступенчатой выборки, в качестве кластеров выделялись высшие учебные заведения г. Саратова, имеющие в своей структуре образовательные программы гуманитарного профиля. В рамках самих гнезд отбор респондентов проводился по методу многоступенчатой квотной выборки, репрезентативной по отношению к социально-демографической структуре представителей современной студенческой молодежи. Квотными признаками выступали: пол, курс обучения, направление подготовки / специальность.

В общей массе респондентов преобладают лица в возрасте от 20 до 22 лет (57,7 %), далее по возрасту группы респондентов распределились следующим образом: опрошенные от 17 до 19 лет – 32,28 %, также 9,81 % респондентов, принявших участие в опросе, были старше 23 лет. Если говорить о половой принадлежности участников опроса, девушек и юношей оказалось примерно равное количество – 51,27 и 48,73 % соответственно.

Результаты и обсуждение

Для понимания роли социальных стереотипов в процессе выбора профессии современными молодыми людьми необходимо выявить и проанализировать структуру факторов, оказывающих влияние на профессиональное самоопределение молодежи. Так, участникам нашего исследования был предложен ряд индикаторов, которые могли бы оказать существенное влияние на выбор профессии и высшего учебного заведения, представленных на рис. 1.

Рис. 1. Ответы респондентов на вопрос «Какими факторами в большей степени обусловлен выбор вами вуза, направления подготовки / специальности?», проценты

Схожие данные были получены в опросе Всероссийского центра исследования общественного мнения в январе 2021 г. Так, половина молодых людей в возрасте от 18 до 24 лет отметили, что выбирали профессию под влиянием собственных увлечений и интересов (48 %), одинаково часто они полагались на оплату труда и престиж (по 23 %), а также на востребованность профессии на рынке труда и стечение обстоятельств (по 13 %) [7].

На наш взгляд, те факторы, которые были отмечены молодыми людьми как существенные при выборе будущей сферы профессиональной деятельности, в определенной степени основываются на социальных стереотипах. Так, одним из ключевых ориентиров для абитуриентов является мнение родителей, родственников и друзей, однако считаем, что большая часть подобных убеждений и точек зрения сформированы под влиянием социальных стереотипов, которые можно классифицировать на несколько видов в зависимости от источника их возникновения:

- стереотипы, формируемые представителями профессионального общества;
- стереотипы, появление которых обусловлено распространением продуктов массовой культуры (кинематограф, современные литературные произведения);
- стереотипы, формируемые средствами массовой информации, а также активными пользователями социальных сетей;
- стереотипы, транслируемые старшими поколениями с позиции собственного социального опыта, но в иных социально-экономических условиях;
- стереотипы, формируемые самими молодыми людьми, например в процессе обучения в высшем учебном заведении.

В целом чуть более 93,2 % опрошенных молодых людей отметили, что в повседневной жизни сталкивались со стереотипами, связанными с профессиями, лишь 6,8 % респондентов указали, что с подобными стереотипами совсем не слышали. Но наиболее сложная и противоречивая ситуация в контексте выбора направления подготовки или специальности, а соответственно, и будущей профессии, на наш взгляд, стоит перед абитуриентами, рассматривающими возможность получения образования по гуманитарному профилю. Это обусловлено тем, что в настоящее время профессиональных направлений в данной сфере деятельности существует достаточно много, они зачастую схожи между собой, а также специалистов подобного рода готовят практически во всех высших учебных заведениях. Так, даже технические вузы имеют несколько направлений подготовки / специальностей гуманитарного профиля. Размытость профессиональных границ таких направлений подготовки и специальностей, а также большая конкуренция на рынке труда приводят к ряду негативных реакций со стороны общества, которые выражаются в том числе и в формулировке устойчивых убеждений о гуманитарных профессиях, которые не всегда соответствуют действительности и искажают объективное восприятие информации о некоторых видах профессиональной деятельности.

Е. А. Климов в своей концепции о специфике организации профориентационной работы предлагает типологию профессий, в соответствии с которой принадлежность личности к определенному типу профессий обуславливается специфическими качествами характера, склонностями и интересами к различным видам профессиональной деятельности [8, с. 120–131]. В контексте

нашего исследования интересным представлялся вопрос о соотношении упоминания социальных стереотипов и типов профессий. Так, высказанный тезис о том, что профессии гуманитарного профиля (в теории Е. А. Климова профессии типа «человек – человек») чаще остальных упоминаются в социальных стереотипах, подтвердился. Профессии типа «человек – природа» и «человек – знаковая система» по результатам исследования подвержены наименьшей стереотипизации со стороны современного общества, что представлено на рис. 2.

Рис. 2. Ответы респондентов на вопрос «На ваш взгляд, профессии какого типа наиболее часто встречаются в социальных стереотипах?»

Говоря о том, какая информация о профессиях чаще всего встречается в формулировках социальных стереотипов о профессиях, 43,99 % респондентов отметили уровень возможного заработка, 24,37 % молодых людей слышали стереотипы, характеризующие перспективы дальнейшего трудоустройства. Также в стереотипах формулируются факты о личностных и профессиональных качествах типичного представителя профессии и престиже профессии в целом, что отметили 17,25 и 14,39 % респондентов соответственно.

Для более детального анализа выдвинутого тезиса о содержании социальных стереотипов в отношении существующих профессий респондентам был задан открытый вопрос, какие стереотипы им приходилось слышать о своей будущей профессии. Обобщая полученные ответы, можно констатировать, что социальные стереотипы отражают как позитивные, так и негативные стороны различных сфер профессиональной деятельности, однако и та и другая группа стереотипов не соответствует объективной действительности. Например, студенты, обучающиеся по направлению подготовки «Юриспруденция», чаще всего в качестве социального стереотипа о своей будущей профессии указывают тезис о том, что юристам легко устроиться на работу, так как в любой сфере деятельности необходимо качественное юридическое сопровождение, также имеется широкий спектр учреждений для трудоустройства, характерных только для этого направления подготовки. Образ

профессии юриста ассоциируется с серьезностью, солидностью и определенной степенью влиятельности в обществе, что чаще всего транслируется представителями старшего поколения в качестве аргумента в адрес молодых людей, размышляющих о возможном выборе этой профессии. Однако уже не первый год статистические данные о занятости констатируют тот факт, что современный рынок труда переполнен специалистами с юридическим и экономическим образованием. Так, во Всероссийском научно-исследовательском институте труда сообщили, что в стране наблюдается переизбыток специалистов с высшим образованием в сфере бизнеса, права и администрирования – в том числе экономистов и юристов [9].

Студенты, получающие образование по направлению подготовки «Государственное и муниципальное управление», чаще всего сталкиваются с высказываниями о том, что все чиновники причастны к коррупции, данный вид профессиональной деятельности устойчиво ассоциируется с бюрократией и равнодушием к проблемам граждан. Данный социальный стереотип характерен не только на этапе выбора профессии, но и в процессе непосредственного осуществления профессиональной деятельности. Представление в общественном сознании о государственных служащих как о специалистах, которые не качественно выполняют свои профессиональные обязанности, негативно влияют на их продуктивность, а также способствуют появлению симптомов эмоционального выгорания. Также существование негативных предубеждений в общественном сознании в отношении специалистов данной сферы осложняет процесс построения эффективного взаимодействия между обществом и органами власти [10].

С рядом устойчивых социальных стереотипов сталкиваются и будущие специалисты по работе с молодежью. Так, большая часть опрошенных студентов, обучающихся по направлению подготовки «Организация работы с молодежью», в качестве стереотипов о своей будущей профессии назвали утверждения о том, что такой специалист будет работать в основном с детьми в сфере организации их досуга – летние оздоровительные лагеря, развлекательные учреждения и центры. Однако в 2020 г. был принят Федеральный закон «О молодежной политике в Российской Федерации», который четко определяет сущность профессиональной деятельности специалистов по работе с молодежью, спектр возможных направлений для дальнейшего трудоустройства, а также важность и необходимость подготовки специалистов для реализации молодежной политики на различных уровнях. Описываемый нормативно-правовой акт опровергает и мнение о том, что специалист по работе с молодежью работает с детьми, так как четко определяет возрастные границы молодежного возраста – от 14 до 35 лет, большая часть данной социально-демографической группы никак не соотносится с категорией «дети»¹.

Заключение

Безусловно, описываемые социальные стереотипы представляется возможным опровергнуть и скорректировать в процессе обучения в высшем учебном заведении, однако на этапе поступления не все абитуриенты могут убедительно аргументировать свое желание в выборе профессии и грамотно

¹ О молодежной политике в Российской Федерации : федер. закон № 489-ФЗ от 30 декабря 2020 г. // Российская газета. 2021. № 1 (8352). URL: <https://rg.ru/2021/01/11/molodez-dok.html>

подобрать информацию о недостоверности общественных убеждений в отношении какого-либо вида профессиональной деятельности. В некоторых случаях такое положение дел приводит к выбору социально одобряемого направления подготовки или специальности, но совершенно не интересного для самого молодого человека. Обобщая полученные результаты исследования, отметим, что студенты считают влияние социальных стереотипов на выбор профессии одним из ведущих факторов, однако однозначного ответа о позитивном или негативном влиянии подобных общественных установок не дают. Значительная часть наших респондентов считает, что в зависимости от конкретной ситуации наличие социальных стереотипов может оказать как позитивное, так и негативное влияние на эффективность процесса профессионального самоопределения.

Таким образом, отметим, что анализ существующих социальных стереотипов о современных профессиях позволяет не только получить информацию о текущих общественных установках, но и спрогнозировать некоторые изменения в будущем. Так, повсеместное распространение социальных стереотипов о какой-либо конкретной сфере профессиональной деятельности в перспективе может привести к дефициту или профициту таких специалистов на рынке труда, трансформации или ликвидации соответствующих направлений подготовки / специальностей в высших учебных заведениях.

Анализ существующих социальных стереотипов, влияющих на молодых людей, является одним из приоритетных направлений научного исследования, что обусловлено особым положением молодежи как отдельной социально-демографической группы. Именно молодежь является наиболее восприимчивой ко всем социальным установкам, транслирующимся современным обществом, искаженное восприятие таких установок может спровоцировать ряд затруднений и проблем в молодежной среде, что негативно скажется на развитии государства и общества в целом. Говоря непосредственно о социальных стереотипах в отношении существующих профессий, стоит отметить недостаточную их изученность, однако также неоспоримым является тот факт, что подобные стереотипы оказывают влияние на формирование итогового образа существующих профессий. Исходя из вышесказанного, представляется необходимым тщательно исследовать и грамотно корректировать существующие социальные стереотипы в соответствии с реальным состоянием современного рынка труда и специфики современных направлений профессиональной деятельности.

Список литературы

1. Александрова Т. Л. Методологические проблемы социологии профессий // Социологические исследования. 2000. № 8. С. 11–17.
2. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М. : Канон, 1996. С. 324–326.
3. Шубкин В. Н. Трудящаяся молодежь: образование, профессия, мобильность. М. : Наука, 1984. С. 190–193.
4. Тугускина Г. Н., Рожкова Л. В., Кошарная Г. Б. Высшее образование во взглядах молодежи: от обучения к работе // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2022. № 1. С. 31–42.
5. Вервейко О. И. Социальные стереотипы в структуре управленческой деятельности : дис. ... канд. социол. наук : 22.00.08. Белгород, 2015. 210 с.

6. Белобрагин В. В. Социально-психологические проблемы имиджа как социального стереотипа и результата социальных установок // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек и общество. 2018. № 1. С. 131–134.
7. Профессия, которую мы выбираем: факторы и мотивы решения // Официальный сайт Всероссийского центра исследования общественного мнения URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/professija-kotoruju-my-vybiraem-factory-i-motivy-reshenija>
8. Толочек В. А. Профессиональная карьера: линейно-стадиальный и стадиально-процессуальный подходы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2019. № 2. С. 120–131.
9. Официальный сайт Всероссийского научно-исследовательского института труда Министерства труда Российской Федерации. URL: <https://vcot.info/>
10. Самсонова Ю. С. Имидж государственной службы в условиях административного реформирования в российском обществе : дис. ... канд. социол. наук : 22.00.08. Ростов н/Д., 2011. 154 с.

References

1. Aleksandrova T.L. Methodological problems of the sociology of professions. *Sotsiologicheskie issledovaniya* = Sociological researches. 2000;(8):11–17. (In Russ.)
2. Dyurkgeym E. *O razdelenii obshchestvennogo truda* = On the division of social labor. Moscow: Kanon, 1996:324–326. (In Russ.)
3. Shubkin V.N. *Trudyashchayasya molodezh': obrazovanie, professiya, mobil'nost'* = Working youth: education, profession, mobility. Moscow: Nauka, 1984:190–193. (In Russ.)
4. Tuguskina G.N., Rozhkova L.V., Kosharnaya G.B. Higher education in the eyes of young people: from education to work. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki* = University proceedings. Volga region. Social sciences. 2022;(1):31–42. (In Russ.)
5. Verveiko O.I. *Social stereotypes in the structure of management activities*. PhD dissertation. Belgorod, 2015:210. (In Russ.)
6. Belobragin V.V. Socio-psychological problems of the image as a social stereotype and the result of social attitudes. *Vestnik Rossiyskogo novogo universiteta. Seriya: Chelovek i obshchestvo* = Bulletin of the Russian New University. Series: Human an society. 2018;(1):131–134. (In Russ.)
7. The profession we choose: factors and motives for the decision. *Ofitsial'nyy sayt Vserossiyskogo tsentra issledovaniya obshchestvennogo mneniya* = Official website of the All-Russian Public Opinion Research Center. (In Russ.). Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/professija-kotoruju-my-vybiraem-factory-i-motivy-reshenija>
8. Tolochek V.A. Professional career: linear stage and stage process approaches. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya* = Proceedings of Saratov University. New series. Series: Acmeology of education. Developmental psychology. 2019;(2):120–131. (In Russ.)
9. *Ofitsial'nyy sayt Vserossiyskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta truda Ministerstva truda Rossiyskoy Federatsii* = Official website of the All-Russian Scientific Research Institute of Labor of the Ministry of Labor of the Russian Federation. (In Russ.). Available at: <https://vcot.info/>
10. Samsonova Yu.S. *The image of the civil service in the context of administrative reform in Russian society*. PhD dissertation. Rostov-on-Don, 2011:154. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Виктория Алексеевна Шацилло

старший преподаватель кафедры
социологии и социальной политики,
Поволжский институт управления
имени П. А. Столыпина – филиал
Российской академии народного хозяй-
ства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
(Россия, г. Саратов, ул. Московская, 164)

E-mail: shacillo93@mail.ru

Victoria A. Shatsillo

Senior lecturer of the sub-department of
sociology and social policy, Povolzhsky
Institute of Management named after
P.A. Stolypin – branch of the Russian
Presidential Academy of National
Economy and Public Administration
(164 Moskovskaya street, Saratov, Russia)

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 19.08.2022

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 05.10.2022

Принята к публикации / Accepted 10.11.2022

УДК 316

doi:10.21685/2072-3016-2022-4-5

Внутренние и внешние факторы эффективности института образования

А. А. Филиппов

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

ntnppov@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Образование оказывает значительное влияние на уровень развития общества и его стабильность. От эффективности образования напрямую зависит социализация членов общества, их жизненные ориентиры, ценности, правосознание, общий кругозор и профессиональная компетентность. Однако постановка вопроса об условиях эффективной образовательной деятельности преимущественно носит редуцированный характер и сводится к анализу структуры института образования и повышению квалификации педагогов. При этом вопрос внешней обусловленности образовательного процесса, а также зависимости образования от состояния других общественных институтов зачастую не рассматривается. Как результат, принятие решений по оптимизации образовательной системы зачастую осуществляется в условиях недостатка информации, что негативно сказывается на качестве принимаемых мер. Это определяет важность изучения не только внутренних, но и внешних факторов эффективности образования, а также их соотношения. Цель исследования – определение и детализация основного набора внешних и внутренних факторов эффективности института образования. *Материалы и методы.* В ходе подготовки работы были использованы такие методы научного познания, как анализ, сравнение, абстрагирование, дедукция, системный метод, а также структурно-функциональный, социально-феноменологический и аксиологический подходы. *Результаты.* Эффективность образования находится в неразрывной связи с состоянием общества, что проявляется в трех ключевых показателях: востребованности образования, его качестве и вовлеченности учащихся в образовательный процесс. Наиболее продуктивным образовательный процесс является в том случае, когда состояние образовательной системы отвечает социальным запросам и учитывает характеристики учащихся, а основные социальные институты достаточно функциональны для того, чтобы удовлетворять функциональным запросам образования как института. *Выводы.* Повышение эффективности образования невозможно в полной мере только за счет воздействия на образовательную систему. Для оптимизации образовательной деятельности необходимо воздействие как на внутреннюю структуру системы образования, так и на внешние факторы, которые определяют ее состояние.

Ключевые слова: образование, эффективность образования, функции образования, педагоги, учащиеся, внешние факторы образовательной деятельности, внутренние факторы образовательной деятельности

Для цитирования: Филиппов А. А. Внутренние и внешние факторы эффективности института образования // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2022. № 4. С. 58–67. doi:10.21685/2072-3016-2022-4-5

Internal and external factors of the effectiveness of the institute of education

A.A. Filippov

Penza State University, Penza, Russia

ntnppov@mail.ru

Abstract. *Background.* Education has a significant impact on the level of development of society and its stability. The socialization of members of society, their life orientations, values, legal awareness, general outlook and professional competence directly depend on the effectiveness of education. However, the question of the conditions of effective educational activity is mainly reduced in nature and is reduced to the analysis of the structure of the institute of education and professional development of teachers. At the same time, the issue of external conditionality of the educational process, as well as the dependence of education on the state of other public institutions, is often not considered. As a result, decision-making on the optimization of the educational system is often carried out in conditions of lack of information, which negatively affects the quality of measures taken. This determines the importance of studying not only internal, but also external factors of educational effectiveness, as well as their correlation. The purpose of the study is to identify and detail the main set of external and internal factors of the effectiveness of the institute of education. *Materials and methods.* During the preparation of the article, such methods of scientific cognition as analysis, comparison, abstraction, deduction, system method, as well as structural-functional, socio-phenomenological and axiological approaches were used. *Results.* The effectiveness of education is inextricably linked with the state of society, which is manifested in three key indicators: the demand for education, its quality and the involvement of students in the educational process. The most productive educational process is when the state of the educational system meets social needs and takes into account the characteristics of students, and the main social institutions are functional enough to meet the functional needs of education as an institution. *Conclusions.* It is impossible to increase the effectiveness of education to the full extent only due to the impact on the educational system. To optimize educational activities, it is necessary to influence both the internal structure of the education system and the external factors that determine its state.

Keywords: education, efficiency of education, functions of education, teachers, students, external factors of educational activity, internal factors of educational activity

For citation: Filippov A.A. Internal and external factors of the effectiveness of the institute of education. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki* = *University proceedings. Volga region. Social sciences*. 2022;(4):58–67. (In Russ.). doi:10.21685/2072-3016-2022-4-5

Введение

Образование является институтом, функция которого имеет критическое значение для общества [1]. От эффективности образовательного процесса зависит характер социализации членов общества [2], уровень их правосознания, степень профессионализма работников в различных сферах, наконец, научный потенциал государства. В определенной степени можно судить о том, что образование закладывает фундамент для ряда общественных процессов, и повышение эффективности образовательной деятельности может способствовать значительному повышению уровня общественного благополучия [3]. В этом контексте вполне закономерным явлением становится активная деятельность по реформированию системы образования, внедрению в образовательный процесс различного рода инноваций [4] и т.д. Институт

образования, однако, относится к тем структурам, изменение которых никогда не происходит в сиюминутно регистрируемый момент. Если, например, снижение эффективности института экономики даст мгновенный системный результат, отражающийся во всех основных сферах функционального взаимодействия, то дисфункция института образования становится очевидной через весьма длительный временной промежуток.

Как результат, кризис сферы образования применительно к характеристикам членов общества, проходивших обучение в кризисный период, проявляется тогда, когда, собственно, сделать с недостатками их обучения и воспитания что-либо уже сложно. Точно так же и результат реформирования проявляется не сразу и становится заметен тогда, когда члены общества, получившие знания и навыки в рамках системы образования, начинают проявлять себя в качестве специалистов и когда на совокупность проявлений их компетентности формируется социальный отклик. Все это в совокупности свидетельствует о необходимости гибкого регулирования системы образования [5], что проблематично вне обладания развитым научным знанием о динамике системы образования и факторах ее эффективности.

В условиях, когда необходимо повысить эффективность общественного института, концентрация внимания на его структуре и попытка оптимизировать ее являются закономерной реакцией. Однако проблема заключается в том, что образовательный процесс имеет не субъект-объектный, но субъект-субъектный характер и, следовательно, не может быть обусловлен исключительно характеристиками института образования и непосредственно педагогического состава, от профессионализма которого в значительной степени зависит конечный облик и характер образовательного процесса. Полноправными участниками образовательного процесса, наряду с педагогами, являются учащиеся, и потому целесообразно, анализируя специфику учебного процесса, учитывать в том числе индивидуальные и социально и культурно обусловленные характеристики учащихся: их жизненные цели, ценности, модели поведения, представления об обществе (включая и институт образования) и т.д. Уже одно это позволяет сделать вывод о том, что эффективность образования, как бы парадоксально это ни звучало на первый взгляд, не сводится к характеристикам образовательной системы. Необходимо последовательное, полновесное исследование как внутренних, так и внешних факторов эффективности образовательного процесса, поскольку, только осознавая весь спектр ключевых факторов эффективной образовательной деятельности, можно создать условия для ее реализации на практике.

Актуальность исследования обусловлена в том числе тем, что рассмотрение показателей эффективности образовательной системы на определенном временном промежутке без учета того, какие внешние факторы образовательной деятельности имели место в тот же период времени, может привести к некорректным выводам о самом институте образования и, как результат, послужить причиной для осуществления реформ там, где они в действительности не являлись необходимыми. В то же самое время недостаточное понимание внешних причин нарушения эффективности образовательного процесса может привести к значительному снижению продуктивности конечного комплекса мер, направляемых на развитие образовательной сферы. В данном случае углубленное понимание того, какова общая система факторов

эффективности образования, является залогом эффективной деятельности по поддержанию его стабильно высокого уровня, что в будущем может в значительной мере способствовать повышению стабильности общества, конкурентности отечественных специалистов, эффективности экономической сферы и т.д. Все это убедительно свидетельствует в пользу того, что последовательное, разностороннее изучение вопроса о факторах и условиях эффективного осуществления образовательного процесса представляет собой актуальную сферу исследования не только с точки зрения роста научного знания, но и с позиции реальных практических запросов общества.

Целью исследования является определение и детализация основного набора внешних и внутренних факторов эффективности института образования.

Материалы и методы

Сложный характер затрагиваемой темы определяет необходимость раскрытия широкого спектра промежуточных вопросов, связанных с тематикой эффективности образования и основным набором факторов, определяющих его. Как результат – актуализируется необходимость применения различных теоретических и методологических подходов. Образование представляет собой общественный институт, находящийся в тесной взаимосвязи с рядом других общественных институтов [6], что определяет значимость структурно-функционалистского подхода, на уровне которого становится возможным раскрытие внешних институциональных факторов образования. Определение основного спектра факторов образовательной деятельности реализуется в рамках применения метода анализа. Также в рамках исследования осуществляется применение таких классических методов научного познания, как сравнение, абстрагирование и дедукция. Объединение полученных теоретических наработок осуществляется в рамках применения системного подхода. Также в рамках исследования производится обращение к теоретическим и методологическим установкам социальной феноменологии, что способствует раскрытию вопроса о динамике мировоззрения учащихся как факторе образовательной деятельности. Осмысление значения ценностных ориентаций учащихся как фактора их вовлеченности в учебный процесс осуществляется в рамках применения аксиологического подхода.

Рассматривая основной спектр источников, на которые опирается настоящее исследование, следует выделить несколько групп работ. Прежде всего, большое значение в формировании работы имеет обращение к трудам основоположников структурного функционализма Р. Мертон [7] и Т. Парсонса [6], на уровне которых получает активное развитие проблематика взаимодействия основных общественных институтов и их функциональной обусловленности. Также существенное влияние на формирование работы оказало исследование А. Шютца, посвященное тематике формирования социального мировоззрения в рамках процесса коммуникации между членами общества [8]. Отдельного внимания заслуживают работы, посвященные проблеме специфики института образования и основных факторов его функционирования. В ходе исследования было осуществлено обращение к трудам таких авторов, как Н. А. Люрья [9], К. С. Губа, М. М. Соколов, А. О. Цивинская [10], Д. М. Воронин, О. С. Мишин, О. А. Завальцева [11], Ю. А. Лях [5],

Д. А. Шоев [1], М. Д. Петухов [3], В. В. Алексеенко [4], Г. М. Галиева [12], Л. П. Гвоздарева, Р. С. Ханджян [13]. В совокупности обращение к данным работам сделало возможным комплексное осмысление поставленной в рамках настоящего исследования проблемы.

Результаты

В рамках исследования в русле системного подхода был осуществлен анализ факторов функционирования института образования, в связи с чем были выделены внутренние факторы, обусловленные системными характеристиками непосредственно института образования, и внешние факторы, оказывающие прямое и опосредованное влияние на его функциональную эффективность. В качестве внутренних факторов были определены:

- общая структура учебной программы вузовского образования по конкретной специальности (что определяет содержание учебного курса, совокупность изучаемых предметов, порядок изучения и распределения учебной нагрузки);
- практикуемые в рамках конкретного учебного заведения формы учебной деятельности;
- уровень материально-технической базы учебного заведения [4];
- практика внедрения инноваций в сферу образования и повышения квалификации преподавательского состава;
- уровень профессионализма педагогов и их мотивации к дальнейшему профессиональному росту.

В число внешних факторов функционирования системы образования входят:

- уровень экономической поддержки образовательной системы (что включает в себя как спонсирование образовательных программ, так и актуальную ныне проблему востребованности отучившихся специалистов) [12];
- уровень материального благополучия учащихся как фактор наличия у них временных ресурсов или отвлечения на деятельность по добыче материальных средств;
- уровень семейного благополучия учащихся как фактор их социализации, дисциплинированности, наличия поддержки со стороны семьи (или, напротив, отвлечения ресурсов учащегося на помощь семье);
- социально-правовая обстановка как фактор реализации учащимися формальных принципов социального взаимодействия в образовательной среде;
- совокупность культурных факторов, определяющих ценностные ориентации учащихся, преобладающие в их среде модели и практики поведения, жизненные стратегии, цели и т.д.;
- уровень научного и технологического развития общества как фактор «устаревания» отдельных областей знания и изменения условий приобретения знаний, что влечет за собой трансформацию и деформацию ряда образовательных отношений.

Отправной точкой в исследовании факторов повышения эффективности системы образования является определение критериев, на основании которых можно было бы судить о большей или меньшей его эффективности [11]. И в данном случае ключевым моментом, задающим вариативность критериев оценки, является функциональное многообразие образования. Уже на

уровне классического деления основных функций образования на учебную и воспитательную можно судить о том, что основанные на них критерии оценки могут разительно отличаться друг от друга. Это в свою очередь может повлечь за собой ошибки в оценке образовательной деятельности, в зависимости от того, насколько актуальный критерий оценивания взят за основу [10]. По этой причине, в частности, некоторые исследователи обращают внимание на условность и относительность критериев оценки эффективности образования [9]. Между тем даже применительно к функции обучения могут быть задействованы различные подходы, в зависимости от того, какая конкретная цель лежит в основе образовательного процесса – формирование углубленного знания или же формирование широкого кругозора у учащихся. В качестве примера проблематичности построения единого, универсального способа оценки образовательной деятельности можно привести соотношение программ вузовского образования, требующих длительного обучения и нацеленных на соблюдение баланса между профессиональной направленностью и расширением кругозора учащихся (а также их воспитанием и социализацией), с одной стороны, и узконаправленных учебных курсов, ориентированных на быстрое обучение в конкретно взятой профессиональной области, – с другой. Помимо целевого или функционального аспекта следует также выделить такой показатель, как скорость обучения. Все это в совокупности задает весьма проблематичный характер оценки образовательного процесса, однако в настоящем исследовании не ставится задача сформировать универсальный теоретический подход, на основании которого можно осуществить однозначный выбор в пользу той или иной модели. Ключевым в данном случае является то, что перечисленные варианты сосуществуют в обществе как раз в силу того, что и на вузовское многоплановое образование и на углубленный и сжатый учебный курс существует социальный запрос. И потому важно акцентировать внимание прежде всего не на том, какая форма образовательной программы предпочтительна, а на том, по каким причинам в рамках одной и той же формы образовательной деятельности имеет место значительное расхождение в ее результативности. Именно этот момент вариативности успеваемости учащихся представляет значительный интерес в рамках проводимого исследования.

Для того чтобы определить причины, по которым образовательный процесс приводит к различным результатам, следует прежде всего проанализировать его структуру. Образовательная деятельность представляет собой процесс приобщения учащегося к новому знанию, что может осуществляться им как самостоятельно, так и с помощью специалиста, обладающего широкими знаниями в своей области. В рамках образования как института присутствует именно такая модель, что определяет интерсубъективный характер образовательной деятельности. В отличие от ряда других профессий, педагог воздействует на других людей, которые также являются познающими субъектами.

Это определяет коммуникативный, субъект-субъектный характер образования. Отсюда – зависимость конечного процесса как от характеристик педагога, так и от характеристик учащихся. При этом, анализируя факторы, влияющие на деятельность педагога, можно выделить следующие: личные качества педагога как фактор его predisposition к осуществлению

педагогического процесса; характер учебной программы и степень свободы педагога в вопросах ее адаптации к способностям, навыкам и потребностям учащихся; уровень социальных возможностей педагога и нагрузки, связанной с педагогической деятельностью и ее обеспечением; степень профессиональной мотивации педагога; техническая база образовательного учреждения и обусловленные ею возможности педагога по подаче учебного материала; доступ и стимулы педагога к прохождению курсов повышения квалификации.

В данном случае основной спектр условий связан непосредственно с внутренней определенностью образовательной системы и теми запросами, которые она реализует в отношении педагогического состава. Вместе с тем следует отдельно выделить значимость статусного и экономического аспекта социального положения педагогов. Социальный статус и материальное положение являются одним из важных аспектов востребованности профессии, что связано с социальными стимулами, влияющими на стратегию самореализации человека в обществе [7]. Чем выше социальный статус учителей и преподавателей, а также их доход, тем более престижной является данная профессия, что определяет повышение ее востребованности и, как следствие, рост конкуренции на рынке труда, а также повышение мотивации к росту профессионализма педагогического состава и улучшению показателей учебного процесса. Как результат, образовательные учреждения приобретают расширенные возможности по отбору специалистов, личностные качества которых в наибольшей мере отвечают функциональным запросам системы образования.

Что касается факторов вовлеченности учащихся в образовательный процесс, следует отметить следующие: осознание значения образования как социального лифта; уровень индивидуальных способностей к обучению; отношение к образовательной деятельности; личные возможности по осуществлению учебной деятельности (наличие личного пространства, цифровой техники, временных ресурсов); конкурентный фактор в образовательной среде; социальное восприятие педагогов; соотношение мотивации к обучению и иных мотивов, не связанных с учебной деятельностью; интенсивность отвлекающих факторов, не позволяющих уделить должное время обучению; доступ к источникам информации.

Уже на уровне представленных характеристик становится видно, насколько вовлеченность учащихся в образовательный процесс зависит от внешних факторов. Причем наиболее значимыми в данном случае являются факторы, связанные с состоянием институтов семьи, экономики, права и здравоохранения. В совокупности они определяют характер социального положения учащихся, их возможности, потребности и предполагаемые стратегии социальной самореализации.

Одним из ключевых аспектов эффективности образования является вклад, осуществляемый в образовательный процесс самими учащимися, и в данном случае имеет значение то, каково их отношение к образовательному процессу и системе образования в целом. На его формирование оказывают очень серьезное влияние действующие институты социализации, ключевым из которых является институт семьи, а также механизмы опосредованного приобретения информации, связанные с межличностной коммуникацией и обращением к медийным источникам. Как отмечает А. Шютц, процесс

формирования социальной картины мира осуществляется через коммуникацию с социальным окружением и восприятием информации из внешних источников [8]. И в данном случае отношение к образованию также формируется под влиянием восприятия точек зрения, представленных во внешнем социально-коммуникативном пространстве.

Обобщая полученный результат, отметим прежде всего то, что на образование как институт оказывают мощное влияние другие ключевые социальные институты, причем это влияние имеет двойственный характер – через субъектов образовательной деятельности (учащихся и педагогов) и через воздействие непосредственно на сам институт образования. Эффективность образования во многом связана с тем, насколько оно соответствует запросам общества [4], и в данном случае от того, каковы эти социальные запросы, насколько динамично они меняются, в значительной мере зависит ценность того итогового результата образовательной деятельности, который имеет место.

Заключение

Анализ факторов эффективности образовательного процесса позволяет сделать вывод о том, что институт образования не является в полной мере обособленной структурой и, по сути, обнаруживает на себе значительное влияние внешних факторов, что связано как с динамикой социальных запросов, поступающих в сторону образовательной системы, так и с воздействием, оказываемым обществом как на педагогов, так и на учащихся, что в совокупности определяет существенную долю их социальных характеристик, определяющих уровень вовлеченности в образовательную деятельность и ее качественную определенность.

Исследование внешних и внутренних факторов эффективности образования позволило сделать вывод о сложности и масштабности данной проблемы и необходимости ее дальнейшей научной разработки, позволяющей более детально рассмотреть основные структурные связи, определяющие характеристики образовательного процесса. В рамках анализа условий повышения эффективности института образования необходимо учитывать то, что внешние факторы образовательной деятельности оказывают колоссальное влияние на ее конечную продуктивность, что определяет значимость данного направления исследовательской деятельности.

Список литературы

1. Шоев Д. А. Важные факторы повышения качества образования // Проблемы науки. 2019. № 12-2 (145). С. 106–109.
2. Крюченкова В. В., Буренкова Л. В., Касаткина О. М. Роль образования в социализации детей // Здоровье – основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения. 2019. № 2. С. 848–850.
3. Петухов М. Д. Образование как фактор социального прогресса // Здоровье – основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения. 2020. № 2. С. 1131–1134.
4. Алексеенко В. В. Анализ факторов развития информатизации образования // Проблемы современного педагогического образования. 2018. № 59-3. С. 7–10.
5. Лях Ю. А. Факторы, влияющие на формирование качества образования // Ярославский педагогический вестник. 2018. № 2. С. 8–16.
6. Парсонс Т. Система современных обществ / пер. с англ. Л. А. Седова, А. Д. Ковалева ; под ред. М. С. Ковалевой. М. : Аспект Пресс, 1998. 270 с.

7. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М. : АСТ, 2006. 873 с.
8. Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / сост. А. Я. Алхасов ; пер. с англ. А. Я. Алхасова, Н. Я. Мазлумяновой ; науч. ред. перевода Г. С. Батыгин. М. : Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. 336 с.
9. Люрья Н. А. Семиотическая диагностика: методология измерения эффективности трансформаций в образовании // Высшее образование в России. 2020. № 11. С. 122–127.
10. Губа К. С., Соколов М. М., Цивинская А. О. Фиктивная эффективность: что на самом деле оценивал мониторинг эффективности образовательных организаций // Вопросы образования. 2020. № 1. С. 97–125.
11. Воронин Д. М., Мишина О. С., Завальцева О. А. Критерии эффективности современной образовательной организации как основа оценки и повышения качества образования // Перспективы науки и образования. 2018. № 5 (35). С. 18–25.
12. Галиева Г. М., Жилина Е. В. Высшее образование: факторы и ориентиры регионального развития // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. 2019. № 1 (27). С. 113–120.
13. Гвоздарева Л. П., Ханджян Р. С. Ценность высшего образования как фактор спроса // Вестник Астраханского государственного университета. Серия: Экономика. 2019. № 3. С. 71–79.

References

1. Shoev D.A. Important factors for improving the quality of education. *Problemy nauki = Issues of science*. 2019;(12-2):106–109. (In Russ.)
2. Kryuchenkova V.V., Burenkova L.V., Kasatkina O.M. The role of education in the socialization of children. *Zdorov'e – osnova chelovecheskogo potentsiala: problemy i puti ikh resheniya = Health is the basis of human potential: problems and ways to solve them*. 2019;(2):848–850. (In Russ.)
3. Petukhov M.D. Education as a factor of social progress. *Zdorov'e – osnova chelovecheskogo potentsiala: problemy i puti ikh resheniya = Health is the basis of human potential: problems and ways to solve them*. 2020;(2):1131–1134. (In Russ.)
4. Alekseenko V.V. Analyzing factors of development of education informatization. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya = Problems of modern teacher education*. 2018;(59-3):7–10. (In Russ.)
5. Lyakh Yu.A. Factors influencing the formation of the quality of education. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik = Yaroslavl pedagogical bulletin*. 2018;(2):8–16. (In Russ.)
6. Parsons T. *Sistema sovremennykh obshchestv = The system of modern societies*. Transl. from Eng. by L.A. Sedov, A.D. Kovalev. Moscow: Aspekt Press, 1998:270. (In Russ.)
7. Merton R. *Sotsial'naya teoriya i sotsial'naya struktura = Social theory and social structure*. Moscow: АСТ, 2006:873. (In Russ.)
8. Shyutts A. *Smyslovaya struktura povsednevnogo mira: ocherki po fenomenologicheskoy sotsiologii = The semantic structure of the everyday world: essays on phenomenological sociology*. Transl. from Eng. by A.Ya. Alkhasov, N.Ya. Mazlumyanova. Moscow: Institut Fonda «Obshchestvennoe mnenie», 2003:336. (In Russ.)
9. Lyur'ya N.A. Semiotic diagnostics: methodology for measuring the efficiency of transformation in education. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher education in Russia*. 2020;(11):122–127. (In Russ.)
10. Guba K.S., Sokolov M.M., Tsivinskaya A.O. Fictitious effectiveness: what was actually evaluated by monitoring the effectiveness of educational organizations. *Voprosy obrazovaniya = Issues of education*. 2020;(1):97–125. (In Russ.)
11. Voronin D.M., Mishina O.S., Zaval'tseva O.A. Criteria for the effectiveness of a modern educational organization as the basis for assessing and improving the quality of

- education. *Perspektivy nauki i obrazovaniya* = Prospects for science and education. 2018;(5):18–25. (In Russ.)
12. Galieva G.M., Zhilina E.V. Higher education: factors and guidelines for regional development. *Vestnik UGNTU. Nauka, obrazovanie, ekonomika. Seriya: Ekonomika* = Bulletin of Ufa State Petroleum Technological University. Sciences, education, economics. Series: Economics. 2019;(1):113–120. (In Russ.)
13. Gvozdareva L.P., Khandzhyan R.S. The value of higher education as a demand factor. *Vestnik Astrakhanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika* = Bulletin of Astrakhan State University. Series: Economics. 2019;(3):71–79. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Антон Александрович Филиппов

кандидат социологических наук,
первый заместитель начальника
финансово-экономического управления,
доцент кафедры менеджмента
и экономической безопасности,
Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

E-mail: ntnppov@mail.ru

Anton A. Fillipov

Candidate of sociological sciences, first
deputy head of the finance and economy
department, associate professor
of the sub-department of management and
economic security, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 25.10.2022

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 15.11.2022

Принята к публикации / Accepted 08.12.2022

УДК 316
doi:10.21685/2072-3016-2022-4-6

Ценностные компоненты патриотического потенциала студенческой молодежи

О. В. Сальникова

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия
sova_newm@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Сегодня перед Россией стоят колоссальные задачи по обеспечению дальнейшего поступательного социально-экономического и социокультурного развития в новых динамично меняющихся условиях. Патриотизм, выступая стратегическим ресурсом сохранения целостности страны и важным компонентом консолидации общества, выходит в ряд приоритетов и актуализирует проблему формирования и развития ценностных основ патриотического потенциала различных социальных групп, в особенности молодежи. Цель исследования – анализ ценностных составляющих патриотического потенциала современной студенческой молодежи. *Материалы и методы.* На основе анализа документов, нормативно-правовых актов, результатов количественных и качественных авторских исследований среди молодежи Пензенской области (2020 г.), вторичного анализа данных других исследований (Всероссийского центра изучения общественного мнения и региональных исследований) проведен социологический анализ состояния и развития патриотических ценностей современной студенческой молодежи. *Результаты.* На основе данных исследований выявлен средний уровень патриотизма в среде студенческой молодежи; определено, что в структуре патриотического потенциала сочетаются эмоционально-оценочные и деятельностные компоненты патриотизма; для большей части студенческой молодежи патриотизм – это любовь к стране, уважение традиций, работа на благо Родины. *Выводы.* Исследование показало, что необходима целенаправленная работа по развитию ценностных компонентов патриотического потенциала студенческой молодежи, что возможно реализовать посредством четко выстроенной системы мероприятий патриотической направленности в вузах, создания соответствующей вузовской среды и повышения качества педагогического сопровождения деятельности для развития патриотизма студенчества.

Ключевые слова: молодежь, студенческая молодежь, патриотизм, ценности, патриотический потенциал

Для цитирования: Сальникова О. В. Ценностные компоненты патриотического потенциала студенческой молодежи // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2022. № 4. С. 68–76. doi:10.21685/2072-3016-2022-4-6

Value components of students' patriotic potential

O.V. Sal'nikova

Penza State University, Penza, Russia
sova_newm@mail.ru

Abstract. *Background.* Nowadays, Russia faces colossal tasks to ensure further progressive socio-economic and socio-cultural development in the new dynamically changing condi-

© Сальникова О. В., 2022. Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License / This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

tions. Patriotism, acting as strategic resource for maintaining integrity of the country and important component of society consolidation, enters the priorities circle and actualizes the problem of formation and development of patriotic potential value foundations of various social groups, especially young people. The purpose of the study is to analyze the value components of patriotic potential of modern student youth. *Materials and methods.* Based on analysis of documents, laws and statutory instruments, results of quantitative and qualitative authors' research among youth of the Penza region (2020), secondary analysis of data from other studies (VTsIOM and regional studies), sociological analysis of state and development of patriotic values of modern student youth was carried out. *Results.* Based on studies' results, average level of patriotism among student youth was identified; structure of patriotic potential combines emotional-assessment and activity components of patriotism; for most of student youth, patriotism is love for the country, respect for traditions, work for good of the Motherland. *Conclusions.* The study showed that purposeful work is needed to develop value components of patriotic potential of student youth, which can be realized through clearly structured system of patriotic events in universities, creating appropriate university environment and improving quality of pedagogical support for development of students' patriotism.

Keywords: youth, student youth, patriotism, values, patriotic potential

For citation: Sal'nikova O.V. Value components of students' patriotic potential. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki* = *University proceedings. Volga region. Social sciences*. 2022;(4):68–76. (In Russ.). doi:10.21685/2072-3016-2022-4-6

Введение

Сегодня патриотизм выступает в качестве первоочередной задачи государственной и региональной политики в связи с потребностью в поиске воспроизводства духовных ценностей и поддержания общенациональной солидарности.

В период с 2001 по 2020 г. разрабатывались и реализовывались государственные программы по патриотическому воспитанию граждан РФ. Сегодня реализуется федеральный проект «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации» (2021–2024 гг.) в рамках национального проекта «Образование», основной целью которого является патриотическое воспитание личности на основе духовно-нравственных ценностей, национально-культурных и исторических традиций¹. В ноябре 2022 г. были приняты «Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»². В регионах принимаются нормативно-правовые акты, направленные на формирование патриотизма жителей российских регионов, совершенствуется институциональная структура. Так, например, в Пензенской области действует Закон «О патриотическом воспитании в Пензенской области», который содержит основные контуры системы патриотического воспитания; создано Государственное автономное учреждение Пензенской области «Многофункциональный молодежный центр», который наряду с другими направлениями реализует

¹ Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации : федер. проект // Сайт системы дистанционного образования. URL: http://www.lms.eduportal44.ru/NewKoiro/obrazov_det/SiteAssets/SitePages/Vospitatelnay%20rabota/ФП%20Патриотическое%20воспита-ние%20граждан_проект.pdf

² Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : указ Президента РФ № 809 от 09.11.2022 // Официальное опубликование. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019>

программы по патриотическому воспитанию молодежи. В сфере развития патриотизма современной молодежи, в том числе студенческой молодежи, также предпринимаются определенные шаги. Так, в принятый в 2012 г. Федеральный закон «Об образовании в РФ» только в 2020 г. были внесены изменения, касающиеся воспитания обучающихся, где в числе прочих условий выделено «создание условий для самоопределения и социализации обучающихся на основе социокультурных, духовно-нравственных ценностей... формирование у обучающихся чувства патриотизма»¹. Сегодня также разработана Примерная рабочая программа воспитания в образовательной организации высшего образования; все вузы разрабатывают свои документы в области патриотического воспитания студентов, внедряют систему патриотического воспитания.

Вместе с тем, несмотря на предпринимаемые усилия в области патриотического воспитания, сегодня также актуальными остаются проблемы, связанные с невысоким уровнем развития патриотизма молодежи, деформацией самой структуры патриотического ценностно-ориентационного комплекса, а также неспособностью действующей системы к развитию отдельных компонентов патриотического потенциала. Это определяет потребность в комплексном анализе состояния и направленности патриотических ценностей современной молодежи. Особую актуальность приобретает изучение ценностных компонентов патриотического потенциала наиболее активной ее части – студенческой молодежи. Кроме того, в современных политических и социально-экономических условиях в России и на мировой арене исследование формирования и развития патриотических ценностных ориентаций является чрезвычайно важным.

Материалы и методы

Для анализа патриотизма современной молодежи были использованы нормативно-правовые акты РФ, формирующие основу понимания традиционных ценностей, патриотизма и патриотического воспитания; материалы авторского социологического исследования «Гражданско-патриотический потенциал молодежи Пензенской области» (2020 г., $n = 660$, $n = 260$, студенческая молодежь, Пензенский государственный университет); данные других социологических исследований по сходной проблематике: Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), ряда региональных исследований среди молодежи Тюмени, республики Мордовия и студенческой молодежи Пензенской области.

Результаты

Традиционные ценности с позиции законодательства РФ определяются как нравственные ориентиры, которые формируют мировоззрение, передаются из поколения в поколение, укрепляют гражданское единство, составляют основу общероссийской идентичности и культурного пространства страны; в их числе и ценности патриотизма².

¹ Об образовании в РФ : федер. закон № 273-ФЗ от 29.12.2012 (ред. от 21.11.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 53 (часть I). Ст. 7598.

² Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : указ Президента РФ № 809 от 09.11.2022 // Официальное опубликование. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019>

Патриотизм рассматривается как одна из ценностных ориентаций, связанная с любовью к своей стране, народу, формирующая отношение к Родине [1, 2]. Он проявляется в чувствах, настроениях, образе жизни, нравственных идеалах, нормах поведения и поступках [3]. Патриотические ценности – положительно значимые представления о Родине, которые выражаются в эмоциональном отношении к Отчизне [4, с. 16]. Осознание и признание патриотизма как ценности проявляется в отношении к Родине и соответствующем поведении [5, с. 53]. Патриотическое поведение – поведение индивида, которое включает действия, способные приносить пользу своей Родине.

Патриотический потенциал включает ценности патриотизма; он связан с развитием субъективных свойств и качеств индивида, который ориентируется на патриотические ценности, выступает как ответственный представитель гражданского общества и государства [6, с. 42].

В рамках авторского подхода патриотический потенциал в социокультурном аспекте представляет собой совокупность знаний, оценочных суждений, социальных установок, ценностных ориентаций индивида, определяющих патриотическое сознание, отношение к Родине, регулирующих социальное поведение, которые могут вступить в качестве социального ресурса консолидации общества и решения задач поступательного развития общества. Он рассматривается как сложный поликомпонентный феномен, включающий когнитивный, идентификационно-оценочный и деятельностный компоненты. В модель патриотического потенциала входит патриотический ценностно-ориентационный комплекс: образ «патриота», патриотическое самосознание (гордость за страну), патриотическая деятельность (труд на благо своей родины) [2].

По исследованиям ВЦИОМ «Что значит быть патриотом?» 2018 г., для большинства опрошенных (59 %) патриотизм проявляется в любви к своей стране [7]. По данным на 2020 г., доля таких респондентов составила 85 % [8]. По данным ВЦИОМ 2022 г., большинство россиян декларируют, что являются патриотами (92 %), а безусловными патриотами себя считают 54 % россиян, что является максимальным значением с 2000 г. Исследователи отмечают, что осмысление патриотизма изменяется с годами. Так, если еще в начале 2010-х гг. доминировало понимание патриотизма как любви к своей стране (71 % в 2010 г.), то с конца 2010-х гг. растет доля тех, кто воспринимает патриотизм как деятельность, направленную во благо и для процветания страны. В 2022 г. и первая, и вторая позиция распространены (по 50 %) [9].

Рассмотрим основные компоненты патриотического ценностного комплекса молодежи и ее наиболее активной части – студенческой молодежи.

По данным региональных исследований среди молодежи Тюмени (2019 г., $n = 1364$, молодежь от 16 до 30 лет) было установлено, что около четверти опрошенных (24 %) относят себя к патриотам; около половины респондентов (48 %) указывают, что считают себя патриотами только отчасти [10, с. 125], что показывает отличия от общероссийской выборки. Среди молодежи (2020 г., республика Мордовия, $n = 400$, молодые люди от 18 до 35 лет) преобладают ассоциации патриотизма с любовью к своей стране, дому, городу (60,7 %); а доля молодых людей, готовых трудиться на благо Родины, составляла 34,0 %, что также ниже, чем по общероссийской выборке. Вместе с тем

исследования подтверждают наличие у молодежи ценностного и деятельностного понимания патриотизма [11, с. 325].

По данным опроса студенческой молодежи Пензенской области (2015 г., $n = 486$, студенческая молодежь), патриотами считали себя 73,1 % опрошенных, а под патриотизмом рассматривали любовь и служение Родине (79 %); стремление трудиться для процветания Родины (34,7 %) [12].

Результаты исследования среди студенческой молодежи Пензенской области (2020 г., Пензенский государственный университет) показали, что 56 % респондентов считают себя патриотами (в постановке ответов: да, нет, затрудняюсь ответить) [13, с. 49]. Большая часть студентов рассматривают патриотизм как любовь и служение своей Родине (64 %) [13, с. 51].

В 2020 г. было проведено авторское социологическое исследование среди студентов ($n = 260$, Пензенский государственный университет). Данные показали, что безусловными патриотами считают себя 21,92 % (рис. 1).

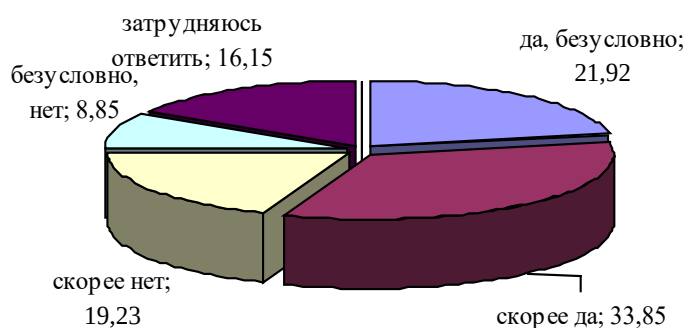

Рис. 1. Самоидентификация себя как патриота (ответы на вопрос «Считаете ли Вы себя патриотом?») ($n = 260$), процент от числа опрошенных

По результатам авторского исследования 2020 г., для студенческой молодежи быть патриотом – значит любить свою страну (50,6 %), знать и ценить культуру (35,77 %), гордиться своей страной, ее прошлым и настоящим (28,08 %) и работать во благо страны (28,08 %) – табл. 1.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Что значит “быть патриотом”?» ($n = 260$, многовариантные ответы)

Варианты ответов	Процент
Любовь к стране	56,54
Знание и ценность культуры народов России	35,77
Сохранение русского языка и культурных традиций	26,92
Гордость за настоящее и прошлое страны	28,08
Работа на благо страны	28,08
Стремление к изменению положения дел в стране	22,31

Материалы фокус-групповых дискуссий (2020 г.) среди студенческой молодежи Пензенской области подтвердили распространенность патриотических чувств и показали разные позиции по сущности патриотизма.

Студент, Д., муж., 21 год: «Да, я считаю себя патриотом... Для меня патриотизм – это в первую очередь конструктивная критика, которая впоследствии может привести к улучшению страны... Патриотизм – это и национальные традиции, и любовь к стране, государству как к органу глобальной системы».

Студент, Д., муж., 19 лет: «Я считаю себя патриотом, уважительно отношусь к стране... патриот, безусловно, может любить свою родину, при этом выезжать за границу, или не доверять власти ради более светлого будущего, или даже любить родину на расстоянии».

И в этой связи интересными являются данные о том, что 44,23 % студентов не согласны с тем, что «настоящий патриот России поддерживает действия лидера страны, даже если он с ними не согласен» (только 3,85 % полностью согласны и 5,77 % скорее согласны с этим). Кроме того, 15 % полностью согласны и еще 32,48 % респондентов скорее согласны с тем, что «настоящий патриот России считает, что критика действий власти всегда идет на пользу России».

По результатам авторского исследования 2020 г., в ряду признаков проявления истинного патриотизма студенты назвали уважение традиций (61,92 %), работу на благо страны (46,92 %), празднование исторических событий (32,69 %), критику недостатков своей страны (28,85 %) – рис. 2.

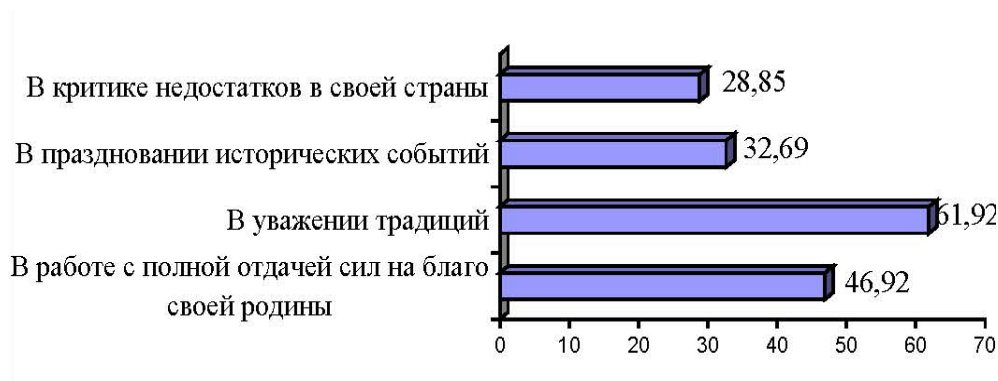

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «В чем, по Вашему мнению, проявляется истинный патриотизм?» ($n = 260$, многовариантные ответы), процент от числа опрошенных

По данным исследования, треть респондентов уверены в том, что настоящий патриот России должен своим трудом способствовать ее процветанию (рис. 3).

По материалам исследования, 52,31 % опрошенных полностью согласны с тем, что «настоящий патриот России интересуется ее культурой и традициями»; 48,46 % полностью согласны с утверждением, что «настоящий патриот России интересуется и знает историю своей страны».

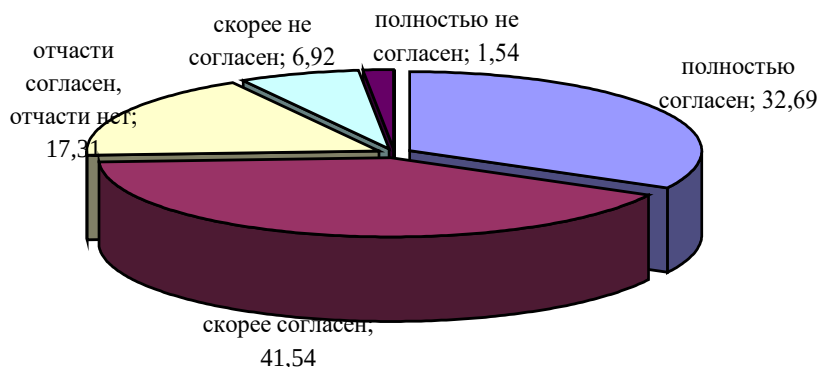

Рис. 3. Согласие с утверждением «Настоящий патриот России уверен, что каждый своим трудом должен способствовать ее процветанию» ($n = 260$), процент от числа опрошенных

Экспериментальное исследование патриотизма студенческой молодежи ($n = 300$, Пензенский государственный университет, 2022 г.), проводимое по диагностической методике, позволило выявить различные группы среди студенческой молодежи, которые отличаются по уровню сформированности патриотизма. По данным диагностики, по мере развития ценности патриотизма эмоции утрачивают свое главное значение, уступая место познавательным и практическим элементам. В группе студентов с высоким уровнем патриотизма поведенческий компонент патриотизма, оставаясь на последнем месте в его структуре, все же демонстрирует наибольший прирост [3].

Заключение

Представленные эмпирические результаты в определенной степени раскрывают содержание патриотизма и патриотических ценностей современной студенческой молодежи. Несмотря на высокие показатели самоидентификации россиян в качестве патриотов России, по данным ВЦИОМ, в молодежной среде и среди студенческой молодежи эти показатели ниже и составляют около 50 %; при этом доля безусловных патриотов составляет около 20 %. Для студенческой молодежи, как и в целом для россиян, быть патриотом – значит любить свою Родину, страну, знать ее культуру, традиции, гордиться своей страной. В числе признаков проявления истинного патриотизма для студентов выступают уважение традиций, работа на благо страны и празднование исторических событий. Полученные данные подтверждают выводы исследователей о сочетании когнитивных, эмоционально-оценочных, деятельностных компонентов в структуре патриотизма молодежи. Отмечается увеличение доли тех, для кого патриотизм означает труд на благо своей страны, как среди россиян в целом, так и среди молодежи в частности.

Список литературы

1. Иванов В. Н. Патриотизм // Социологическая энциклопедия : в 2 т. / Национальный общественно-научный фонд ; рук. науч. проекта Г. Ю. Семигин. М. : Мысль, 2003. Т. 1. С. 164–165.

2. Селиверстова Н. А., Курганская М. Я. Патриотизм // Социология молодежи : электрон. энцикл. / под ред. В. А. Лукова. URL: <http://soc-mol.ru/encyclopaedia/youth/374-patriotizm.html>
3. Воскресенко О. А., Константинов В. В., Пашин А. А., Тренгулов К. Р. Диагностика патриотизма студенческой молодежи в системе профессионального воспитания в высшей школе // Современные проблемы науки и образования. 2022. № 5. С. 47.
4. Палаткина Г. В., Шаронов А. А., Джангазиева А. С. Сущность и структура патриотических ценностей подростков // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2019. № 21 (64). С. 14–19.
5. Кузьмин А. В., Трифонов Ю. Н. О структуре патриотизма // Ученые записки Тамбовского отделения РСОМ. 2016. № 6. С. 52–71.
6. Рожкова Л. В., Дубина А. Ш. Гражданско-патриотический потенциал современной молодежи // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2020. № 6 (83). С. 40–51.
7. Что значит быть патриотом? // Всероссийский центр изучения общественного мнения. 2018. 9 июня. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/chto-znachit-byt-patriotom>
8. Россияне объяснили, как они понимают патриотизм // Всероссийский центр изучения общественного мнения. 2020. 20 февраля. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossiyane-obyasnili-kak-oni-ponimayut-patriotizm>
9. Патриотизм сегодня: любить, заботиться и защищать // Всероссийский центр изучения общественного мнения. 2022. 28 апреля. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/patriotizm-segodnja-lju-bit-zabotitsja-i-zashchishchat>
10. Маленков В. В. Патриотизм, гражданственность в политике и идентичности молодежи // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 67. С. 120–131.
11. Казакова М. Н., Напалкова И. Г. Ценностные ориентации и гражданская позиция молодежи республики Мордовия // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2022. Т. 22, № 3 (59). С. 318–331.
12. Ильясова А. В., Зингер О. А. Патриотизм – как элемент культуры студенческой молодежи // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1-1. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=18007>
13. Корж Н. В., Тугускина Г. Н., Супиков В. Н. Патриотические ценности как основа нравственного воспитания студенческой молодежи // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2021. № 4 (60). С. 47–57.

References

1. Ivanov V.N. Patriotism. *Sotsiologicheskaya entsiklopediya: v 2 t.* = Sociological encyclopedia: in 2 volumes. Moscow: Mysl', 2003;1:164–165. (In Russ.)
2. Seliverstova N.A., Kurganskaya M.Ya. Patriotism. *Sotsiologiya molodezhi: elektron. entsikl.* = Sociology of youth: electronic encyclopedia. (In Russ.). Available at: <http://soc-mol.ru/encyclopaedia/youth/374-patriotizm.html>
3. Voskresenko O.A., Konstantinov V.V., Pashin A.A., Trengulov K.R. Diagnostics of student youth patriotism in the system of professional education in higher education. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* = Modern issues of science and education. 2022;(5):47. (In Russ.)
4. Palatkina G.V., Sharonov A.A., Dzhangazieva A.S. The essence and structure of teenagers' patriotic values. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Ros-siyskoy akademii nauk. Sotsial'nye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki* = Proceedings of Samara scientific center of the Russian Academy of Sciences. Social sciences, humanities, medical and biological sciences. 2019;(21):14–19. (In Russ.)

5. Kuz'min A.V., Trifonov Yu.N. On the structure of patriotism. *Uchenye zapiski Tambovskogo otdeleniya RoSMU* = Proceedings. 2016;(6):52–71. (In Russ.)
6. Rozhkova L.V., Dubina A.Sh. Grazhdansko-patrioticheskiy potentsial sovremennoy molodezhi. *POISK: Politika. Obshchestvovedenie. Iskustvo. Sotsiologiya. Kul'tura* = POISK: Politics. Social science. Art. Sociology. Culture. 2020;(6):40–51. (In Russ.)
7. What does it mean to be a patriot? *Vserossiyskiy tsentr izucheniya obshchestvennogo mneniya* = Russian Public Opinion Research Center. 2018, 9 Jun. (In Russ.). Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/chto-znachit-byt-patriotom>
8. Rossiyanе ob"yasnili, kak oni ponimayut patriotism. *Vserossiyskiy tsentr izucheniya obshchestvennogo mneniya* = Russian Public Opinion Research Center. 2020, 20 Feb. (In Russ.). Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossiyanе-obyasnili-kak-oni-ponimayut-patriotizm>
9. Patriotizm segodnya: lyubit', zabotit'sya i zashchishchat'. *Vserossiyskiy tsentr izucheniya obshchestvennogo mneniya* = Russian Public Opinion Research Center. 2022, 28 Apr. (In Russ.). Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/patriotizm-segodnja-lju-bit-zabotitsja-i-zashchishchat>
10. Malenkov V.V. Patriotism, citizenship in politics and youth identity. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* = Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Politology. 2022;(67):120–131. (In Russ.)
11. Kazakova M.N., Napalkova I.G. Value orientations and civic position of the youth of the Republic of Mordovia. *Gumanitariy: aktual'nye problemy gumanitarnoy nauki i obrazovaniya* = Humanities: actual issues of humanities and education. 2022;22(3):318–331. (In Russ.)
12. Il'yasova A.V., Zinger O.A. Patriotism as an element of student youth culture. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* = Modern issues of science and education. 2015;(1-1). (In Russ.). Available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=18007>
13. Korzh N.V., Tuguskiya G.N., Supikov V.N. Patriotic values as the basis for the moral education of students. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki* = University proceedings. Volga region. Social sciences. 2021;(4):47–57. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Ольга Владимировна Сальникова

старший преподаватель кафедры
экономической теории и международных
отношений, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: sova_newm@mail.ru

Olga V. Sal'nikova

Senior lecturer of the sub-department
of economic theory and international
relations, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 20.10.2022

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 08.11.2022

Принята к публикации / Accepted 29.11.2022

УДК 343.8

doi:10.21685/2072-3016-2022-4-7

Дискуссионные вопросы социально-правовой защиты несовершеннолетних, оказывающих содействие оперативным подразделениям уголовно-исполнительной системы в борьбе с преступностью

О. М. Овчинников

Владимирский юридический институт Федеральной службы
исполнения наказаний, Владимир, Россия

omo33@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* В настоящее время, несмотря на снижение численности осужденных, отбывающих наказание в воспитательных колониях, состояние оперативной обстановки в данных учреждениях остается непростым, что обусловлено ухудшением криминологической характеристики спецконтингента, сохраняющейся привлекательностью ценностей и традиций криминальной субкультуры для несовершеннолетних осужденных. Изложенное определяет необходимость совершенствования работы оперативных подразделений воспитательных колоний по противодействию пенитенциарной преступности. Особое место в правоохранительной деятельности оперативных подразделений традиционно занимает возможность использования помощи граждан в решении возникающих оперативно-розыскных задач. Однако изучение действующего законодательства показало наличие проблемных вопросов, существующих в сфере социальной и правовой защиты лиц, оказывающих содействие оперативным подразделениям в борьбе с преступностью, что снижает эффективность правоохранительной деятельности учреждений, исполняющих уголовные наказания. Цель работы – выявить и конкретизировать меры совершенствования законодательства в сфере социальной и правовой защиты несовершеннолетних лиц, оказывающих содействие оперативным подразделениям уголовно-исполнительной системы. *Материалы и методы.* Подвергались анализу нормативные правовые акты и научные труды по исследуемой проблеме. Методологическую основу составил диалектический метод в сочетании с формально-юридическим и логическим методами познания. *Результаты.* Проведен анализ основных нормативных правовых актов, в той или иной степени затрагивающих общественные отношения в сфере социально-правовой защиты лиц, оказывающих содействие правоохранительным органам, выявлены проблемные вопросы в данной сфере, требующие последовательного и системного решения. *Выводы.* На основе проведенного анализа конкретизированы меры по совершенствованию рассматриваемых правоотношений, позволяющие повысить эффективность работы оперативных подразделений правоохранительных органов.

Ключевые слова: несовершеннолетние, содействие в борьбе с преступностью, социальная и правовая защита, обеспечение безопасности, оперативные подразделения

Для цитирования: Овчинников О. М. Дискуссионные вопросы социально-правовой защиты несовершеннолетних, оказывающих содействие оперативным подразделениям уголовно-исполнительной системы в борьбе с преступностью // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2022. № 4. С. 77–88. doi:10.21685/2072-3016-2022-4-7

Debating issues of social and legal protection of minors assisting the operational units of the penal system in the fight against crime

O.M. Ovchinnikov

Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russia

omo33@mail.ru

Abstract. *Background.* Currently, despite the decrease in the number of convicts serving sentences in educational colonies, the state of the operational situation in these institutions remains difficult, due to the deterioration of the criminological characteristics of the special agent, the continuing attractiveness of the values and traditions of the criminal subculture for juvenile convicts. The above determines the need to improve the work of operational units of educational colonies to counteract penitentiary crime. A special place in the law enforcement activities of operational units is traditionally occupied by the possibility of using the help of citizens in solving emerging operational and investigative tasks. However, the study of the current legislation has shown the existence of problematic issues existing in the field of social and legal protection of persons assisting operational units in the fight against crime, which reduces the effectiveness of law enforcement agencies executing criminal penalties. The purpose of the work is to identify and specify measures to improve legislation in the field of social and legal protection of minors who assist operational units of the penal enforcement system. *Materials and methods.* Normative legal acts and scientific works on the studied problem were analyzed. The methodological basis was formed by the dialectical method in combination with formal legal and logical methods of cognition. *Results.* The analysis of the main regulatory legal acts affecting public relations in the field of social and legal protection of persons assisting law enforcement agencies to varying degrees has been carried out, problematic issues in this area requiring consistent and systematic solutions have been identified. *Conclusions.* On the basis of the analysis carried out, the measures to improve the legal relations under consideration are specified, which make it possible to increase the efficiency of the operational units of law enforcement agencies.

Keywords: minors, assistance in the fight against crime, social and legal protection, security, operational units

For citation: Ovchinnikov O.M. Debating issues of social and legal protection of minors assisting the operational units of the penal system in the fight against crime. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki* = *University proceedings. Volga region. Social sciences*. 2022;(4):77–88. (In Russ.). 10.21685/2072-3016-2022-4-7

Не вызывает сомнений постулат о том, что использование помощи несовершеннолетних лиц органами, осуществляющими правоохранительную, а точнее оперативно-розыскную деятельность, является достаточно распространенным методом оперативной работы. Востребованность и оправданность установления отношений сотрудничества с лицами, не достигшими совершеннолетия, диктуется современной ситуацией, требующей адекватного и соразмерного ответа преступным элементам, демонстрирующим постоянное совершенствование способов совершения и сокрытия преступлений, использующим пробелы,

коллизии и слабые места действующего законодательства. Приходится констатировать наличие в определенных регионах России признаков деятельности запрещенной в Российской Федерации экстремистской организации «Арестантское уголовное единство», пропагандирующей воровские понятия криминальной среды, в том числе среди несовершеннолетних, которые активно вовлекаются в противоправную деятельность, с ранних лет приобщаясь к традициям и ценностям преступного мира¹.

Не стали исключением и воспитательные колонии ФСИН России, необходимость противодействия преступности в которых представляется как никогда актуальной. Несмотря на постепенное снижение числа несовершеннолетних осужденных к реальному лишению свободы, обстановка в воспитательных колониях остается непростой. Количество ежегодно регистрируемых преступлений в данных учреждениях слабо прогнозируется и не находится в зависимости от тенденции к сокращению спецконтингента [1]. Так, несмотря на снижение среднесписочной численности осужденных в воспитательных колониях с 1882 человек в 2014 г. до 883 в 2021 г., в 2014 г. было допущено 2 преступления, в 2015 – 5, в 2016 – 9, в 2017 – 3, в 2018 – 1, в 2019 – 5, в 2020 – 0, в 2021 – 3 [2]. Как видно из приведенной статистики, число преступлений может снижаться, потом резко возрастать. Отсутствие зарегистрированных преступлений в 2020 г. вряд ли можно считать началом периода устойчивой стабильности, так как принципиальных качественных изменений в организации деятельности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы в этот период не произошло. Также не стоит забывать и о так называемой латентной преступности, от которой не застрахованы учреждения уголовно-исполнительной системы. По числу лиц, поставленных на профилактический учет в воспитательных колониях, ситуация также оставляет желать лучшего: на конец 2018 г. 643 осужденных состояло на различных категориях профилактического учета при среднесписочной численности осужденных 1354 человека; на конец 2019 г. состояло 577 лиц при среднесписочной численности 1251 человек; на конец 2020 г. – 507 человек при среднесписочной численности 1017 осужденных². Как мы можем видеть, число лиц, ставящихся на профилактические учеты в воспитательных колониях, продолжает расти, что свидетельствует, с одной стороны, об эффективной профилактической работе работников этих учреждений, осуществляющих детальный контроль за поведением осужденных, с другой стороны, это индикатор устойчивости негативных процессов, происходящих в среде несовершеннолетних осужденных. Изложенное свидетельствует об актуальности и необходимости оперативно-розыскного противодействия преступности в воспитательных колониях, в том числе посредством использования помощи несовершеннолетних осужденных, отбывающих наказание.

Следует признать, что правовая регламентация содействия несовершеннолетних оперативным подразделениям в настоящее время нуждается

¹ Решение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 17.08.2020 по делу № АКПИ20-514с (принято на закрытом заседании) // Верховный Суд Российской Федерации. URL: <https://www.vsrfl.ru/lk/practice/cases/10730656> (дата обращения: 01.06.2022).

² Отчет о состоянии преступности среди лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Форма 2-УИС месячная: утв. приказом ФСИН России № 675 от 14 августа 2019 г. // Федеральная служба исполнения наказаний. URL: <https://fsin.gov.ru/statistics/>

в особом внимании, что находит отражение в немалом количестве научных работ, посвященных данной проблематике.

Вызывает особый интерес Постановление восьмого арбитражного апелляционного суда от 12 сентября 2012 г. по делу № А81-1820/2012, в котором на основе анализа ст. 17 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» (ФЗ Об ОРД) во взаимосвязи со ст. 5, 6, 13 указанного закона делается вывод о том, что несовершеннолетние граждане не могут привлекаться к оперативно-розыскным мероприятиям (ОРМ) ни по инициативе правоохранительного органа, ни с согласия родителей. К такому же выводу ранее пришел суд низшей инстанции (Постановление Арбитражного суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 27.06.2012 по делу № А81-1820/2012), решение которого и было обжаловано в апелляционном порядке в вышеуказанный восьмой арбитражный апелляционный суд. Заслуживает внимания и Постановление Верховного Суда Республики Коми от 17 января 2014 г. № 4А-5/2014, в котором также отвергается возможность использования участия несовершеннолетних в проведении ОРМ с отсылкой на ст. 17 ФЗ Об ОРД.

Своеобразное понимание данными судами норм ФЗ Об ОРД порождает определенное сомнение в наличии принципиальной возможности использовать помощь несовершеннолетних в решении задач оперативно-розыскной деятельности, которая достаточно очевидно и лаконично закрепляется оперативно-розыскным законодательством. С одной стороны, решения вышеуказанных судов не могут быть полноценным нормативно-правовым инструментом, регулирующим отношения в сфере ОРД. С другой стороны, эти решения являются отражением правовой позиции судов на отдельные нормы ФЗ Об ОРД, которую оперативные сотрудники должны принимать во внимание для обеспечения полной и законной доказательственной базы по уголовному делу.

Отрадно констатировать, что конкретику в этом направлении внес Конституционный Суд Российской Федерации (определения от 22.12.2015 № 2875-О, от 23.06.2016 № 1323-О)¹, признав, что «положения ФЗ Об ОРД ограничивают использование содействия несовершеннолетних лиц органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, исключая возможность заключения с ними контракта, но не запрещают использование их содействия для подготовки или проведения оперативно-розыскных мероприятий на бесконтрактной основе». Казалось бы, все четко и понятно. Однако дополнительный повод для рассуждений в вопросе содействия несовершеннолетних дало указанное выше Постановление Верховного Суда Республики Коми № 4А-5/2014.

В обосновании своей позиции суд кроме ст. 17 ФЗ Об ОРД ссылается на ст. 4 Федерального закона № 124-ФЗ от 24.07.1998 «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» (далее – ФЗ О гарантиях ребенка), закрепляющую обязанность государственных органов при осуществлении

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Полякова Кирилла Алексеевича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 17 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: определение Конституционного суда РФ № 2875-О от 22.12.2015 // Гарант. URL: <https://www.garant.ru/>; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Полякова Кирилла Алексеевича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 17 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: определение Конституционного суда РФ № 1323-О от 23.06.2016 // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-23062016-n-1323-o/>

ими своих полномочий обеспечивать защиту детей от факторов, негативно влияющих на их физическое, интеллектуальное, психическое, духовное и нравственное развитие, что, по мнению суда, делает невозможным участие несовершеннолетнего в проведении ОРМ, связанного с закупкой алкогольной продукции.

Такая позиция представляется достаточно интересной и в целом не лишённой логики и здравого смысла. Однако если попытаться взглянуть на этот вопрос более широко и абстрагироваться от ситуации, связанной с закупкой алкоголя несовершеннолетним лицом, то станет ясно, что в повседневной жизни достаточно много различных факторов, оказывающих деструктивное влияние на развитие подрастающей личности. По своей сущности оперативно-розыскная деятельность предполагает постоянный контакт должностного лица оперативного подразделения с представителями криминальной среды. Чтобы полностью располагать скрываемой преступниками информацией, оперативный сотрудник систематически привлекает к подготовке и проведению ОРМ других лиц на добровольной основе, которые также начинают (или продолжают) контактировать с преступниками. В условиях воспитательной колонии оперативному сотруднику оказывают содействие лица несовершеннолетнего возраста, которых он вынужден просить установить или проверить какую-либо информацию, имеющую значение для решения задач ОРД. Получается, что, выполняя просьбу оперативного сотрудника, несовершеннолетним осуждённым приходится устанавливать и поддерживать контакты с осуждёнными отрицательной направленности, которые, в свою очередь, неизбежно будут оказывать на подрастающих конфиденлов негативное влияние (оказывать влияние на их систему ценностей, насаждая криминальные традиции в сочетании с оправданием необходимости и обязательности противодействия сотрудникам администрации), что, по смыслу ФЗ О гарантиях ребенка, является недопустимым.

Таким образом, можно прийти к умозаключению, что использовать помощь несовершеннолетних в воспитательных колониях можно только в том случае, если лицо добровольно нам предоставило какую-то информацию либо участвовало в проведении ОРМ без контакта с отрицательно ориентированными осуждёнными. Просить несовершеннолетнего конфиденла узнать какие-либо сведения, если это связано с общением с осуждёнными, которые могут на него негативно повлиять, оперативный сотрудник не может. Казалось бы, несовершеннолетний осуждённый, отбывая наказание, находясь в одном отряде с другими осуждёнными, вынужден общаться с окружающими, в том числе и с отрицательно ориентированными лицами вне зависимости от просьбы оперативного сотрудника – таковы условия учреждения. Но здесь принципиальным становится то, что оперативный сотрудник как представитель государственного органа не должен ориентировать (заинтересовывать) несовершеннолетнего на поддержание или активизацию общения с лицами, которые могут на него негативно повлиять. По смыслу ФЗ О гарантиях ребенка, его нужно от этого ограждать. Таким образом, ОРД, будучи направленной на борьбу с преступностью, закономерно является стрессовым видом деятельности и может негативно влиять на лиц, не достигших совершеннолетия. Данное умозаключение не является принципиальной позицией автора, оно лишь является следствием абстрагированных размышлений, к которым

мы пришли в ходе смыслового анализа положений некоторых нормативных правовых актов.

Обращаясь к конституционным основам регулирования содействия несовершеннолетних, мы увидим, что в соответствии со ст. 37 Конституции Российской Федерации каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию. Кроме того, каждый имеет право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены, на вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации и не ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда, а также право на защиту от безработицы. Статья 60 Основного закона закрепляет, что гражданин может самостоятельно осуществлять в полном объеме свои права и обязанности с 18 лет. То есть, с одной стороны, Конституция гарантирует возможность каждому гражданину России, независимо от возраста, заниматься трудовой деятельностью и требовать ее справедливой оплаты, с учетом установленного минимального размера. С другой стороны, в Законе оговаривается, что самостоятельно пользоваться всеми правами человек может только при достижении совершеннолетия. Полагаем, что ст. 60 не предполагает отрицание положений ст. 37 применительно к несовершеннолетним, а развивает их социально-правовой смысл. Вместе с тем вызывает обоснованные сомнения положение ст. 37 Конституции, гарантирующее право каждого гражданина на труд, отвечающий требованиям безопасности относительно условий, в которых лицо, оказывающее содействие оперативному подразделению, выполняет свои негласные разведывательные функции. Можно ли констатировать, что несовершеннолетний конфидендент находится в состоянии защищенности, принимая участие в подготовке и проведении ОРМ, оказывая содействие в раскрытии преступлений? Конечно, ответить на этот вопрос положительно можно лишь с определенной долей условности, поскольку, как было указано выше, ОРД по своей сути, будучи направленной на борьбу с преступностью, предполагает неизбежный контакт с лицами, замышляющими, подготавливающими и совершающими преступления, т.е. изначально является деятельностью стрессовой и потенциально опасной, нередко сопряженной с малопредсказуемыми событиями и действиями преступников. Оперативный сотрудник, устанавливая отношения сотрудничества с лицом, может лишь минимизировать потенциальный риск для конфидендента, обучив его основным правилам конспирации и требуя их неукоснительного соблюдения. Однако полностью доверять другим сотрудникам и работникам учреждения, а также иных правоохранительных органов можно далеко не всегда. Изложенное позволяет заключить, что ОРД, как и большинство видов правоохранительной деятельности, изначально является потенциально опасной деятельностью и в полной мере соответствовать ст. 37 Конституции может лишь частично. Вместе с тем важно помнить о том, что лицо высказывает намерение оказывать помощь оперативному подразделению добровольно, в целом понимая трудности, с которыми ему придется столкнуться в процессе негласной работы.

Как мы уточнили ранее, приводя позицию Конституционного Суда Российской Федерации, ФЗ Об ОРД дает возможность оперативному подразделению устанавливать отношения сотрудничества с несовершеннолетними лицами, но только на бесконтрактной основе. Однако, как известно, основные

меры социальной и правовой защиты ФЗ Об ОРД гарантирует лицам, оказывающим содействие по контракту (в частности, возможность включения периода содействия в трудовой стаж, выплаты пособий при получении травмы, гибели, установление пенсий). Особенно интересной выглядит формулировка ч. 2 ст. 18, гарантирующей правовую защиту, связанную с правомерным выполнением содействующими лицами общественного долга или возложенных на них обязанностей, только при наличии заключенного контракта. Возникает закономерное предположение о том, что все действия лица, содействующего в бесконтрактном формате, участвующего в подготовке и проведении ОРМ, последствия его поступков, ответственность за них целиком и полностью ложатся на него, становясь его проблемой, в то время как оперативное подразделение, установившее с ним отношения сотрудничества и пользующееся помощью конфиденнта, находится в стороне и ничего не может и не обязано гарантировать в плане правовой поддержки своего партнера (рискующего жизнью, здоровьем и благополучием себя, а также своих близких и родных). Особый сарказм такому положению дел придает ч. 1 ст. 18, констатирующая, что «лица, содействующие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, находятся под защитой государства». Эти положения в силу своей спорности породили активную дискуссию в научных кругах [3–9].

Конституционные гарантии прав ребенка, выражающиеся в его социальной и правовой поддержке от имени государства, находящие развитие в ст. 4 ФЗ О гарантиях ребенка, определяющей в качестве одной из целей государственной политики «осуществление прав детей, предусмотренных Конституцией Российской Федерации, недопущение их дискриминации, упрочение основных гарантий прав и законных интересов детей, а также восстановление их прав в случаях нарушений», преломляясь через призму оперативно-розыскного законодательства, теряют свой гуманно-ориентированный смысл и становятся сугубо декларативными. Мы солидарны с мнением авторов, полагающих, что заключение контракта с лицом должно быть увязано с правосубъектностью индивида, вытекающей из логики уголовного закона [10–12]. По общему правилу уголовная ответственность лица наступает по достижении им 16 лет за исключением отдельных составов преступлений, предусматривающих ответственность с 14 лет. Общеизвестным и доказанным является тот факт, что к достижению 16 лет человек обладает устойчивым пониманием основных закономерностей человеческих взаимоотношений, общественной значимости и потенциальных последствий своих действий. Таким образом, несовершеннолетний шестнадцатилетний индивид, по сути, является полноценным субъектом оперативно-розыскных правоотношений, который может в необходимом объеме реализовывать права, исполнять обязанности и имеет право на установление с ним отношений сотрудничества на контрактной основе. Также мы согласны с мнением Н. С. Железняка, предлагающего предусмотреть в оперативно-розыскном законодательстве возможность заключения контракта с лицом, достигшим 14 лет, при необходимости борьбы с тяжкими и особо тяжкими преступлениями [11]. Одновременно с этим полагаем вполне логичным внести дополнение в ст. 18 ФЗ Об ОРД, связанное с усилением мер социальной защиты несовершеннолетних лиц, оказывающих содействие, выражающееся в увеличении

размеров единовременных пособий, выплачиваемых в случае травмы или гибели содействующего несовершеннолетнего лица путем умножения на повышающий коэффициент, в обоих случаях определяемый подзаконным нормативным правовым актом.

Следует отметить, что сами условия, указанные в ст. 18, при которых содействующее лицо (либо его родные), получает право на выплаты, также достаточно спорны и создают почву для размышлений: во-первых, лицо на момент получения травмы или гибели должно оказывать содействие; во-вторых, негативные последствия должны стать следствием только участия в проведении ОРМ; в-третьих, не ясна процедура определения размера денежного содержания содействующего лица и т.д. Некоторые из отмеченных проблемных моментов уже находили свое отражение в трудах ряда исследователей. Полагаем, что углубляться в эту безусловно важную проблемную сферу необходимо в рамках отдельных научных изысканий.

Также достаточно спорным представляется седьмой абзац ст. 18, устанавливающий возможность проведения в отношении конфиденнта и членов его семьи специальных мероприятий для обеспечения безопасности в соответствии с нормативными правовыми актами. Судя по всему здесь имеются в виду меры государственной защиты, предусмотренные Федеральным законом от 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» (далее – ФЗ О государственной защите). Непонятным остается момент, связанный с отсутствием в данном абзаце лиц, которые являются близкими лицу, оказывающему содействие. Получается, что на них специальная государственная защита не распространяется. Достаточно спорная формулировка законодателя, особенно если принимать во внимание тот факт, что в ФЗ О государственной защите категория «близкие лица» как объект государственной защиты присутствует.

Продолжая дискуссию о необходимости усиления социальной защиты несовершеннолетних конфиденнтов, оказывающих содействие оперативным подразделениям воспитательных колоний, будет целесообразным обратить внимание на некоторые положения уголовно-исполнительного кодекса России (УИК РФ). В соответствии со ст. 140 УИК РФ предельный возраст осужденного, содержащегося в воспитательной колонии, составляет 19 лет. По его достижению лицо должно быть переведено в колонию общего режима для дальнейшего отбывания наказания (отрицательно характеризующиеся осужденные переводятся в данную колонию с 18 лет). Как показывает практика, осужденные воспитательных колоний не испытывают желания переводиться в колонию общего режима, понимая, что, во-первых, они столкнутся с необходимостью взаимодействия со взрослыми мужчинами, которые могут оказывать на них физическое и психологическое воздействие для достижения своих корыстных целей, в том числе вовлекая в совершение различного рода правонарушений; во-вторых, условия содержания в колонии общего режима содержат больше ограничений по сравнению с воспитательной колонией. В ряде случаев осужденные, понимающие неизбежность скорого перевода в колонию общего режима, стараются совершить различные нарушения установленного порядка отбывания наказания и преступления, что, по их мнению, будет одобрительно воспринято взрослыми осужденными и позволит

сформировать к ним уважительное отношение со стороны отрицательно ориентированных лиц в колонии общего режима. В связи с изложенным полагаем логичным внести изменение в ст. 140 УИК РФ, предусматривающее возможность перевода осужденных, достигших возраста 19 лет, из воспитательной колонии в колонию-поселение по постановлению начальника воспитательной колонии. Как известно, колония-поселение представляет собой исправительное учреждение с наиболее мягкими условиями отбывания лишения свободы. Так, в отличие от колонии общего режима, осужденные там имеют возможность носить гражданскую одежду; без ограничений получать посылки, передачи и бандероли; могут иметь свидания без ограничения их количества; при наличии правопослушного поведения осужденный, имеющий семью, может проживать с ней за пределами колонии-поселения и т.д. Таким образом, подобное изменение в УИК РФ позволило бы обеспечить дополнительные меры социальной защиты конфидентов, одновременно создав основу для их дальнейшей успешной адаптации к новому исправительному учреждению и коллективу осужденных, минимизировав вероятность их криминального заражения. Следует уточнить, что переводу в колонию-поселение должны подлежать не только конфиденты, но и иные осужденные, доказавшие свое исправление. Безусловно, предложенная мера социальной поддержки конфидентов воспитательных колоний требует дальнейшего научного осмысления и корректировки в рамках отдельных исследований.

Вышеизложенное дает нам возможность выделить несколько тезисов:

- использование помощи несовершеннолетних лиц оперативными подразделениями органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, диктуется современной ситуацией, требующей адекватного и соразмерного ответа преступным проявлениям;

- содействие несовершеннолетних осужденных в условиях воспитательных колоний ФСИН России является одним из основных методов своевременного получения оперативно-значимой информации;

- участие несовершеннолетнего содействующего лица в подготовке и проведении ОРМ в условиях воспитательной колонии, как правило, выступает фактором, который может негативно влиять на его интеллектуальное, психическое, духовное и нравственное развитие, что входит в противоречие со ст. 4 ФЗ О гарантиях ребенка;

- ОРД, как и большинство видов правоохранительной деятельности, изначально является потенциально опасной деятельностью и соответствовать ст. 37 Конституции Российской Федерации, гарантирующей каждому лицу право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности, может лишь с определенной долей условности;

- конституционные гарантии прав ребенка, выражающиеся в его социальной и правовой поддержке от имени государства, находящие развитие в ст. 4 ФЗ О гарантиях ребенка, определяющей в качестве одной из целей государственной политики «осуществление прав детей, предусмотренных Конституцией Российской Федерации, недопущение их дискриминации, упрочение основных гарантий прав и законных интересов детей, а также восстановление их прав в случаях нарушений», преломляясь через призму оперативно-розыскного законодательства, теряют свой гуманно-ориентированный смысл и становятся в большей степени декларативными;

– контракты с лицами, изъявившими желание оказывать содействие оперативному подразделению, допускается заключать по достижении ими 16 лет, а при необходимости борьбы с тяжкими и особо тяжкими преступлениями – с 14 лет;

– для усиления мер социальной защиты несовершеннолетних лиц, оказывающих содействие, размеры единовременных пособий, выплачиваемых в случае их травмирования или гибели, должны быть увеличены путем умножения на повышающий коэффициент, в обоих случаях определяемый подзаконными нормативными правовыми актами;

– следует привести в соответствие Федеральному закону «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» седьмой абзац ст. 18 ФЗ Об ОРД, включив в него категорию «близкие лица», которые помимо членов семьи конфиденнта также должны стать при необходимости объектом государственной защиты;

– внести изменение в ст. 140 УИК РФ, предусматривающее возможность перевода осужденных, достигших возраста 19 лет, из воспитательной колонии в колонию-поселение по постановлению начальника воспитательной колонии.

Список литературы

1. Москвитина М. М., Кряжева С. Г. Анализ актуального состояния повторной преступности среди осужденных, ранее отбывавших наказание в несовершеннолетнем возрасте // Вопросы ювенальной юстиции. 2022. № 1. С. 24–29.
2. Характеристика лиц, содержащихся в воспитательных колониях для несовершеннолетних // Федеральная служба исполнения наказаний. URL: <https://fsin.gov.ru/statistics/> (дата обращения: 02.06.2022).
3. Абрамов И. А. Проблемные вопросы конфиденциального содействия граждан оперативным подразделениям учреждений уголовно-исполнительной системы // Вестник Владимирского юридического института. 2018. № 3 (48). С. 7–13.
4. Железняк Н. С. Некоторые пути решения проблем в области содействия граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, в Российской Федерации // Организация и деятельность органов внутренних дел на современном этапе: проблемы и пути решения : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Костанай, 23 октября 2020 г.). Костанай : Костанайская академия МВД Республики Казахстан им. Ш. Кабылбаева, 2020. С. 234–240.
5. Кукарцев В. Н. Анализ законодательства о правовой защите лиц, оказывающих содействие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2022. № 22-1. С. 20–22.
6. Луговик В. Ф. Содействие лиц в оперативно-розыскной деятельности: о конфиденциальности, предании гласности, согласии и компрометирующих материалах // Оперативник (сыщик). 2016. № 3 (48). С. 22–26.
7. Луговик С. В., Павличенко Н. В. Природа правоотношений между конфиденнтами и органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность // Оперативник (сыщик). 2011. № 1 (26). С. 12–17.
8. Люев Т. Х. Некоторые особенности правовых гарантий защиты лиц, оказывающих содействие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность // Проблемы в российском законодательстве. 2021. Т. 14, № 5. С. 181–184.
9. Яковец Е. Н. О совершенствовании правового статуса и правовой защиты лиц, оказывающих содействие оперативно-розыскным органам // Эпомен. 2020. № 46. С. 364–385.

10. Вормсбехер И. А. Возрастной критерий привлечения к участию в оперативно-розыскных мероприятиях // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2021. № 2 (52). С. 76–82.
11. Железняк Н. С. Вопросы актуализации Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». Красноярск : Сибирский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2019. 332 с.
12. Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел. Общая часть / В. А. Гусев, В. Ф. Луговик, А. Е. Чечетин [и др.] ; Омская академия МВД России. Омск : Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2020. 206 с.

References

1. Moskvitina M.M., Kryazheva S.G. Analyzing the current state of repeated crime among convicts who previously served sentences as minors. *Voprosy yuvenal'noy yustitsii* = Issues of juvenile justice. 2022;(1):24–29. (In Russ.)
2. Characteristics of persons held in educational colonies for minors. *Federal'naya sluzhba ispolneniya nakazaniy* = Federal Penitentiary Service. (In Russ.). Available at: <https://fsin.gov.ru/statistics/> (accessed 02.06.2022).
3. Abramov I.A. Problematic issues of confidential assistance of citizens to operational units of institutions of the penal system. *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta* = Bulletin of Vladimir law Institute. 2018;(3):7–13. (In Russ.)
4. Zheleznyak N.S. Some ways of solving problems in the field of assistance of citizens to bodies carrying out crime detection activities in the Russian Federation. *Organizatsiya i deyatel'nost' organov vnutrennikh del na sovremennom etape: problemy i puti resheniya: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Kostanay, 23 oktyabrya 2020 g.)* = Organization and activities of internal affairs bodies at the present stage: problems and solutions: proceedings of the International scientific and practical conference (Kostanay, October 23, 2020). Kostanay: Kostanayskaya akademiya MVD Respubliki Kazakhstan im. Sh. Kabyldaeva, 2020:234–240. (In Russ.)
5. Kukartsev V.N. Analysis of the legislation on the legal protection of persons providing assistance to bodies carrying out crime detection activities. *Aktual'nye problemy bor'by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami* = Actual problems of combating crimes and other offenses. 2022;(22-1):20–22. (In Russ.)
6. Lugovik V.F. Assistance of persons in crime detection activities: on confidentiality, publicity, consent and compromising materials. *Operativnik (syshchik)* = Officer of the criminal investigation department. 2016;(3):22–26. (In Russ.)
7. Lugovik S.V., Pavlichenko N.V. The nature of legal relations between confidants and bodies carrying out crime detection activities. *Operativnik (syshchik)* = Officer of the criminal investigation department. 2011;(1):12–17. (In Russ.)
8. Lyuev T.Kh. Some special features of legal guarantees of protection of persons assisting bodies carrying out crime detection activities. *Probely v rossiyskom zakonodatel'stve* = Gaps in Russian legislation. 2021;14(5):181–184. (In Russ.)
9. Yakovets E.N. On improving the legal status and legal protection of persons providing assistance to crime detection devision. *Epomen*. 2020;(46):364–385. (In Russ.)
10. Vormsbekher I.A. Age criterion for involvement in crime detection activities. *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii* = Bulletin of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021;(2):76–82. (In Russ.)
11. Zheleznyak N.S. *Voprosy aktualizatsii Federal'nogo zakona «Ob operativno-rozysknoy deyatel'nosti»* = Issues of updating the Federal Law “On crime detection activities”. Krasnoyarsk: Sibirskiy yuridicheskii institut Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii, 2019:332. (In Russ.)
12. Gusev V.A., Lugovik V.F., Chechetin A.E. et al. *Operativno-rozysknaya deyatel'nost' organov vnutrennikh del. Obshchaya chast'* = Crime detection activities of internal

affairs bodies. General part. Omskaya akademiya MVD Rossii. Omsk: Omskaya akademiya Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii, 2020:206. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Олег Михайлович Овчинников

доктор педагогических наук, доцент,
профессор кафедры оперативно-
розыскной деятельности, Владимирский
юридический институт Федеральной
службы исполнения наказаний
(Россия, г. Владимир,
ул. Большая Нижегородская, 67Е)

E-mail: omo33@mail.ru

Oleg M. Ovchinnikov

Doctor of pedagogical sciences, associate
professor, professor of the sub-department
of crime detection activities, Vladimir Law
Institute of the Federal Penitentiary Service
(67E Bolshaya Nizhegorodskaya street,
Vladimir, Russia)

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 21.07.2022

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 10.11.2022

Принята к публикации / Accepted 30.11.2022

УДК 342.1

doi:10.21685/2072-3016-2022-4-8

Федерализация постсамодержавной России на ее западных рубежах и в центральной европейской части (историко-государствоведческий анализ)

А. Д. Гуляков¹, А. Ю. Саломатин²^{1,2}Пензенский государственный университет, Пенза, Россия¹rector@pnzgu.ru, ²valeriya_zinovev@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Федеративная организация государства имеет свои плюсы и минусы, которые во многом позволяют проанализировать историю становления федераций. Среди последних большой интерес представляет опыт образования СССР, чей 100-летний юбилей отмечался в декабре 2022 г. Цель исследования – рассмотреть предысторию федерализации, стартовавшей после Октябрьской революции 1917 г. и протекавшей в обстановке Гражданской войны и иностранной военной интервенции. *Материалы и методы.* Представлен аналитический обзор происходивших событий на западных рубежах и в центральной европейской части бывшей Российской империи. В работе рассматриваются материалы не только в историко-фактографической плоскости, но и через призму многочисленных факторов – внешнеполитических и внутриполитических, социально-экономических, этно-культурных и др. Авторы исходят из предположения о традиционной излишней сосредоточенности российских элит на западном геополитическом направлении. *Результаты.* Констатируется, что после Октябрьской революции 1917 г. бывшая Российская империя избавилась от своих наиболее проблемных или этнически чуждых звеньев – Польши, Прибалтики. В то же время новой власти пришлось вступить в острую борьбу за Украину – этнически близкую территорию со сложным национальным составом и тонкой, но агрессивной националистической прослойкой. Длительность борьбы за Украину побудила большевиков к излишним уступкам националистическим силам, что стало стратегической ошибкой. Этого не было допущено в Белоруссии по причине ее большей компактности, близости к Санкт-Петербургу, слабости местного национализма. *Выводы.* Авторы приходят к выводу, что оставшиеся в ассоциации с Советской Россией западные земли – Украина и Белоруссия – тесно примыкали (экономически, социально и культурно) к исконно русским землям, из которых сформировалась Московская Русь в XIV–XVI вв. Ядро же РСФСР, а впоследствии СССР составили районы с безусловным русским доминированием. Освещенная в исследовании первая фаза протофедерализации (1917–1920) стала необходимой стартовой площадкой для последующей фазы (1921–1922), в ходе которой стихийно сложившиеся союзнические отношения подвергались упорядочению, а впоследствии – конституционному закреплению.

Ключевые слова: распад самодержавной России, отделение польских земель, Финляндии и Прибалтики, украинский национализм и сепаратизм, установление Советской власти на Украине, установление Советской власти в Белоруссии, структурное оформление будущего СССР на западных рубежах и в центральной части европейской России

Для цитирования: Гуляков А. Д., Саломатин А. Ю. Федерализация постсамодержавной России на ее западных рубежах и в центральной европейской части (историко-государствоведческий анализ) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2022. № 4. С. 89–100. doi:10.21685/2072-3016-2022-4-8

Federalization of post-autocratic Russia on its western borders and in the central European part (historical and state analysis)

A.D. Gulyakov¹, A.Yu. Salomatin²

^{1,2}Penza State University, Penza, Russia

¹rector@pnzgu.ru, ²valeriya_zinovev@mail.ru

Abstract. *Background.* The federal organization of the state has its pros and cons, which largely allow us to analyze the history of the formation of federations. Among the latter, the experience of the formation of the USSR, whose 100th anniversary is celebrated in December 2022, is of great interest. *Materials and methods.* An analytical review of the events that took place on the western borders and in the central European part of the former Russian Empire is presented. The article examines the materials not only in the historical and factual plane, but also through the prism of numerous factors – foreign and domestic, socio-economic, ethno-cultural and others. The authors proceed from the assumption of the traditional excessive concentration of the Russian elites in the western direction. *Results.* The article states the lack of desire and incentives for a deep territorial and organizational reform of autocratic Russia. At the same time, the obvious weakness and instability of the Provisional Government prevented it from moving forward along the path of optimizing domestic relations. As a result, after the October Revolution of 1917, the former Russian Empire got rid of its most problematic or ethnically alien units – Poland, the Baltic states. At the same time, the new government had to enter into a sharp struggle for Ukraine, an ethnically close territory with a complex national composition and a thin aggressive nationalist stratum. The temporary German occupation and the regime of Hetman Skoropadsky complicated the alignment of political forces, and the inglorious retreat of the German troops saturated Ukraine with weapons and additionally dragged out the Civil War, as well as the successes of the White movement. The offensive of the White Poles and the right-wing nationalist S. Petlyura became the final chord of the confrontation in 1920. The duration of the struggle for Ukraine prompted the Bolsheviks to make unnecessary concessions to the nationalist forces, which became a strategic mistake. This was not allowed in Belarus because of its great compactness and unambiguous internal political situation, the weakness of local nationalism. *Conclusions.* The authors come to the conclusion that the western lands remaining in association with Soviet Russia – Ukraine and Belarus, closely adjoined (economically, socially and culturally) to the original Russian lands, from which Muscovite Rus was formed in the 14th–16th centuries. The core of the RSFSR, and later the USSR, was made up of areas with unconditional Russian dominance. The first phase of proto-federalization (1917–1920), highlighted in the article, became a necessary launching pad for the subsequent phase (1921–1922), during which the spontaneously formed allied relations were subjected to streamlining, and subsequently to constitutional consolidation.

Keywords: collapse of autocratic Russia, separation of the Polish lands, Finland and the Baltic states, Ukrainian nationalism and separatism, the establishment of Soviet power in Ukraine, the establishment of Soviet power in Belarus, structural design of the future USSR on the western borders and in the central part of European Russia

For citation: Gulyakov A.D., Salomatin A.Yu. Federalization of post-autocratic Russia on its western borders and in the central European part (historical and state analysis). *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki* = *University proceedings. Volga region. Social sciences*. 2022;(4):89–100. (In Russ.). 10.21685/2072-3016-2022-4-8

Изучение степени жизнеспособности государства и путей ее достижения – важная исследовательская проблема. Особенно она значима для так называемых «разрыхленных», неунитарных государств, весь смысл существования которых – повышение качества управляемости. В науке продолжается спор об эффективности федераций, которые имеют свои плюсы и минусы. Свою лепту в этот спор может внести историко-государствоведческий анализ рождения федеративных образований. Среди последних большой интерес представляет опыт образования СССР, который следует рассматривать не только в чисто исторической плоскости, но и на основе геополитического структурирования и через призму многочисленных факторов – внешнеполитических и внутривнутриполитических, социально-экономических, этно-культурных, социально-психологических, религиозных и идеологических.

Подчеркнем, что для властей Российской империи в политико-психологическом отношении долгое время приоритетным считалось западное направление. Объективно с точки зрения обороноспособности оно и было наиболее критическим, а в экономическом и внешнеполитическом плане воспринималось как наиболее желанное. При этом оно же оказалось и самым сложным при переходе от унитарного к федеративному государству, поскольку у жителей данных регионов были наиболее зрелые националистические амбиции.

В годы самодержавия у властей не было ни стимулов, ни желания для реформирования государственного устройства, тем более с учетом континентальных размеров страны и сложности ее структуры. Февральская революция 1917 г. и крах самодержавия показали всем жителям империи слабость и неопытность власти, борьбу внутри нее различных политических сил, отсутствие стратегического видения и способности к маневрированию.

Пресловутое Временное правительство было ущербным и временным во всех смыслах слова. Доминировавшие в нем кадеты «выступали за государственное единство России при наличии культурной автономии национальных меньшинств» при отказе от целенаправленного государственного насилия [1] при моментальном сломе старой государственной машины и трудности создания новой, при причудливой социальной психологии русского крестьянства, совмещающего смутные желания к республиканизму и авторитаризму [2, с. 6], ни одна из традиционных буржуазных и мелкобуржуазных партий ни в отдельности, ни в совокупности не смогла гарантировать стабильности.

Национальные окраины бывшей империи это хорошо чувствовали, и ее «расползание» в течение 1917 г. прогрессировало. Практически предрешен был уход польских губерний, которые были оккупированы германо-австрийскими войсками и где было создано марионеточное Королевство польское (1916–1918). И Временное правительство, и Петроградский совет, и впоследствии большевики были готовы предоставить независимость российским поданным польского происхождения. Военное поражение Германии и Австро-Венгрии осенью 1918 г. только развязало руки полякам, которые, пользуясь поддержкой западных держав, сформировали в ноябре 1918 г. собственное правительство [3, с. 9–15].

Финляндия в достижении независимости действовала более дипломатично. Она не испытала тягот Первой мировой войны, и здесь были менее заметны антироссийские настроения. И все же в связи с углублением кризиса

власти летом 1917 г. в России в этнически и культурно чуждых ей финских землях начали проявляться сепаратистские ожидания. 18 июля 1917 г. сейм ограничил полномочия Временного правительства, и это побудило Петроград распустить финский орган власти. Октябрьская революция 1917 г. только усилила опасения финской элиты по поводу экспорта радикальных идей: 6 декабря 1917 г. была провозглашена независимость, а в новогоднюю ночь наступающего 1918 г. она была признана Советской Россией [4, с. 131, 134].

В Прибалтике формированию трех независимых республик содействовал прежде всего внешний военный фактор. В Эстонии и Латвии буржуазно-националистическое движение выросло «в результате протеста против преобладания немецких купцов, промышленников и землевладельцев – движение гораздо более слабое и не так точно установившееся, как соответствующее движение в Финляндии...» [5, с. 250]. На рубеже 1918–1919 гг. здесь даже ненадолго утвердилась советская власть, но она пала через один (Эстония) – пять (Латвия) месяцев в результате действия британских военно-морских сил. В Литве как полностью аграрной стране, где отсутствовал пролетариат и было мало интеллигенции, «требование независимости, будь то при буржуазной или советской помощи, опиралось на непрочную основу, поскольку главная ее моральная и материальная поддержка поступала от многочисленного литовского населения Соединенных Штатов Америки» [5, с. 252]. Исторически Литва находилась в зоне влияния Польши, и Советской России это затруднило «советизацию» литовской территории. Кроме того, отделению всей Прибалтики могло способствовать и отсутствие критически важных для нее хозяйственных связей с комплексом российских земель.

Однако наиболее сложным случаем для распадающейся самодержавной монархии оказалась Украина. Она долгое время выполняла роль буферного пространства между Россией и Польшей и являлась объектом разнородной по составу миграции. Не вполне определившейся была самоидентификация жителей южнорусских степей: термины «украинец», «украинство» начинают употребляться примерно только с начала XX в. [6, с. 851, 852]. Национальная украинская идея находила спрос преимущественно в узком круге местной интеллигенции, но никак не в крестьянской массе. Один из националистов с досадой писал в 1909 г.: «Города наши так омосковлены, что очень, очень малый процент населения вообще проявляет какой-либо интерес к украинству... Обычный городской обыватель, который кое-как умеет говорить крестьянской украинской мовой, не выпишет нашей газеты, потому что он лучше понимает газету российскую, да она и даст ему больше новостей, и эти новости будут свежее» [7, с. 90–91]. Украинские националисты, несмотря на их относительную малочисленность, быстро самоорганизовывались в Центральную Раду: организаторами самозванного и явно нелегитимного органа выступили умеренные либералы из Товарищества украинских прогрессистов во главе с помещиком-меценатом Е. Х. Чикаленко, литератором С. Е. Ефремовым, выходцем из древнего казацко-старшинского рода Д. Дорошенко совместно с социал-демократами под руководством крестьянского сына и подпольщика В. Винниченко.

В ходе проведенного 19–21 апреля 1917 г. Всеукраинского национального съезда, на который прибыло около 800 делегатов, был выдвинут лозунг

получения национальной автономии, правда, с оговоркой правомочности решения этого вопроса только Всероссийским учредительным собранием [8]. Однако в дальнейшем националистические аппетиты украинских реформаторов только возрастали. В мае 1917 г. во время визита в Киев министра юстиции А. Ф. Керенского члены Центральной Рады М. С. Грушевский и А. Я. Шульгин еще уверяли в отсутствии планов получения независимости, но уже 10 июня 1917 г. был издан Первый Универсал, в котором была выдвинута идея «созыва Всенародного украинского собрания, решения которого, как ясно давалось понять, будут иметь приоритет перед решениями Учредительного собрания России» [9, с. 56].

В дальнейшем украинские самостийники после приезда в Киев 28 июня трех представителей Временного Правительства – А. Ф. Керенского, М. И. Терещенко, И. Г. Церетели – «отыграли назад», что и зафиксировал Второй Универсал Центральной Рады 3 июля 1917 г. В нем ее Генеральный секретариат объявлялся органом Временного Правительства, а генеральные секретари должны были утверждаться центральной российской властью.

Однако в отношении Киева и Петрограда далее вмешивались различные конъюнктурные факторы. Например, восстание украинских националистических частей в Киеве 5–7 июля 1917 г., инспирированное непримиримым врагом «москалей» Н. Михновским и направленное против «соглашателей» с Россией М. С. Грушевского и В. Винниченко, было подавлено с помощью Временного правительства и породило в нем ложную уверенность в своих силах. Как результат, оно 4 августа поспешило издать Временную инструкцию Генеральному секретариату, в которой теперь территория Украины «односторонне определялась в составе всего 5 губерний – Киевской, Волынской, Подольской, Полтавской и Черниговской... Из ведения украинских властей полностью изымались вопросы, связанные с военным ведомством, путями сообщения, почтой и телеграфом. <...> все назначения в местных органах власти должны были согласовываться с центром» [9, с. 59].

Предсказуемо действия Петрограда 9 августа были оценены потенциальными украинским сепаратистами как «буржуазный империализм» в отношении Украины, и по мере ослабления позиций Временного правительства в августе – октябре 1917 г. Киев все меньше с ним считался. Именно об этом свидетельствовало открытие в главном украинском городе 21 сентября фрондирующего собрания представителей национальных окраин – Съезда народов и областей России. «Присутствовало около сотни делегатов, представлявших 13 национальностей и 12 казачьих земель...» [10, с. 328]. На нем председатель Центральной Рады М. С. Грушевский выступал со своим видением необходимой с его точки зрения федерализации бывшей Российской империи: «Мы не будем говорить, что мы очень любим Российскую республику, потому что до сей поры мы от нее ничего хорошего для себя не видели... Наши симпатии может приобрести тот “дворец народов”, который мы хотим сделать из России» [9, с. 60].

Октябрьская революция окончательно обнажила сепаратистскую сущность мелкобуржуазной Центральной Рады. Фактически она выступила против правительства большевиков, обладая очень узкой социальной базой. «В ноябре 1917 г. власти Рады подчинялись только сельскохозяйственные районы Киевщины по обеим сторонам Днепра. На фронте властью обладали солдатские Советы, в Харькове и больших индустриальных городах Новороссии

позиции большевиков постоянно усиливались» [10, с. 329]. Более того, понимая свою невысокую популярность, деятели Рады при подготовке Всеукраинского съезда Советов в декабре 1917 г. занялись откровенными манипуляциями: «...в Киев были призваны сотни крестьян, главным образом из близлежащих сел. Они силой захватывали помещение мандатной комиссии, бланки, печати и самочинно “оформили” свое делегирование на форум» [11, с. 292].

Агрессивному украинскому национализму, который пытался к тому же сплотить другие антибольшевистские националистические силы, большевики противопоставили I Всеукраинский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов в Харькове 11–12 декабря 1917 г., который провозгласил Украину Республикой Советов и объявил власть Центральной Рады несуществующей. Вскоре, 27 января 1918 г., в Киев вошли советские войска.

События на Украине в 1918–1920-е гг. отличались особым драматизмом и множественностью действующих сторон, что косвенно подтверждает сохраняющуюся неспособность украинских националистов стать монополной политической силой. Германская оккупация, которая продолжалась с мая по декабрь 1918 г. и была отмечена приходом к власти германского ставленника гетмана Скоропадского, в качестве своего первейшего негативного последствия оставила после себя горы оружия, что создало возможность для ведения особенно продолжительной и интенсивной гражданской войны.

Большевики вернулись на Украину весной 1919 г. после ухода немцев и австрийцев. 8–10 марта 1919 г. в Харькове была провозглашена Украинская Советская Социалистическая Республика (УССР). Председателем ЦИК УССР был избран бывший руководитель фракции социал-демократов в Государственной думе Российской империи Г. И. Петровский и Председателем СНК – этнический болгарин, тайный агент германской и австрийской спецслужб в прошлом, симпатизант идеи национального самоопределения Х. Г. Раковский [12]. Однако большевики в военном противостоянии с А. И. Деникиным и в связи с проведением демонстративно жестокой политики военного коммунизма не смогли удержать власть. В мае – июне 1919 г. они утратили Донбас и Крым, а в конце июня был взят Харьков и Екатеринослав, в конце августа – Одесса и Киев. Потерпели поражение и националистические войска С. Петлюры. И только повстанческое движение анархиста Н. Махно в тылу белых осенью 1919 г. оказалось эффективным и способствовало срыву продвижения Деникина к Москве [13].

Наступление большевиков началось в октябре – ноябре 1919 г., в середине декабря были взяты Харьков и Киев. Третий приход советской власти на Украине оказался окончательным, хотя в ходе кратковременной советско-польской войны в 1920 г. Красная Армия ненадолго была вынуждена оставить Киев.

Несомненно, что сложные перипетии борьбы за Украину пробудили советскую власть пойти на определенные уступки националистическим настроениям. Еще на самом начальном этапе советизации она совершила очень недальновидный шаг, отказав во вхождении Донецко-Криворожской Советской Республики, провозглашенной в феврале 1918 г., в состав РСФСР. Судя по всему В. И. Ленин руководствовался мнением о неизбежности включения шахтерско-металлургического региона в состав националистической Украины ввиду заключения последней сепаратного мира с немцами и австрийцами. Якобы РСФСР все равно не смогла бы удержать за собой этот

регион [14, с. 49–50]. Однако лидеры Республики (Артем и С. Ф. Васильченко) и ее население протестовало и сопротивлялось. Они «требовали остановить германские войска... в границах, отведенных Украине Временным Правительством», не признавали авантюристическую Раду, «власти призывали жителей защищать от “германско-гайдамацких банд насильников” Донецкую республику и Советскую Россию...» [15, с. 194].

Лидеры большевиков могли проявить чувство исторической справедливости и хозяйственной целесообразности в 1920 г., когда стали хозяевами положения, и вернуть Донбасс и Криворожье в состав РСФСР, но, видимо, опасались ропота со стороны украинской партийной элиты. Более того, они пошли на новые уступки националистическим амбициям, допустив с 1920 г. обязательное преподавание украинского языка в школах, а затем проведя более широкий круг насильственных нововведений под лозунгами «коренизации», т.е. предоставления лицами коренной национальности определенных языковых и прочих преференций. Применительно к украинцам (малороссам), не являющимся окончательно сформировавшим этническим сообществом и не находившимся на принципиально ином от великорусов уровне социально-экономического развития, подобная политика была явно нерациональной. Ни крестьянские массы, ни рабочие, ни партийно-хозяйственная номенклатура «не понимали, зачем им учить странный, чужой язык, что за Украина возникла на месте их губернии». По сути дела жители республики оказались в идеологическом плену привлеченных на работу в органы власти сподвижников М. С. Грушевского – украинских социалистов, связанных с Центральной Радой, а также около 50 тыс. так называемых «галичан» – переселенцев из Галиции (офицеров галицкой армии, учителей, членов «Просвиты») [16, с. 420–421, 423]. Как итог, можно предположить, что в материалах Всесоюзной переписи 1926 г. численность украинцев оказалась завышенной. Из 29 018 тыс. населения УССР почти 23 219 тыс. оказались записаны в украинцы и только 2677 тыс. – в русские. Удивляет, что в Горнопромышленном подрайоне (а это Артемовский, Луганский и Сталинский округа) русским себя назвали лишь 639 тыс. из 2036 тыс., что выглядит крайне неправдоподобно, а в степном подрайоне (это практически весь юг УССР) русских зарегистрировалось еще меньше – 798 тыс. из 5568 тыс. [17]. Явно здесь чувствуется давление административно-пропагандистского ресурса.

В Белорусских землях известным аналогом украинской Центральной Рады, только гораздо более слабым, была Великая Белорусская Рада, учрежденная в июле 1917 г. В нее вошли представители различных общественно-политических, культурно-просветительских, крестьянских, войсковых организаций. Наиболее радикальные из них выступали за полную независимость, умеренное же большинство придерживалось идеи автономии в составе России. Рада была разогнана большевиками вместе с созванным ей Первым Всебелорусским съездом, который проходил с 7 по 18 декабря 1917 г. в Минске (присутствовало 1872 делегата, более половины из них – военные, но они не были готовы бороться с большевистским влиянием) [18, 19]. Буржуазно-националистическая Белорусская народная республика была провозглашена 25 марта 1918 г., но в условиях германской оккупации Белоруссии. Однако оккупанты, понимая невысокую привлекательность для населения белорусских

националистов и отсутствие у них значимых воинских сил, не были готовы терпеть их в качестве марионеточного правительства, как на Украине режим гетмана Скоропадского. «Можно было ожидать включения белорусских губерний в состав других национальных образований, например Литвы» [20, с. 121]. В то же время большевики были намерены решительно бороться за контроль над Белоруссией. «Западный фронт и лидеры большевизированных Советов сыграли решающую роль в установлении Советской власти в Белоруссии. Эта область в силу своей близости к Петрограду была слишком важна, чтобы можно было безболезненно позволить одержать там верх иными, кроме большевиков, политическими силами» [21, с. 26–27].

После поражения Германии в Первой мировой войне большевики денонсировали Брестский договор и вернулись в Белорусь. Причем в чисто дипломатических и пропагандистских целях ослабления претензий Польши на западнобелорусские земли на Парижской мирной конференции они инициировали не только создание Белоруссии как независимой социалистической Советской республики – субъекта международного права, но и последующее объединение его с Литвой в рамках Социалистической Советской Республики Литвы и Беларуси (март – август 1919 г.).

Литовско-белорусский псевдогосударственный тандем упразднила сама жизнь: он не выдержал натиска польских интервентов и фактически продемонстрировал свою несостоятельность [22, с. 151]. 31 июля 1920 г. была восстановлена Социалистическая Советская Республика Белоруссия.

Оставшиеся в ассоциации с бывшей самодержавной Россией западные земли (Украина и Белоруссия), тесно примыкая (экономически, социально и культурно) к территории, являлись как бы обрамлением исконно русским землям, из которых пошла Московская Русь XIV–XVI вв. (схема 1), и это помогло их сохранить в составе нарождающегося социалистического государства.

Схема 1

Структурное оформление СССР на западных рубежах
и в центральной части Европейской России

Ядром же формирующихся РСФСР, а впоследствии и СССР стали районы с безусловным великорусским доминированием (табл. 1).

Таблица 1

Великорусское доминирование в районах центральной части Европейской России (по материалам Всесоюзной переписи 1926 г.)

Районы	Численность населения	Русские	Украинцы
Северный	2 368 440	2 154 141	694
Ленинградско-Карельский	6 659 711	5 930 078	15 636
Западный	4 299 150	4 020 199	134 241
Центрально-Промышленный	19 314 024	18 577 643	41 345
Центрально-Черноземный	10 825 830	9 119 238	1 651 853

Иными словами, при такой конфигурации возникающей Советской Федерации у нее был мощный «якорь», а дополнительная стабилизация достигалась за счет широкой вовлеченности великорусского элемента в территориальное строительство на востоке и юге страны.

Учреждение федеративного государства, как указывалось ранее [23, с. 36], – это весьма сложный и многоэтапный процесс. Можно сказать, что в 1917–1920 гг. в Советской России прошла первая фраза протофедерализации, связанная с осознанием необходимости союзнических отношений. Наполнение их реальным содержанием в условиях мирного времени в 1921–1922 гг. – это уже следующая фраза, отмеченная более острой внутривластной борьбой. Но при всей критичности этой второй фразы с ее дальнейшим выходом на конституционное закрепление достигнутых договоренностей она бы была невозможной без событий 1917–1920 гг.

Список литературы

1. Гайда Ф. А. Временное правительство: принципы политики в контексте развития революционных процессов весной – летом 1917 г. // Исторические исследования. Журнал Исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. 2017. № 6. С. 17–34.
2. Колоницкий Б. И. «Товарищ Керенский»: антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа» (март – июнь 1917 года). М., 2017. 520 с.
3. История южных и западных славян : в 2 т. / под ред. Г. Ф. Матвеева, З. С. Ненашевой. М., 2008. Т. 2. 272 с.
4. Мейнандер Х. История Финляндии. Линии, структуры, переломные моменты. М. : Весь мир, 2008. 248 с.
5. Карр Э. История Советской России : в 14 т. Кн. 1, т. 1–2. Большевицкая революция 1917–1923. М., 1990. 763 с.
6. Гайда Ф. А. «Украинец» как самоидентификация в условиях распада империй в начале XX века // Historia Provinciae – Журнал региональной истории. 2019. Т. 3, № 3. С. 845–883.
7. Миллер А. И. Прошлое и историческая память как факторы дуализма идентичностей в современной Украине // Политическая наука. 2008. № 1. С. 83–100.

8. Всеукраинский национальный съезд // Википедия. URL: https://ru.m.wikipedia.org/wiki/Всеукраинский_национальный_съезд (дата обращения: 19.07.2022).
9. Крутиков А. А. «Дайте спокойно пожить»: Украинское Учредительное Собрание 1917–1918 гг. // Перспективы. Электронный журнал. 2020. № 2 (22). С. 55–70.
10. Аллен У. История Украины. Южнорусские земли от первых киевских князей до Иосифа Сталина. М. : Центрполиграф, 2017. 416 с.
11. Толочко П. П., Симоненко Р. Г., Олейников А. А. История Украины VI–XXI вв. / под общ. ред. П. П. Толочко. 2-е изд., испр. и доп. Киев ; М., 2018. 472 с.
12. Раковский, Христиан Георгиевич // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A0%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D0%A5%D1%80%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%B0%D0%BD_%D0%93%D0%B5%D0%BE%D1%80%D0%B3%D0%B8%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87
13. Революция и Гражданская война на Украине // Википедия. URL: <https://ru.m.wikipedia.org/wiki/>
14. Ленин В. И. Полное собрание сочинений : в 55 т. Т. 50. Письма октябрь 1917 – июнь 1919. М. : Изд-во полит. лит-ры, 1970. 623 с.
15. Марчуков А. В. Новороссия: формирование национальных идентичностей (XVIII–XX вв.). М. : Кучково поле, 2018. 512 с.
16. Медведев А. Подлинная история русского и украинского народа. М. : Эксмо, 2015. 512 с.
17. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Национальный состав населения по регионам РСФСР // Демоскоп Weekly. 2022. № 951–952. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php?reg=1072
18. Великая Белорусская рада // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%92%D0%B5%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D0%B1%D0%B5%D0%BB%D0%BE%D1%80%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D1%80%D0%B0%D0%B4%D0%B0
19. Октябрьская революция и создание белорусской государственности // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9E%D0%BA%D1%82%D1%8F%D0%B1%D1%80%D1%8C%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%BE%D0%BB%D1%8E%D1%86%D0%B8%D1%8F_%D0%B8_%D1%81%D0%BE%D0%B7%D0%B4%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5_%D0%B1%D0%B5%D0%BB%D0%BE%D1%80%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9_%D0%B3%D0%BE%D1%81%D1%83%D0%B4%D0%B0%D1%80%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8
20. Короткова Д. А. Брестский мир и судьба белорусского вопроса // Славянский альманах. Вып. 1–2. М. : Индрик, 2018. 440 с.
21. Райченко А. А. Литовско-Белорусская ССР: неудачный эксперимент российской государственности // Труды БГТУ. Серия 6: История, философия. 2018. № 2. С. 42–46.
22. Круталевич В. А. История Беларуси: становление национальной державности (1917–1922 гг.). Минск : Право и экономика, 2003. 388 с.
23. Гуляков А. Д. Федерализм: механизм возникновения и основные направления развития: историко-государствоведческое исследование : монография. М. : РИОР, 2019. 388 с.

References

1. Gayda F.A. Provisional government: principles of policy in the context of the development of revolutionary processes in the spring – summer of 1917. *Istoricheskie issledovaniya. Zhurnal Istoricheskogo fakul'teta MGU imeni M.V. Lomonosova* = Historical researches. Fournal of faculty of history of Lomonosov Moscow State University. 2017;(6):17–34. (In Russ.)

2. Kolonitskiy B.I. «*Tovarishch Kerenskiy*»: *antimonarkhicheskaya revolyutsiya i formirovanie kul'ta «vozhdya naroda» (mart – iyun' 1917 goda)* = “Comrade Kerensky”: anti-monarchist revolution and the formation of the cult of the “nation’s leader” (March – June, 1917). Moscow, 2017:520. (In Russ.)
3. Matveev G.F., Nenashcheva Z.S. (eds.) *Istoriya yuzhnykh i zapadnykh slavyan: v 2 t.* = History of the southern and western Slavs: in 2 volumes. Moscow, 2008;2:272. (In Russ.)
4. Meynander Kh. *Istoriya Finlyandii. Linii, struktury, perelomnye momenty* = History of Finland. Lines, structures, turning points. Moscow: Ves' mir, 2008:248. (In Russ.)
5. Karr E. *Istoriya Sovetskoy Rossii: v 14 t. Kn. 1, t. 1–2. Bol'shevistskaya revolyutsiya 1917–1923* = History of the Soviet Russia: in 14 volumes. Book 1, volume 1-2. Moscow, 1990:763. (In Russ.)
6. Gayda F.A. “Ukrainian” as self-identification in the conditions of the collapse of the empire at the beginning of the 20th century. *Historia Provinciae – Zhurnal regional'noy istorii* = Historia Provinciae – Journal of regional history. 2019;3(3):845–883. (In Russ.)
7. Miller A.I. The past and historical memory as factors of identity dualism in modern Ukraine. *Politicheskaya nauka* = Political science. 2008;(1):83–100. (In Russ.)
8. All-Ukrainian National Congress. *Wikipedia*. (In Russ.). Available at: [https://ru.m.wikipedia.org/wiki/Vseukrainskiy_natsional'nyy_s"ezd](https://ru.m.wikipedia.org/wiki/Vseukrainskiy_natsional'nyy_s) (accessed 19.07.2022).
9. Krutikov A.A. “Let me live in peace”: Ukrainian Constituent Assembly 1917–1918. *Perspektivy. Elektronnyy zhurnal* = Perspectives. Electronic journal. 2020;(2):55–70. (In Russ.)
10. Allen U. *Istoriya Ukrainy. Yuzhnorusskie zemli ot pervykh kievskikh knyazey do Iosifa Stalina* = History of Ukraine. South Russian lands from the first Kyiv princes to Joseph Stalin. Moscow: Tsentrpoligraf, 2017:416. (In Russ.)
11. Tolochko P.P., Simonenko R.G., Olenikov A.A. *Istoriya Ukrainy VI–XXI vv.* = History of Ukrain of 6th – 21st centuries. 2nd ed., corr. and suppl. Kiev; Moscow, 2018:472.
12. Rakovsky, Christian Georgievich. *Wikipedia*. (In Russ.). Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A0%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9,%D0%A5%D1%80%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%B0%D0%BD_%D0%93%D0%B5%D0%BE%D1%80%D0%B3%D0%B8%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87
13. Revolution and Civil War in Ukraine. *Wikipedia*. Available at: <https://ru.m.wikipedia.org/wiki/>
14. Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochineniy: v 55 t. T. 50. Pis'ma oktyabr' 1917 – iyun' 1919* = Full collected essays: in 55 volumes. Volume 50. Letters of October 1917 – June, 1919. Moscow: Izd-vo polit. lit-ry, 1970:623. (In Russ.)
15. Marchukov A.V. *Novorossiya: formirovanie natsional'nykh identichnostey (XVIII–XX vv.)* = Novorossiya: the formation of national identities (18th – 20th centuries). Moscow: Kuchkovo pole, 2018:512. (In Russ.)
16. Medvedev A. *Podlinnaya istoriya russkogo i ukrainskogo naroda* = The true history of the Russian and Ukrainian people. Moscow: Eksmo, 2015:512. (In Russ.)
17. All-Union population census of 1926. National composition of the population by regions of the RSFSR. *Demoskop Weekly*. 2022;(951–952). (In Russ.). Available at: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php?reg=107218
18. Great Belarusian Rada. *Wikipedia*. (In Russ.). Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%92%D0%B5%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D0%B1%D0%B5%D0%BB%D0%BE%D1%80%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D1%80%D0%B0%D0%B4%D0%B0
19. October Revolution and the creation of Belarusian statehood. *Wikipedia*. (In Russ.). Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9E%D0%BA%D1%82%D1%8F%D0%B1%D1%80%D1%8C%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%BE%D0%BB%D1%8E%D1%86%D0%B8%D1%8F_%D0%B8_%D1%81%D0%BE%D0%B7%D0%B4%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5_%D0%B1%D0%B5%D0%BB%D0%BE%D1%80%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D

0%BE%D0%B9_%D0%B3%D0%BE%D1%81%D1%83%D0%B4%D0%B0%D1%80%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8

20. Korotkova D.A. Brest Peace and the fate of the Belarusian issue. *Slavyanskiy al'manakh. Vyp. 1–2* = Slavic almanac. Edition 1–2. Moscow: Indrik, 2018:440. (In Russ.)
21. Raychenok A.A. Lithuanian-Belarusian USSR: an unsuccessful experiment of Russian statehood. *Trudy BGTU. Seriya 6: Istoriya, filosofiya* = Proceedings of BSTU. Series 6: History, philosophy. 2018;(2):42–46. (In Russ.)
22. Krutalevich V.A. *Istoriya Belarusi: stanovlenie natsional'noy derzhavnosti (1917–1922 gg.)* = History of Belarus: the formation of national sovereignty (1917–1922). Minsk: Pravo i ekonomika, 2003:388. (In Russ.)
23. Gulyakov A.D. *Federalizm: mekhanizm vozniknoveniya i osnovnye napravleniya razvitiya: istoriko-gosudarstvennoye issledovanie: monografiya* = Federalism: the mechanism of origin and the main directions of development: historical and state studies: monograph. Moscow: RIOR, 2019:388. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Александр Дмитриевич Гуляков
доктор юридических наук, ректор,
Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

E-mail: rector@pnzgu.ru

Aleksandr D. Gulyakov
Doctor of juridical sciences, rector,
Penza State University (40 Krasnaya
street, Penza, Russia)

Алексей Юрьевич Саломатин
доктор юридических наук, доктор
исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой теории
государства и права и политологии,
Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

E-mail: valeriya_zinovev@mail.ru

Aleksey Yu. Salomatin
Doctor of juridical sciences, doctor
of historical sciences, professor, head
of the sub-department of theory
of state and law and political science,
Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 10.11.2022

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 05.12.2022

Принята к публикации / Accepted 19.12.2022

УДК 342.51

doi:10.21685/2072-3016-2022-4-9

Реализация основных функций правозащитной деятельности органами исполнительной власти и должностными лицами в Российской Федерации

Д. С. Храмов

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

di-xr1998@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Освещены некоторые аспекты правозащитной деятельности исполнительных органов власти и должностных лиц. Защита прав граждан и в потребительской области, и в финансовой сфере – важнейшая задача государства, которая должна проявляться в пристальном внимании к интересам человека, в повышении его благосостояния и улучшении жизни населения в целом. Цель исследования – изучение и анализ эффективности правозащитных действий государственной власти в условиях экономической и социальной нестабильности, а также оценка адекватности и своевременности в принятии мер, стабилизирующих ситуацию. Для соблюдения интересов граждан требуется грамотная и эффективная защита, которая возложена на Банк России, а с недавнего времени их права помогает защищать финансовый омбудсмен. В работе проводится изучение и их деятельности. *Материалы и методы.* Глубокому и всестороннему изучению работы государственной власти способствовал анализ российского законодательства, а также деятельности Роспотребнадзора, Центрального Банка России и Уполномоченного по защите прав потребителей финансовых услуг. При написании работы были использованы методы системного анализа и моделирования. *Результаты.* В ходе исследования были выявлены некоторые проблемы несвоевременного и неполного реагирования на возникающие угрозы, а также некоторая нелогичность в последовательности действий органов исполнительной власти. На наш взгляд, у государства и исполнительных органов власти Российской Федерации имеются необходимые механизмы, способные обеспечить достаточно высокий уровень защиты благосостояния граждан. Принятие законов, указов, постановлений, приказов и решений представительными органами власти позволяет достаточно быстро и качественно решать возникающие проблемы общества. *Выводы.* Эффективность правозащитной деятельности зависит от непрерывной работы государства. Рабочий процесс исполнительных органов власти и должностных лиц, в частности уполномоченного по правам потребителей финансовых услуг, способствует установлению правового положения граждан и определяет совокупность приемов и способов восстановления нарушенных прав при своевременном и внимательном реагировании. Также в работе даны некоторые рекомендации, которые, на наш взгляд, повысят эффективность защиты прав граждан.

Ключевые слова: правозащитная деятельность, органы исполнительной власти, должностное лицо, государственный надзор, Роспотребнадзор, правовой статус финансового омбудсмена

Для цитирования: Храмов Д. С. Реализация основных функций правозащитной деятельности органами исполнительной власти и должностными лицами в Российской Федерации // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2022. № 4. С. 101–110. doi:10.21685/2072-3016-2022-4-9

Implementation of the main functions of human rights activities by executive authorities and officials in the Russian Federation

D.S. Khramov

Penza State University, Penza, Russia

di-xr1998@mail.ru

Abstract. *Background.* The article highlights some aspects of human rights activities of executive authorities and officials. Protection of citizens' rights in both consumer and financial spheres is the most important task of state which should be shown by close attention to the interests of people, improvement of their welfare and life of population in general. The purpose of research is to study and analyze of effectiveness of human rights actions of state power in conditions of economic and social instability and evaluation of adequacy and timeliness in taking measures that stabilize situation. The interests of citizens require competent and effective protection, which is entrusted to the Bank of Russia, and recently the financial ombudsman helps to protect their rights. In this work we conduct a study of their activities. *Materials and methods.* In-depth and comprehensive study of the work of public authorities contributed to the analysis of Russian legislation, as well as the activities of Rospotrebnadzor, the Central Bank of Russia and the Commissioner for the Protection of Financial Services Consumers. When writing the work methods of system analysis and modeling were used. *Results.* The study revealed some problems of untimely and incomplete response to emerging threats, as well as some illogic in the sequence of actions of executive authorities. In our opinion, the state and the executive authorities of the Russian Federation have the necessary mechanisms, capable of ensuring a sufficiently high level of protection of the welfare of citizens. Adoption of laws, decrees, resolutions, orders and decisions by representative bodies of power allows sufficiently quickly and qualitatively solve arising problems of society. *Conclusions.* It follows from this that the effectiveness of human rights activities depends on the continuous work of the state. The working process of executive authorities and officials, in particular, the Commissioner for the rights of consumers of financial services contributes to the establishment of legal status of citizens and determines the totality of techniques and methods of restoration of violated rights with timely and careful response. The article also gives some recommendations which, in our opinion, will increase the efficiency of citizens' rights protection.

Keywords: human rights activities, executive authorities, official, state supervision, Rospotrebnadzor, legal status of a financial ombudsman

For citation: Khramov D.S. Implementation of the main functions of human rights activities by executive authorities and officials in the Russian Federation. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki = University proceedings. Volga region. Social sciences.* 2022;(4):101–110. (In Russ.). 10.21685/2072-3016-2022-4-9

Начиная разговор о правозащитной деятельности федеральных органов исполнительной власти, необходимо определить основной принцип этой деятельности, которую в пределах своих полномочий в целом или частично они исполняют. Правозащитная деятельность осуществляется уполномоченными и компетентными субъектами, которые, применяя различные правозащитные средства, обеспечивают эффективное воздействие при восстановлении нарушенного права, что и является основной целью данной деятельности.

Правозащитная деятельность заключается в непрерывной работе субъектов правозащитной системы в Российской Федерации, и ведется она по отраслевым направлениям. Так, жизнь, здоровье, имущество граждан оберегают Федеральная служба безопасности и Министерство внутренних дел.

Названные исполнительные органы обязаны предотвращать совершение преступлений, выявлять и привлекать к ответственности лиц, виновных в совершении преступлений [1].

Помимо этого, государство должно защищать права потребителей. Закон Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» закрепляет государственный надзор как важнейшую деятельность в правозащитной сфере органов исполнительной власти. Только со стороны государства гражданам как потребителям может быть оказана эффективная защита, поскольку только оно может привлечь к ответственности нарушителя и восстановить нарушенное право [2]. Законодательство о защите прав потребителей содержит обширный перечень прав потребителей, большинство из которых не могут быть реализованы без участия государства.

Федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным на осуществление государственного надзора в области защиты прав потребителей, в соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 6 апреля 2004 г. № 154 является Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека – Роспотребнадзор. В основу работы Роспотребнадзора положена правозащитная деятельность в интересах потребителей. Так, в Пензенской области региональным Роспотребнадзором в 2020 г. с целью повышения эффективности работы пристальное внимание уделялось рассмотрению обращений граждан, особенно в социально значимых сферах предпринимательской деятельности. Определялись наиболее актуальные проблемы жителей Пензенской области, проводился анализ социального и возрастного статуса обратившихся за помощью. По выявленным фактам нарушений составлялись иски о защите потребительских прав. В течение 9 месяцев 2021 г. специалисты Управления Роспотребнадзора Пензенской области участвовали в 202 судебных процессах для дачи заключения в защиту нарушенных прав потребителей, которым было отказано в удовлетворении законных требований. Число удовлетворенных исков составило 100 %, т.е. вынесено 202 решения в пользу потребителей.

Таким образом, правозащитная деятельность интересов потребителей со стороны Роспотребнадзора продолжается и активно развивается.

Новая коронавирусная инфекция, несомненно, привела к еще более нестабильной ситуации в нашей стране. Поэтому проблемы защиты прав граждан, особенно как потребителей, приобрели особую актуальность. Государство должно разработать новые механизмы противодействия возникающим рискам [3]. Самые частые нарушения наблюдаются в банковской сфере и страховании, в туризме и авиаперевозках, в сфере услуг ЖКХ, в сфере культуры.

Из-за закрытия границ и приостановки авиасообщения произошло замедление международной торговли и, как следствие, увеличение сроков поставки товаров. Длительная самоизоляция и карантин, переориентирование бизнеса с учетом новых условий работы, конечно же, отразились на потребителях. Роспотребнадзор указывает на частый перенос или даже отказ от исполнения обязательств, происходит банкротство продавцов, и в связи с признанием COVID-19 форс-мажорным обстоятельством у потребителей исчезла невозможность взыскания неустойки и убытков. И тем не менее указанные

обстоятельства не должны снижать уровень гарантий и эффективность защиты потребительских прав. Государство вводит дополнительные механизмы, пусть некоторые из них и носят временный характер, но защищают граждан, их права и законные интересы [4]. В банковской сфере это поддержка заемщиков и введение кредитных каникул. В кредитной области это рекомендации Банка России, предложенные банкам и микрофинансовым организациям приостановить до 30 сентября 2020 г. принудительное выселение из квартир должников. Это сделано для защиты заемщиков в условиях пандемии коронавируса, когда у многих нет возможности вовремя производить выплаты по кредитам.

Для защиты потребителей в туристическом направлении Роспотребнадзор разработал документ, в котором разместил ответы на типовые вопросы, связанные с переносом даты путешествия или его отменой, с возвратом стоимости тура и авиабилетов [5]. Актуальность защиты прав потребителей, нарушенных при аннулировании туров и отказе туроператорами возвращать денежные средства, определяет активную работу с широким кругом потребителей.

В период действия ограничительных мер, несомненно, снизились доходы граждан и Правительство Российской Федерации вводило временный запрет на начисление и взыскание неустойки за несвоевременную оплату за жилищно-коммунальные услуги, а также было продлено право на субсидии при оплате за жилое помещение.

При отмене зрелищно-развлекательных мероприятий Правительство Российской Федерации разработало правила возврата средств за мероприятия, которые не состоялись. Правила предусматривают особый порядок отмены, замены или переноса мероприятия в условиях чрезвычайных ситуаций и режима повышенной готовности: должно поступить предложение посетить то же или другое мероприятие после отмены ограничений, в случае несогласия – возмещение полной стоимости билета [6].

В условиях, когда экономика развивается стремительно, защита финансовых прав граждан становится весьма актуальной. Правозащитная деятельность в этой области крайне необходима при тотальной экономической нестабильности. Финансовые услуги, оказываемые банками и кредитными организациями, подчас связаны с рисками вследствие недобросовестного поведения участников. Соблюдение законных прав и интересов обеспечивается совокупностью государственных органов власти: Роспотребнадзора, Федеральной антимонопольной службы, Центрального банка (ЦБ) Российской Федерации, Службы Банка России по защите прав потребителей финансовых услуг, МВД России.

Деятельность финансовых компаний в Российской Федерации контролирует Банк России. Совмещение ЦБ России денежно-кредитной функции с контролирующей, по мнению законодателя, необходимо для защиты граждан от навязывания им дополнительных услуг и невыгодных условий их приобретения, для информирования потребителя об обязательных условиях договора, которые организации должны исполнять, а также в целях недопущения сокрытия от клиентов существенной информации и введения их в заблуждение. С целью реализации поставленных задач Банк России принимает обращения граждан с жалобами на неправомерную деятельность финансовых

организаций, по которым проводится проверка и принимаются меры надзорного реагирования.

Для досудебного разрешения имущественного спора, возникшего между гражданином и финансовой организацией, законом учреждена должность уполномоченного по правам потребителей финансовых услуг [7]. По мнению законодателя, уполномоченный поможет разгрузить суды, а также позволит потребителю сэкономить на судебных издержках и тратах. А вот исполнить его решения компании обязаны, как и судебные.

Должность уполномоченного по защите прав потребителей финансовых услуг – финансового омбудсмена – появилась в Российской Федерации в 2018 г. Финансовый омбудсмен призван оказывать помощь гражданам в разрешении споров со страховой или кредитной компанией без судебных тяжб, быстро и бесплатно. Полномочия омбудсмена с момента учреждения этой должности постепенно расширяются: с 1 июня 2019 г. им решались споры со страховыми компаниями по ОСАГО, ДСАГО и КАСКО, с 28 ноября 2019 г. были добавлены остальные виды страхования, кроме обязательного медицинского. С 1 января 2020 г. обязательно рассматриваются финансовые споры потребителей с микрофинансовыми организациями при возникновении имущественных претензий. С 1 января 2021 г. омбудсмен решает спорные вопросы с кредитными потребительскими кооперативами, ломбардами, банками и негосударственными пенсионными фондами (НПФ). Наиболее частые споры потребителей и НПФ связаны с расчетами размера выплат, со сроками и формами назначения пенсии [8].

На наш взгляд, урегулирование споров с НПФ по вопросам, связанным с неправомерными переходами пенсионных накоплений между фондами, не входит и не может входить в компетенцию финомбудсмена, так как согласно законодательству гражданин, меняющий пенсионный фонд чаще, чем раз в пять лет, теряет накопленный доход. Потребители должны быть предупреждены о таком риске, однако негосударственные пенсионные фонды этой обязанностью часто пренебрегают, кроме того, намеренно вводят в заблуждение граждан и подделывают договоры и заявления застрахованных лиц о досрочном переходе к другому страховщику. В досудебном порядке рассматривать такие вопросы нельзя. Это не имущественные споры, а мошенничество при переводе потребителя из одного фонда в другой, для пресечения которого законодательством установлена специальная процедура. Включение в компетенцию финансового уполномоченного оперативно-следственных функций невозможно, так как это противоречит специфике деятельности финансового уполномоченного, а именно урегулированию денежных конфликтов на стадии досудебного разбирательства.

При этом спорная сумма не должна быть больше 500 тысяч рублей, кроме споров по ОСАГО [9]. Если потребителю не возместили страховку или выплатили меньшую сумму – это повод обратиться к финомбудсмену. В случае отказа оформить полис ОСАГО нужно жаловаться в ЦБ.

Важно отметить, что оспариваются только прямые убытки. Взыскать компенсацию морального вреда или возместить упущенную выгоду через омбудсмена не получится. В случае неразрешенности спора через финансового уполномоченного подается судебный иск.

На сайте Центрального банка размещен список организаций, которые по закону должны сотрудничать с финансовым уполномоченным. Также на сайте есть список тех, кто добровольно начал сотрудничество. А на сайте

финансового уполномоченного можно посмотреть статистику обращений и споров по каждой организации. Так, в 2019 г. к должностному лицу обратились за помощью больше 91 тысячи потребителей, а уже в 2020 – в два раза больше, почти 190 тысяч. Эта информация может стать одним из критериев выбора банка, страховой компании или негосударственного пенсионного фонда. Если обращений с жалобами к финансовой организации немного и процент проигранных ею споров невелик, то скорее всего компания добросовестная и не нарушает прав своих клиентов. И так как информация находится в свободном доступе, многие компании стараются урегулировать конфликтные ситуации самостоятельно, без помощи омбудсмана. Помимо этого, Служба финансового омбудсмана 01.07.2021 опубликовала список финансовых организаций, которые, несмотря на изменения в законе, не организовали с ней взаимодействие. Без этого условия потребители не смогут обратиться к омбудсмену в случае нарушения их прав. Возможно и это обстоятельство повлияет на выбор потребителя.

Продолжая разговор о правозащитной деятельности федеральных органов исполнительной власти, в частности о защите финансовых прав граждан, следует рассмотреть государственную защиту прав вкладчиков [10]. В 1995 г. был создан Федеральный общественно-государственный фонд по защите прав вкладчиков и акционеров. Учредителями Фонда со стороны государства являются Федеральная комиссия по ценным бумагам и фондовому рынку при Правительстве Российской Федерации, Российский фонд федерального имущества, Государственный комитет Российской Федерации по управлению государственным имуществом. В этот фонд могут обратиться вкладчики, которые имеют право на получение компенсации, которым причинен ущерб в результате неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательств [11].

Государственные органы обязаны следить за обеспечением максимальной защищенности граждан, поэтому меры по защите интересов вкладчиков включают в себя процедуру обязательного страхования вкладов. Система страхования вкладов представляет собой обеспечение страхования размещенных физическими лицами депозитов в банковских учреждениях. В настоящее время данная система введена и поддерживает исключительно физических лиц [12, с. 267–275].

Во многих странах мира давно существуют эти системы. Они отличаются друг от друга, но в их основе лежит опыт США, где в 1933 г. была создана независимая Федеральная корпорация по страхованию депозитов. В США контроль за банками осуществляется Управлением валютного контролера, Федеральной корпорацией по страхованию депозитов, Федеральной резервной системой, Офисом надзора за сберегательными учреждениями, Страховым фондом Национальной администрации кредитных союзов. Банки в США находятся под двойным контролем – федеральным и штатным.

Как сказано выше, опыт американской системы страхования вкладов был использован при создании европейских систем – германской и британской, но с учетом европейских ценностей и потребностей. И что примечательно: британская система сформировалась намного позже американской и германской, но сегодня она признана самой развитой. В Великобритании создание Страхового фонда депозитов впервые было предусмотрено в Законе о банках 1979 г., и начал он действовать в феврале 1982 г. на основе законодательного распоряжения.

К концу XX в. системы страхования вкладов действовали во Франции, Норвегии, Швеции, Швейцарии, Японии. Они развивались стихийно и стали своеобразным результатом банковских кризисов, которые коснулись в то время большинство стран. В Европе Директивой Европейского союза (ЕС) от 30 мая 1994 г. «О системах гарантирования депозитов» было предусмотрено, что каждое государство – член ЕС обязано ввести на своей территории одну или несколько систем гарантирования депозитов.

За всю историю своего существования данная система в определенные моменты являлась эффективной мерой, оказавшей положительное влияние на устойчивость и стабильность экономики [13].

Однако некоторые исследователи считают, что нет весомых доказательств того, что страхование вкладов оказывает позитивное воздействие на экономику страны. Новая Зеландия, не имевшая системы страхования вкладов до 2008 г., ввела ее всего на два года и в декабре 2011 г. ликвидировала, так как посчитала, что вкладчик способен сам оценить надежность выбранного банка. И несмотря на это, Новая Зеландия – развитая страна с рыночной системой экономики и налаженной структурой банковских услуг, построенной на обязательном государственном лицензировании всей банковской деятельности. В Австралии до мирового финансового кризиса также не было системы страхования вкладов. Сформировав ее, страна затем снизила сумму возмещения по вкладам и постепенно снижает ее и дальше. При этом финансовая и банковская отрасли страны отличаются своим постоянством и надежностью.

Наличие в финансовой сфере страны системы страхования вкладов, как видно из истории, некоторым образом поддерживает определенную стабильность в экономическом развитии, а также восстанавливает и укрепляет доверие вкладчиков. Однако многие аспекты ее развития актуальны по сей день.

В Российской Федерации государство напрямую участвует в работе системы страхования вкладов. Контролирующим органом выступает Центральный Банк России [14]. Для выплат денежных сумм вкладчикам при наступлении страхового случая создана государственная корпорация «Агентство по страхованию вкладов» [15].

Страхование вкладов физических лиц в банках Российской Федерации позволяет избежать паники, возникновение которой возможно при обвале одного или нескольких банков [16]. Как показывает практика, в большинстве государств, где такая система не предусмотрена, среди вкладчиков начинаются панические настроения, которые распространяются на других граждан, что и приводит к возникновению дефицита средств, падению курса национальной валюты.

Кроме этого, при страховании вкладов увеличивается доверие со стороны граждан к банковским учреждениям. При введении в практику системы страхования вкладов в 2004 г. общий уровень доверия со стороны потенциальных вкладчиков к банкам существенно возрос и держится на стабильно высоком уровне [17]. Это гарантирует регулярное вложение людьми материальных средств, даже при условии открытия новых банков.

И наконец, защита материального благосостояния населения приводит к тому, что сводится на нет вероятность возникновения кризиса и его последующего обострения [15]. Страхование вкладов позволяет привлечь сбережения

населения на длительные сроки, и в результате появляется возможность долгосрочного вложения этих сбережений в экономику.

Для решения обозначенных проблем необходимо учитывать многие социальные факторы. В данном случае, на наш взгляд, свою эффективность может показать метод социального мониторинга. Он необходим для обеспечения соблюдения защиты прав граждан и человека в сфере правозащитной деятельности. Формирование подробных статистических ежегодных отчетов о проделанной работе значительно повысит эффективность оценки деятельности органов исполнительной власти и позволит определить наиболее актуальные проблемы, с которыми сталкиваются граждане. На наш взгляд, подобная практика облегчит процесс систематизации законодательства в сфере правозащитной деятельности. В данном случае крайне важной является связь гражданина и государства, которое обязано подробнейшим образом изучать, систематизировать актуальные проблемы граждан. Как показала практика решения проблем, которые вызвала новая коронавирусная инфекция, государство не всегда четко представляет, чего именно ждут от него граждане, в связи с чем правильные решения принимались не сразу и также не носили системного характера. Полученный опыт в обязательном порядке должен быть учтен в решении будущих проблем.

Таким образом, органы исполнительной власти и должностные лица оказывают правоохранительную помощь в сохранении и развитии бизнеса, сохраняют уверенность в завтрашнем дне. Оказывая правозащитную деятельность, органы исполнительной власти усиливают рост доверия граждан к государству, а также поддерживают определенную стабильность в экономике.

Список литературы

1. Бондалетов В. В., Афанасьева И. А. Эффективность деятельности органов исполнительной власти субъектов // Материалы Ивановских чтений. 2017. № 1 (10). С. 78–81.
2. Джамбулатов С. И. Государственный надзор в области защиты прав потребителей // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 5. С. 15–17.
3. Звягинцева Д. В., Кудряков И. В. Понятие и правовая природа органов исполнительной власти // Science Time. 2019. № 5 (29). С. 198–201.
4. Комягина А. С., Подбельский Н. В. Построение системы органов исполнительной власти субъекта РФ // Крымский научный вестник. 2019. № 1 (7). С. 55–62.
5. Рыбникова О. Н. Типичные нарушения, фиксируемые в сфере законодательства о защите прав потребителей, и пути их преодоления // Верное решение. 2018. № 8 (190). С. 26–28.
6. Рябов А. А. Роль органов исполнительной власти в сфере защиты прав и свобод граждан // Молодой ученый. 2021. № 23 (365). С. 243–245.
7. Климов В. В. Институт финансового уполномоченного – новый механизм обеспечения баланса частных и публичных интересов в финансовой сфере // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15, № 5 (114). С. 35–41.
8. Пастушенко Е. Н. Финансово-правовая политика в отношении статуса финансового уполномоченного // Молодой ученый. 2019. № 24 (262). С. 243–246.
9. Рождественская Т. Э., Гузнов А. Г. Особенности правового статуса финансового уполномоченного // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 10. С. 45–54.
10. Турбанов А. В. Саморегулирование и защита прав потребителей банковских услуг // Банковское право. 2020. № 4. С. 15–26.

11. Сытдииков Р. Т. Кредитный портфель по физическим лицам ПАО «Сбербанк России» в современных условиях // Экономика и бизнес: теория и практика. 2020. № 4–3 (62). С. 55–60.
12. Гузнов А. Г., Рождественская Т. Э. Публично-правовое регулирование финансового рынка в Российской Федерации : монография. 2-е изд., испр. и доп. М. : Юрайт, 2019. 500 с.
13. Омаров М. З. Значение сбережений населения для формирования депозитной политики банков // Тенденции развития науки и образования. 2020. № 58 (5). С. 38–40.
14. Гурулёва О. С. Система страхования вкладов в Российской Федерации. Проблемы и перспективы развития // Молодой ученый. 2018. № 16. С. 200–203.
15. Шадурская М. М. Система страхования вкладов: проблемы функционирования и направления реформирования // Human Progress. 2017. № 2. С. 1–10.
16. Жуков В. Ю. Страхование депозитов // Вестник науки и образования. 2018. Т. 2, № 6 (42). С. 12–14.
17. Исмаилов И. Ш., Баутин А. Г. Сравнительный анализ системы страхования Российской Федерации, Украины и Республики Белоруссия // Образование и право. 2021. № 1. С. 128–133.

References

1. Bondaletov V.V., Afanas'eva I.A. The effectiveness of the executive authorities' activities of the subjects. *Materialy Ivanovskikh chteniy* = Proceedings of Ivanovo Readings. 2017;(1):78–81. (In Russ.)
2. Dzhambulatov S.I. State supervision in the field of consumer protection. *Probely v rossiyskom zakonodatel'stve* = Gaps in Russian legislation. 2017;(5):15–17. (In Russ.)
3. Zvyagintseva D.V., Kudryakov I.V. The concept and legal nature of executive authorities. *Science Time*. 2019;(5):198–201. (In Russ.)
4. Komyagina A.S., Podbel'skiy N.V. Building a system of executive authorities of the subject of the Russian Federation. *Krymskiy nauchnyy vestnik* = Crimean scientific bulletin. 2019;(1):55–62. (In Russ.)
5. Rybnikova O.N. Typical violations recorded in the field of consumer protection legislation and ways to overcome them. *Vernoie reshenie* = The right decision. 2018;(8):26–28. (In Russ.)
6. Ryabov A.A. The role of executive authorities in the field of protection of the rights and freedoms of citizens. *Molodoy uchenyy* = Young scientist. 2021;(23):243–245. (In Russ.)
7. Klimov V.V. The institution of the Financial Ombudsman is a new mechanism for ensuring the balance of private and public interests in the financial sector. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava* = Actual problems of Russian law. 2020;15(5):35–41. (In Russ.)
8. Pastushenko E.N. Financial and legal policy regarding the status of the financial commissioner. *Molodoy uchenyy* = Young scientist. 2019;(24):243–246. (In Russ.)
9. Rozhdestvenskaya T.E., Guznov A.G. Features of the legal status of the Financial Ombudsman. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA)* = Bulletin of University named after O.E. Kutafin. 2018;(10):45–54. (In Russ.)
10. Turbanov A.V. Self-regulation and protection of the rights of consumers of banking services. *Bankovskoe pravo* = Banking law. 2020;(4):15–26. (In Russ.)
11. Sytdikov R.T. Loan portfolio for individuals of Sberbank of Russia in modern conditions. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika* = Economics and business: theory and practice. 2020;(4–3):55–60. (In Russ.)
12. Guznov A.G., Rozhdestvenskaya T.E. *Publichno-pravovoe regulirovanie finansovogo rynka v Rossiyskoy Federatsii: monografiya. 2-e izd., ispr. i dop.* = Public law regulation of the financial market in the Russian Federation: monograph. 2nd ed., revised and supplemented.

- tion of the financial market in the Russian Federation: monograph. The 2nd edition, revised and supplemented. Moscow: Yurayt, 2019:500. (In Russ.)
13. Omarov M.Z. The value of household savings for the formation of the deposit policy of banks. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya* = Trends in the development of science and education. 2020;(58):38–40. (In Russ.)
 14. Guruleva O.S. Deposit insurance system in the Russian Federation. Problems and development prospects. *Molodoy uchenyy* = Young scientist. 2018;(16):200–203. (In Russ.)
 15. Shadurskaya M.M. The deposit insurance system: problems of functioning and directions of reformation. *Human Progress*. 2017;(2):1–10. (In Russ.)
 16. Zhukov V.Yu. Deposit insurance. *Vestnik nauki i obrazovaniya* = Bulletin of science and education. 2018;2(6):12–14. (In Russ.)
 17. Ismailov I.Sh., Bautin A.G. Comparative analysis of the insurance system of the Russian Federation, Ukraine and the Republic of Belarus. *Obrazovanie i pravo* = Education and law. 2021;(1):128–133. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Дмитрий Сергеевич Храмов
аспирант, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

Dmitry S. Khramov
Postgraduate student, Penza State
University (40 Krasnaya street, Penza,
Russia)

E-mail: di-xr1998@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 14.10.2022

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 25.11.2022

Принята к публикации / Accepted 15.12.2022

УДК 34.096

doi:10.21685/2072-3016-2022-4-10

Антикоррупционная экспертиза как вид деятельности органов прокуратуры Российской Федерации по противодействию коррупции

Е. В. Платов

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

platovfsin@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Проведен анализ антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов, осуществляемой органами прокуратуры. Автор отмечает, что, несмотря на положительные результаты прокурорской практики проведения антикоррупционной экспертизы, по-прежнему в действующем законодательстве содержатся нормативные предписания, способствующие появлению коррупционных деяний, а также присутствует ряд проблем в организации и проведении антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов. Целью исследования является разработка определения и уточнение объекта антикоррупционной экспертизы. *Материалы и методы.* Исследовательские цели были достигнуты благодаря научному анализу источников, посвященных антикоррупционной экспертизе. В качестве методов исследования были выбраны диалектический метод, системный подход и формально-юридический метод. *Результаты.* Проведен анализ объекта антикоррупционной экспертизы, который необходимо расширить, включив в него нормативные договоры (соглашения) и их проекты, правоприменительные акты. *Выводы.* Ценность института антикоррупционной экспертизы велика. Именно благодаря данной профилактической мере воздействия можно исключить злоупотребление правом и произвол со стороны должностных лиц. Между тем необходимо совершенствовать действующее законодательство, регламентирующее правила и методику проведения антикоррупционной экспертизы.

Ключевые слова: антикоррупционная экспертиза, нормативный правовой акт, проект нормативного правового акта, объект антикоррупционной экспертизы, прокуратура, методика проведения антикоррупционной экспертизы, коррупционные деяния

Для цитирования: Платов Е. В. Антикоррупционная экспертиза как вид деятельности органов прокуратуры Российской Федерации по противодействию коррупции // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2022. № 4. С. 111–120. doi:10.21685/2072-3016-2022-4-10

Anti-corruption expertise as a type of anti-corruption activity of the prosecutor's office of the Russian Federation

E.V. Platov

Penza State University, Penza, Russia

platovfsin@mail.ru

Abstract. *Background.* The article analyzes the anti-corruption expertise of regulatory legal acts and their projects carried out by the prosecutor's office. The author notes that, despite the positive results of the prosecutor's practice of conducting anti-corruption expertise, the current legislation still contains regulatory prescriptions that contribute to the appearance of

corruption acts, and there are also a number of problems in the organization and conduct of anti-corruption expertise of regulatory legal acts and their projects. The purpose of the study is to develop a definition and clarify the object of anti-corruption expertise. *Materials and methods.* The research goals were achieved thanks to the scientific analysis of sources devoted to anti-corruption expertise. The dialectical method, the systematic approach and the formal legal method were chosen as the research methods. *Results.* The article analyzes the object of anti-corruption expertise, which needs to be expanded to include regulatory agreements (agreements) and their drafts, law enforcement acts. *Conclusions.* The value of the Institute of anti-corruption expertise is great. It is thanks to this preventive measure of influence that abuse of law and arbitrariness on the part of officials can be eliminated. Meanwhile, it is necessary to improve the current legislation regulating the rules and methodology of anti-corruption expertise.

Keywords: anti-corruption expertise, regulatory legal act, draft regulatory legal act, object of anti-corruption expertise, prosecutor's office, methodology of anti-corruption expertise, corruption acts

For citation: Platov E.V. Anti-corruption expertise as a type of anti-corruption activity of the prosecutor's office of the Russian Federation. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki = University proceedings. Volga region. Social sciences.* 2022;(4):111–120. (In Russ.). doi:10.21685/2072-3016-2022-4-10

В соответствии с п. 2 ст. 6 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (далее – Закон о противодействии коррупции) антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов выступает профилактической мерой предупреждения коррупции, нормативно закреплённой в Федеральном законе от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» (далее – Закон об антикоррупционной экспертизе).

В настоящее время интерес к данному правовому институту не ослабевает. Сегодня существует достаточно обширная практика проведения антикоррупционных исследований ведомственных актов [1, с. 164–168]. Кроме того, на страницах печати стало больше уделяться внимания изучению отдельных аспектов антикоррупционной экспертизы, в частности исследуются объект и предмет антикоррупционной экспертизы, проводится сравнительно-правовой анализ антикоррупционной экспертизы и оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов и др.

Субъектами проведения антикоррупционной экспертизы могут быть определенные органы публичной власти. Однако особая роль в проведении данной экспертизы отведена органам прокуратуры.

Анализ прокурорской практики свидетельствует об определенных положительных тенденциях и эффективности проведения антикоррупционной экспертизы органами прокуратуры. Вместе с тем по-прежнему в действующем законодательстве содержатся нормативные предписания, способствующие появлению коррупционных деяний, а также присутствует ряд проблем в организации и проведении антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов.

Антикоррупционную экспертизу нормативных правовых актов и их проектов как правовую оценку нормативного правового акта или его проекта с позиции соответствия целей, задач и формы такого акта, содержащихся в нем норм [2, с. 29–38], отличает ряд черт:

– антикоррупционная экспертиза – это особая разновидность познавательной деятельности, осуществляемая в целях выявления факторов, порождающих коррупцию [3, с. 110–111], и, как следствие, устранения несовершенства действующего законодательства;

– объектом исследования выступают нормативные правовые акты и их проекты;

– предметом данного вида экспертизы является установление связи объекта с коррупционным поведением;

– субъектами проведения исследования могут быть органы прокуратуры, подразделения Минюста РФ, иные органы публичной власти и институты гражданского общества, а в случае проведения независимой антикоррупционной экспертизы – и граждане;

– итогом проведения антикоррупционной экспертизы служит заключение эксперта, требование прокурора об изменении нормативного правового акта или обращение прокурора в суд.

Вместе с тем в юридической литературе ведутся споры о разграничении объекта и предмета антикоррупционной экспертизы [4, с. 41–53]. Так, А. В. Кудашкин считает, что объектом антикоррупционной экспертизы выступают социальные связи, урегулированные действующим законодательством, а предметом являются нормативные правовые акты и их проекты [5, с. 100]. Вместе с тем уверены, что объектом антикоррупционной экспертизы могут быть только нормативные правовые акты и их проекты, поскольку именно на них направлено антикоррупционное исследование. В качестве предмета антикоррупционной экспертизы следует понимать установление связи положений нормативного правового акта с коррупционными проявлениями вовне.

Ценность института антикоррупционной экспертизы велика. Именно благодаря данной профилактической мере воздействия можно исключить злоупотребление правом, произвол со стороны должностных лиц, не допускающая нарушения прав и законных интересов различных субъектов [6, с. 78]. Можно полностью согласиться с мнением Н. Н. Песцовой, отмечающей, что основная задача этой экспертизы состоит «в обеспечении такой нормативно-правовой основы деятельности государственных и муниципальных служащих, процедур реализации гражданами и юридическими лицами своих прав и обязанностей, которая лишала бы должностных лиц возможности злоупотреблять своими полномочиями, значительно усложняла бы условия вступления в коррупционные отношения и тем самым снижала бы риски совершения коррупционных правонарушений» [7, с. 227].

Антикоррупционная экспертиза как профилактическая мера коррупции имеет очень важное значение. Во-первых, антикоррупционная экспертиза приобрела масштабный характер. Во-вторых, среди профилактических мер это средство воздействия является одним из наиболее эффективных. В-третьих, антикоррупционная экспертиза не потеряет своей актуальности и необходимости ее проведения в будущем, поскольку действующее законодательство всегда имело и продолжит сохранять определенные коррупциогенные факторы ввиду недостаточной квалификации разработчиков нормативных правовых актов, вмешательства в правотворческий процесс других должностных лиц и т.д. Кроме того, независимость сотрудников прокуратуры

от иных государственно-властных структур придает результатам проведения антикоррупционной экспертизы объективный [8, с. 34] и обязательный характер [9, с. 172].

Как уже отмечалось, объектом антикоррупционной экспертизы выступают прежде всего нормативные правовые акты. Вместе с тем законодательное определение нормативного правового акта как таковое отсутствует [10, с. 94]. Хотя в подзаконных актах и правовых позициях высших судебных инстанций содержится такое определение¹. Поэтому необходимо систематизировать данные определения и закрепить в Законе об антикоррупционной экспертизе понятие нормативного правового акта и его проекта. Тем более опыт таких действий известен странам СНГ, в которых проводится антикоррупционная экспертиза различных правовых актов².

Исчерпывающий перечень нормативных правовых актов Российской Федерации дан в ст. 1 Закона о противодействии коррупции. В частности, к таковым относятся:

- федеральные нормативные правовые акты;
- нормативные правовые акты органов государственной власти субъектов Российской Федерации;
- муниципальные правовые акты.

Между тем проведенный анализ действующего законодательства позволил прийти к выводу о том, что ряд нормативных правовых актов не могут быть объектом антикоррупционной экспертизы. К примеру, требования о проведении антикоррупционной экспертизы распространяется только на лицензионное законодательство, тогда как регистрационное законодательство, законодательство о сертификации продукции и услуг не охватывается антикоррупционной экспертизой [11, с. 68].

Объектом антикоррупционной экспертизы не могут быть правоприменительные акты [12, с. 94]. Вместе с тем, не являясь нормативным правовым актом, данный вид актов может включать коррупциогенные нормы, которые в последующем приведут к совершению коррупционных деяний. О целесообразности включения в перечень объектов антикоррупционной экспертизы свидетельствуют данные анкетирования прокурорских работников по теме «Деятельность органов прокуратуры Российской Федерации по противодействию

¹ Разъяснения о применении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации, утв. приказом Министерства юстиции РФ от 4 мая 2007 г. № 88 // Российская газета. 2007. № 108 ; По делу о проверке конституционности постановлений Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 21 июля 1995 года № 1090-1 ГД «О некоторых вопросах применения Федерального закона “О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации”, “О статусе судей в Российской Федерации”» и от 11 октября 1996 года № 682-11 ГД «О порядке применения пункта 2 статьи 855 Гражданского кодекса Российской Федерации» : постановление Конституционного Суда РФ № 17-П от 17 ноября 1997 г. // Собрание законодательства РФ. 1997. № 47. Ст. 5492 ; О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов полностью или в части : постановление Пленума Верховного Суда РФ № 48 от 29 ноября 2007 г. (ред. от 9 февраля 2012 г.) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2008. № 1.

² О правовых актах : закон Республики Казахстан № 480-V от 06 апреля 2016 г. // Юрист. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=37312788 ; О нормативных правовых актах Республики Беларусь : закон Республики Беларусь № 361-З от 10 января 2000 г. // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=h10000361> ; О нормативных правовых актах Кыргызской Республики : закон Кыргызской Республики № 241 от 20 июля 2009 г. URL : <http://minjust.gov.kg/ru/content/629> ; О правовых актах : закон Республики Армения от 03 апреля 2002 г. // Национальное Собрание Республики Армения. URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1280&lang=rus#1>

коррупции: основание и содержание», проведенного автором научной статьи в 2021 г.¹ Так, из 80 опрошенных 68 % полностью или частично поддержали мнение о том, что органы прокуратуры могут и должны проводить антикоррупционную экспертизу правоприменительных актов. При этом 32 % не поддержали.

Однако проведение антикоррупционной экспертизы в правоприменительной деятельности должно иметь правовое регулирование, которое определяло бы порядок проведения антикоррупционной экспертизы, формы реагирования и способы устранения коррупциогенных факторов. В качестве субъекта, который мог осуществлять такую экспертизу, могла бы выступить прокуратура Российской Федерации.

Объектом антикоррупционной экспертизы не могут быть ненормативные правовые акты и правовые акты, содержащие разъяснения законодательства. В качестве примера можно назвать разъяснительные письма Федеральных служб России. Поэтому в случае необходимости исключения из текста таких правовых актов коррупциогенного фактора необходимо обращаться в арбитражный суд или суд общей юрисдикции в порядке, установленном нормами Арбитражного процессуального кодекса РФ и Кодекса административного судопроизводства РФ.

Сложность в определении объекта антикоррупционной экспертизы заключается еще и в противоречии действующего законодательства. В частности, Закон о противодействии коррупции к объекту проведения антикоррупционного исследования относит правовые акты и их проекты, тогда как Закон об антикоррупционной экспертизе – нормативные правовые акты и их проекты [13, с. 214]. Понятие правового акта шире понятия нормативного правового акта, поскольку включает в себя правовые акты, не относящиеся к нормативным, а также правовые акты, содержащие разъяснения законодательства.

Кроме того, законодатель не отнес к числу объектов антикоррупционной экспертизы нормативные договоры (соглашения) и их проекты. Между тем принятие таких актов² возможно во многих регионах России [14, с. 46]. Поэтому представляется необходимым расширить круг объектов антикоррупционной экспертизы.

В последнее время нередко объектом антикоррупционной экспертизы стали выступать проекты нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации. Однако ст. 9 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – Закон о прокуратуре) и Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 17.09.2007 г. № 144 «О правотворческой деятельности органов прокуратуры и улучшении взаимодействия с законодательными (представительными) и исполнительными органами государственной власти и органами местного самоуправления» предоставляют полномочия прокурорам проводить антикоррупционную экспертизу исключительно в отношении нормативного правового акта. Правовым основанием осуществления такой деятельности чаще всего выступают

¹ Опросы проводились в органах прокуратуры среди прокурорских работников (80 человек) в Республике Северная Осетия – Алания, Ростовской, Пензенской областях.

² В качестве примера можно назвать:

– договоры (соглашения) между органами публичной власти одного субъекта Российской Федерации и законодательными (представительными) органами государственной власти иных регионов;
– договоры о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными и региональными органами государственной власти.

соглашения о взаимодействии, заключаемые между органами прокуратуры и органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации. Но договоры о взаимодействии и сотрудничестве нельзя рассматривать в качестве нормативного основания проведения антикоррупционной экспертизы.

В этой связи региональные органы публичной власти при получении требования прокурора об изменении содержания проекта нормативного правового акта, содержащего коррупциогенный фактор, могут вообще не принимать его во внимание. Ведь законодательством не предусмотрена обязанность и, следовательно, не установлена ответственность за невыполнение требований прокурора, полученных вне пределов полномочий прокурора. Конечно, в последующем, после принятия нормативного правового акта, прокурор может опротестовать незаконный акт. Но такой подход приводит к излишней трате времени, которой можно было бы избежать, если бы действующее законодательство предоставило прокурору соответствующие полномочия.

По этой причине необходимо законодательно закрепить механизмы работы органов прокуратуры с проектами нормативных правовых актов. В противном случае нерегламентированное осуществление полномочий органами прокуратуры ведет к неправильному восприятию функций и полномочий органов прокуратуры.

Важно совершенствовать и методику проведения антикоррупционной экспертизы [15, с. 6]. Например, предоставить органам прокуратуры полномочия по обобщению существующей практики с последующей выработкой методических рекомендаций по выявлению конкретных коррупциогенных факторов. В ходе проведенного нами анкетирования прокурорских работников из 80 опрошенных 65 % полностью или частично поддерживали такое мнение. При этом 24 % не поддерживали, а 11 % затруднились ответить.

Таким образом, законодательно проведение антикоррупционной экспертизы должно быть связано с прокуратурой Российской Федерации. Между тем антикоррупционная экспертиза не является самостоятельной функцией или самостоятельным направлением органов прокуратуры. Подтверждением этого служат положения ст. 9.1 Закона о прокуратуре, согласно которым прокурор проводит антикоррупционную экспертизу в ходе осуществления своих полномочий. Сравнительный анализ ст. 9.1 Закона о прокуратуре и ст. 23 этого же Закона, регламентирующей порядок принесения протеста на противоречащий закону правовой акт, говорит о тождественности содержания [16, с. 158]. Следовательно, проведение антикоррупционной экспертизы можно рассматривать в качестве неотъемлемой составляющей надзорной функции.

В пользу сделанного вывода говорят следующие особенности проведения антикоррупционной экспертизы.

Во-первых, антикоррупционная экспертиза проводится только в рамках осуществления надзорных полномочий в процессе проверки соблюдения законодательства, указанного в ч. 2 ст. 3 Закона об антикоррупционной экспертизе.

Во-вторых, по окончании антикоррупционной экспертизы силами органов прокуратуры решаются проблемы широкого круга лиц, снимается социальная напряженность, повышается доверие к правоохранительным органам

и государству в целом. Так, в марте 2020 г. Генеральная прокуратура Российской Федерации выявила коррупционный фактор в виде отсутствия или неполноты административных процедур в Приказе Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 13.06.2017 № 486н, который по инициативе Генеральной прокуратуры Российской Федерации был в последующем исключен.

Анализ действующего законодательства показывает, что нормативно не определен орган государственной власти, который отвечал бы за координацию, методическое обеспечение и оценку эффективности проведенной антикоррупционной экспертизы. Вместе с тем необходимость в таком координационном органе имеется. В качестве такового могут выступить органы прокуратуры Российской Федерации. Прокуратура, на наш взгляд, имея опыт координационной работы по борьбе с преступностью, смогла бы осуществлять функции координатора в области антикоррупционной экспертизы. Прокуратура на правах координатора могла бы вести статистическую отчетность о результатах проведения антикоррупционной экспертизы, выявлять недостатки в работе по данному направлению, мониторить законодательство, приведенное в соответствие с требованиями прокурора, принимать обзоры типичных коррупционных факторов и способов их устранения. Но такое предложение требует внесения соответствующих изменений в действующее законодательство.

Подводя итог сказанному, считаем уместным предложить в Закон об антикоррупционной экспертизе внести изменения, уточнив перечень объектов антикоррупционной экспертизы. В частности, в ч. 1 ст. 1 Закона об антикоррупционной экспертизе предлагается в качестве таковых рассматривать:

- нормативные правовые акты;
- проекты нормативных правовых актов;
- нормативные договоры (соглашения);
- проекты нормативных договоров (соглашений);
- правоприменительные акты.

Кроме того, необходимо предоставить органам прокуратуры полномочия по обобщению существующей практики проведения антикоррупционной экспертизы с последующей выработкой методических рекомендаций по выявлению конкретных коррупционных факторов в правовых документах, по ведению статистической отчетности о результатах антикоррупционной экспертизы.

Последнее предложение требует внесения соответствующих изменений в действующее законодательство. На основании этого считаем целесообразным Закон о прокуратуре дополнить ст. 9.2 «Координация деятельности по проведению антикоррупционной экспертизы» следующего содержания:

«Органы прокуратуры осуществляют координацию деятельности по проведению антикоррупционной экспертизы.

В целях обеспечения координационной деятельности по проведению антикоррупционной экспертизы прокурор истребует статистическую и иную информацию, обеспечивает методическую помощь субъектов, проводящих антикоррупционную экспертизу, осуществляет иные полномочия в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации».

Список литературы

1. Русских В. В. Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов МВД России: сущность, виды // Юрист-Правоведъ. 2022. № 3 (102). С. 164–168.
2. Казаченкова О. В. Административно-правовое регулирование антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации // Административное и муниципальное право. 2010. № 9 (33). С. 29–38.
3. Жданова Д. М. Деятельность органов прокуратуры при проведении антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 11-3 (62). С. 110–113.
4. Акунченко Е. А. Ретроспектива и перспектива понимания объекта и предмета антикоррупционной экспертизы // Lex Russica (Русский закон). 2022. Т. 75, № 10 (191). С. 41–53.
5. Кудашкин А. В. Антикоррупционная экспертиза: теория и практика: научно-практическое пособие. М. : Норма, 2012. 366 с.
6. Воронина Ю. И. Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов как средство противодействия коррупции в современной России: теоретико-правовой аспект // Вестник Тюменского государственного университета. 2012. № 3. С. 74–79.
7. Песцова Н. Н. Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов: общетеоретический аспект // Охрана и защита прав и законных интересов в современном праве : сб. ст. по результатам Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 т. (г. Симферополь, 10 декабря 2021 г.) / под ред. Е. В. Евсиковой, И. В. Хмиль. Симферополь : Ариал, 2022. С. 224–233.
8. Шабанов Х. М., Мамедова П. Ш. Антикоррупционная экспертиза нормативно-правовых актов органов прокуратуры Российской Федерации // Государственная служба и кадры. 2020. № 2. С. 34–35.
9. Коннов И. А. Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов и оценка регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов // История, теория, практика российского права : сб. науч. работ / гл. ред. С. Н. Токарева. Курск : Курский государственный университет, 2020. С. 170–176.
10. Хохрякова Э. А. Проведение антикоррупционной экспертизы инормативно-правовых актов органами прокуратуры: постановка проблемы // Правопорядок: история, теория, практика. 2018. № 3 (18). С. 93–96.
11. Субанова Н. В. Разрешительная система – приоритетная сфера противодействия коррупции // Законы России: опыт, анализ, практика. 2014. № 4. С. 63–68.
12. Нечевин Д. К. Роль органов прокуратуры при проведении антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2013. № 4-2. С. 93–96.
13. Бородина О. А. Правовые и организационные проблемы органов прокуратуры по проведению антикоррупционной экспертизы // Известия Алтайского государственного университета. 2018. № 6 (104). С. 212–216.
14. Нарутто С. В. Экспертиза проектов актов представительных органов как направление правотворческой деятельности прокуратуры // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 10 (59). С. 38–52.
15. Астанин В. В. Антикоррупционная экспертиза в вопросах доктрины и практики // Российская юстиция. 2016. № 8. С. 5–9.
16. Мелекаев Р. К. Антикоррупционная экспертиза законодательства органами прокуратуры как средство повышения законности и правопорядка в современной России // Гуманитарные и юридические исследования. 2018. № 3. С. 156–161.

References

1. Russkikh V.V. Anti-corruption expertise of normative legal acts of the Ministry of Internal Affairs of Russia: essence, types. *Yurist"-Pravoved"* = Jurist-Pravoved. 2022;(3):164–168. (In Russ.)
2. Kazachenkova O.V. Administrative and legal regulation of anti-corruption expertise of regulatory legal acts of the subjects of the Russian Federation. *Administrativnoe i munitsipal'noe pravo* = Administrative and municipal law. 2010;(9):29–38. (In Russ.)
3. Zhdanova D.M. Activities of the prosecutor's office in the course of anti-corruption expertise of regulatory legal acts. *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk* = International journal of the humanities and natural sciences. 2021;(11-3): 110–113. (In Russ.)
4. Akunchenko E.A. Retrospective and perspective of understanding the object and subject of anti-corruption expertise. *Lex Russica (Russkiy zakon)* = Lex Russica (Russian Law). 2022;75(10):41–53. (In Russ.)
5. Kudashkin A.V. *Antikorrupsionnaya ekspertiza: teoriya i praktika: nauchno-prakticheskoe posobie* = Anti-corruption expertise: theory and practice: scientific and practical textbook. Moscow: Norma, 2012:366. (In Russ.)
6. Voronina Yu.I. Anti-corruption expertise of regulatory legal acts as a means of combating corruption in modern Russia: theoretical and legal aspect. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of Tyumen State University. 2012;(3):74–79. (In Russ.)
7. Pestsova N.N. Anti-corruption expertise of regulatory legal acts: general theoretical aspect. *Okhrana i zashchita prav i zakonnykh interesov v sovremennom prave: sb. st. po rezul'tatam Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.: v 2 t. (g. Simferopol', 10 dekabrya 2021 g.)* = Protection and protection of rights and legitimate interests in modern law: proceedings of the International scientific and practical conference: in 2 volumes (Simferopol, December 10, 2021). Simferopol: Arial, 2022:224–233. (In Russ.)
8. Shabanov Kh.M., Mamedova P.Sh. Antikorrupsionnaya ekspertiza normativno-pravovykh aktov organov prokuratury Rossiyskoy Federatsii. *Gosudarstvennaya sluzhba i kadry* = Public service and personnel. 2020;(2):34–35. (In Russ.)
9. Konnov I.A. Anti-corruption expertise of normative legal acts and their drafts and assessment of the regulatory impact of draft normative legal acts. *Istoriya, teoriya, praktika rossiyskogo prava: sb. nauch. rabot* = History, theory, practice of Russian law: collected papers. Kursk: Kurskiy gosudarstvennyy universitet, 2020:170–176. (In Russ.)
10. Khokhryakova E.A. Carrying out anti-corruption expertise of regulatory legal acts by the prosecutor's office: statement of problems. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* = Law and order: history, theory, practice. 2018;(3):93–96. (In Russ.)
11. Subanova N.V. The licensing system is a priority area for combating corruption. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* = Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2014;(4):63–68. (In Russ.)
12. Nechevin D.K. The role of the prosecutor's office in the conduct of anti-corruption expertise of regulatory legal acts. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki* = Proceedings of Tula State University. Economic and juridical sciences. 2013;(4-2):93–96. (In Russ.)
13. Borodina O.A. Legal and organizational problems of the prosecutor's office in conducting anti-corruption expertise. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta* = Proceedings of Altay State University. 2018;(6):212–216. (In Russ.)
14. Narutto S.V. Examination of draft acts of representative bodies as a direction of law-making activities of the prosecutor's office. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava* = Actual problems of Russian law. 2015;(10):38–52. (In Russ.)

15. Astanin V.V. Anti-corruption expertise in matters of doctrine and practice. *Rossiyskaya yustitsiya* = Russian justice. 2016;(8):5–9. (In Russ.)
16. Melekaev R.K. Anti-corruption expertise of legislation by prosecution authorities as a means of improving the rule of law and law and order in modern Russia. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya* = Humanities and juridical studies. 2018;(3):156–161. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Егор Витальевич Платов
аспирант, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

Egor V. Platov
Postgraduate student, Penza State
University (40 Krasnaya street, Penza,
Russia)

E-mail: platovfsin@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 28.02.2022

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 16.10.2022

Принята к публикации / Accepted 18.11.2022

УДК 342.3

doi:10.21685/2072-3016-2022-4-11

Проблемы определения суверенитета и его значение в современном государственно-правовом развитии Российской Федерации

В. А. Любушкин

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
имени Н. П. Огарёва, Саранск, Россия

valyu82@yandex.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Исследование посвящено изучению проблемы определения суверенитета и его значения в современном государственно-правовом развитии Российской Федерации. Раскрываются различные подходы к пониманию категории «суверенитет». Изучается категория «государственный суверенитет», определяется ее структура и содержание. Проводится рассмотрение определения суверенитета в законодательстве Российской Федерации. Определяются особенности его регламентации и применения в практике функционирования федеративного российского государства. Показывается соотношение общегосударственного суверенитета и его регламентации в субъектах Российской Федерации. Рассматриваются позиции ряда государств о понимании своего суверенитета. Целью исследования является изучение проблемы определения суверенитета и его значение в современном государственно-правовом развитии Российской Федерации. *Материалы и методы.* Используются диалектический, формально-юридический, логический, сравнительно-правовой и другие методы познания. *Результаты.* Современная международная реальность заключается в том, что любое государство, провозглашающее себя правовым государством и тем самым являющееся суверенным, таким образом определяет свой международный правовой статус. В современных условиях нестабильность отношений в мировом сообществе, а также активное развитие глобализационных мировых процессов определяют вопрос о существовании реальной угрозы исчезновения суверенитета многих государств. Важное значение для независимости государства, имеющего федеративное устройство, играет суверенитет. Особое значение он приобретает для многонационального государства, построенного по территориально-национальному признаку, коим является Российская Федерация. В таком государстве каждая нация имеет право на свое самоопределение. Сегодняшняя глобализация, возрастание роли международного сотрудничества, переориентация в объединении различных государств требуют серьезного переосмысления категории «суверенитет» и элементов, в нее входящих. Современное значение определения места и роли суверенитета в государственно-правовом развитии Российской Федерации невозможно недооценивать. *Выводы.* Суверенитет объединяет в себе несколько составляющих: территориальную, народ и суверенную власть. Государственный суверенитет является основой всех уровней публичной власти (государственной и муниципальной), судебной власти, где осуществляется полнота власти на всей территории национального государства и где происходит отрицание любого влияния власти иностранного государства и неподчинение власти любого зарубежного государства. Для сегодняшнего мироустройства характерно объединение государств, где одно государство может идти на частичное ограничение своего суверенитета только на основе взаимности и добровольности. Суверенитет в самом общем понимании можно определить как самостоятельность, полноту государственной власти, имеющей независимость и верховенство в государстве. Также необходимо отметить его обособленность внутри

всего международного сообщества. Поддерживаем идею создателей общей теории суверенитета о том, что не может быть самостоятельности государства без его суверенитета. Государственный суверенитет по своей сути представляет собой господство целого над его составными частями. Суверенитет неделим и абсолютен. Важно сегодня определить запрет на какие-либо юридические изменения составляющих суверенитета России, в частности на передачу Россией, органами и должностными лицами части территории своей страны иностранному государству. В России нельзя образовывать какие-либо общественные структуры, которые определяют целью своей деятельности нарушение суверенитета нашей страны. Совершенно правильным с правовой стороны является включение в состав России новых субъектов: Республики Крым, Донецкой народной республики, Луганской народной республики, Херсонской и Запорожской областей, а также последующие мероприятия в виде проведения специальной военной операции, введения военного положения на этих территориях и др., которые обеспечивают суверенитет Российской Федерации. Рассуждая о сложном составе государства, в частности о федеративной России, можно говорить только о наличии общефедерального государственного суверенитета. Регионы России не обладают собственным суверенитетом и не могут определять его в собственном конституционном законодательстве. Одной из наиболее опасных тенденций международных отношений выступает неприкрытое стремление ограничить суверенитет того или иного государства посредством явно высказываемых угроз введения экономических санкций и иных ограничительных мер. Противостоять такому стремлению способны только те государства, суверенитет которых наполнен экономической, социальной и подобной материей. Для обеспечения государственного суверенитета необходима грамотная внутренняя политика, направленная на придание стабильности и устойчивости экономической, социальной, политической сфер.

Ключевые слова: суверенитет, государственный суверенитет, государство, Российская Федерация, Конституция Российской Федерации, субъект Российской Федерации

Для цитирования: Любушкин В. А. Проблемы определения суверенитета и его значение в современном государственно-правовом развитии Российской Федерации // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2022. № 4. С. 121–131. doi:10.21685/2072-3016-2022-4-11

Issues of defining sovereignty and its significance in the modern state and legal development of the Russian Federation

V.A. Lyubushkin

Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russia
valyu82@yandex.ru

Abstract. Background. The article is devoted to the study of the determining sovereignty issue and its significance in the modern state-legal development of the Russian Federation. Various approaches to understanding the category of “sovereignty” are revealed. The category of “state sovereignty” is studied, its structure and content are determined. The definition of sovereignty in the legislation of the Russian Federation is being considered. The features of its regulation and application in the practice of functioning of the federal Russian state are determined. The correlation of federal sovereignty and its regulation in the subjects of the Russian Federation is shown. The positions of a number of states on the understanding of their sovereignty are considered. The purpose of the research is to study of determining sovereignty issue and its significance in the modern state-legal development of the Russian Federation. *Materials and methods.* The article uses dialectical, formal-legal, logical, comparative-legal and other methods of cognition. *Results.* The modern international

reality is that any State proclaiming itself to be a State governed by the rule of law and thereby being sovereign thus determines its international legal status. In modern conditions of instability of relations in the world society, as well as the active development of globalizing world processes, determine the question of the existence of a real threat of the disappearance of the sovereignty of many states. Sovereignty plays an important role for the independence of a state with a federal structure. It is of particular importance for a multinational state built on a territorial-national basis, which is the Russian Federation. In such a State, each nation has the right to its own self-determination. Today's globalization, the increasing role of international cooperation, and the reorientation in the unification of various States require a serious rethinking of the category of "sovereignty" and its elements. The modern significance of determining the place and role of sovereignty in the state-legal development of the Russian Federation cannot be underestimated. *Conclusions.* Sovereignty combines several components: territorial, people and sovereign power. State sovereignty is the basis of all levels of public power (state and municipal), judicial power where the fullness of power is exercised throughout the territory of the national state, and where there is a denial of any influence of the power of a foreign state and non-subordination to the power of any foreign state. Today's world order is characterized by the unification of states, where one state can go to a partial limitation of its sovereignty only on the basis of reciprocity and voluntariness. Sovereignty in its general sense can be defined as independence, the fullness of state power having independence and supremacy in the state. Also, it should be noted, its isolation within the entire international community. We support the idea of the creators of the general theory of sovereignty that there can be no independence of the state without its sovereignty. State sovereignty is essentially the domination of the whole over its constituent parts. Sovereignty is indivisible and absolute. It is important today to define a ban on any legal changes to the components of Russia's sovereignty. In particular, not to any foreign state, or their state power of transferring part of the territory of Russia. In Russia, it is impossible to form any public structures that determine the purpose of their activities to violate the sovereignty of our country. It is absolutely correct from the legal side to include new subjects into Russia: the Republic of Crimea, the Donetsk People's Republic, the Luhansk People's Republic, the Kherson and Zaporozhskaya oblasts, as well as subsequent measures in the form of a special military operation, the introduction of martial law in these territories and other things that ensure the sovereignty of the Russian Federation. Speaking about a composite state, in particular the federal Russian Federation, we can only talk about the presence of federal state sovereignty. The regions of Russia do not have their own sovereignty and cannot define it in their own constitutional legislation. One of the most dangerous trends in international relations is the undisguised desire to limit the sovereignty of a particular State through explicit threats of economic sanctions and other restrictive measures. Only those States whose sovereignty is "filled" with economic, social, etc. matter can resist such an aspiration. In order to ensure State sovereignty, a competent domestic policy aimed at ensuring stability and sustainability of the economic, social, and political spheres is necessary.

Keywords: sovereignty, state sovereignty, state, Russian Federation, Constitution of the Russian Federation, subject of the Russian Federation

For citation: Lyubushkin V.A. Issues of defining sovereignty and its significance in the modern state and legal development of the Russian Federation. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki* = *University proceedings. Volga region. Social sciences*. 2022;(4):121–131. (In Russ.). doi:10.21685/2072-3016-2022-4-11

Введение

Современная международная реальность заключается в том, что любое государство, провозглашающее себя правовым государством и тем самым являющееся суверенным, таким образом определяет свой международный

правовой статус. Это проявляется в том, что в основных законах закрепляется принцип суверенитета, который определяет независимость во внешних и внутренних вопросах жизнедеятельности. В суверенных государствах на первый план выступает защита и охрана прав граждан, и в первую очередь их естественных прав, например права на жизнь, достоинство, личную и частную неприкосновенность.

Для правового государства характерно определение главного источника власти, его народа, и вся система законодательства построена с точки зрения закрепления возможности народа участвовать в управлении делами государства через государственные и муниципальные органы, тем самым обеспечивается защита государственного суверенитета.

Президент Российской Федерации В. В. Путин определил: «Суверенитет России – гарантия свободы каждого, а власть будет служить только народу. Суверенитет – это гарантия свободы каждого, и в нашей традиции человек не может чувствовать себя по-настоящему свободным, если не свободен его народ, Отечество, Россия, Родина. Ответственная, сильная власть в нашем государстве будет служить только народу России, и его поддержка по ключевым вопросам внутренней и внешней повестки – залог успешного, безопасного развития нашей страны как одного из центров формирующегося сейчас более справедливого многополярного мира» [1].

В современных условиях нестабильности отношений в мировом сообществе, а также активном развитии глобализационных мировых процессов встает вопрос о существовании реальной угрозы исчезновения суверенитета многих государств. Непосредственно это можно наблюдать в создании надгосударственных структур, например Европейского союза, НАТО, которые фактически осуществляют захват части национальных суверенитетов, входящих в такие организации стран. В данном случае в нарушение многих международных норм происходит принудительная передача ряда суверенных прав и свобод.

Важное значение для независимости государства, имеющего федеративное устройство, играет суверенитет. Особое значение он приобретает для многонационального государства, построенного по территориально-национальному признаку, коим является Российская Федерация. В таком государстве каждая нация имеет право на свое самоопределение. Например, в ст. 26 Конституции Российской Федерации утверждается: «1. Каждый вправе определять и указывать свою национальную принадлежность. Никто не может быть принужден к определению и указанию своей национальной принадлежности. 2. Каждый имеет право на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества» [2]. Здесь необходимо указать, что государство должно выстраивать такую свою государственно-правовую политику, при которой будет обеспечено равенство всех наций, существующих в рамках такой федерации.

Таким образом, изучение суверенитета, его роли в развитии государственности, правовом регулировании, проблем, существующих в этом вопросе, перспектив дальнейшего развития в современном государственно-правовом развитии Российской Федерации является важным актуально-правовым исследованием.

Для любой конституции государства важнейшим закрепленным принципом является суверенитет. На протяжении длительного времени многие

ученые пытаются объяснить, что же такое суверенитет. Конечно, на их взгляды существенное влияние оказывает историческое развитие государства, в особенности правовая политика, которая реализуется на конкретный период развития страны. Можно привести ряд представлений категории «суверенитет», которые определили известные ученые. Так, С. А. Авакьян определял: «Суверенитет государства – это имманентно (внутренне) присущее ему свойство. Оно выражается в таких характеристиках, как верховенство, единство, самостоятельность и независимость государства и государственной власти» [3, с. 42]. С. Н. Бабурин говорил: «Суверенитет характеризует юридическую природу осуществляющегося государственного властвования, как политический и правовой принцип определяет отношения между государством и гражданином, отношения между государствами» [4, с. 45]. М. Н. Марченко сказал: «В юридическом плане суверенитет государства, выражающийся в его верховенстве и независимости, всегда един, неотчуждаем и неделим» [5, с. 90]. О. Е. Кутафин определял: «Суверенитет государства – это свойство государственной власти самостоятельно и независимо от власти других государств осуществлять свои функции на его территории и за ее пределами в международном общении» [6, с. 145]. А. Н. Кокотов считает: «Суверенитет страны выражается в совокупности ее суверенных прав, имеющих целью закладку всех необходимых и достаточных признаков самостоятельного и независимого государства, осуществляющего на своей территории верховную власть» [7, с. 273]. М. В. Баглай дал такое определение: «Под суверенитетом государства понимается верховенство и независимость государственной власти внутри своей территории и по отношению к другим государствам» [8, с. 125]. А. В. Зиновьев считает: «Суверенитет – это не свойство государственной власти, а главный атрибут государства, который государственная власть призвана охранять, защищать и без которого государство превращается в квазигосударство» [9, с. 21].

Анализируя предложенные определения суверенитета, можно найти общее, что поддерживается многими учеными. В частности, то что суверенитет объединяет в себе несколько составляющих: территориальную, народ и суверенную власть. В данном случае, развивая общие подходы к пониманию суверенитета, можно определить, что государственный суверенитет является основой всех уровней публичной власти (государственной и муниципальной), судебной власти, где осуществляется полнота власти на всей территории национального государства и где происходит отрицание любого влияния власти иностранного государства и неподчинение власти любого зарубежного государства. Однако в качестве оговорки необходимо отметить, что для сегодняшнего мироустройства характерно объединение государств, где одно государство может идти на частичное ограничение своего суверенитета только на основе взаимности и добровольности.

Суверенитет в самом общем понимании можно определить как самостоятельность, полноту государственной власти, имеющей независимость и верховенство в государстве. Также необходимо отметить его обособленность внутри всего международного сообщества.

Многие юристы отождествляют верховную власть с суверенитетом, поскольку считают, что кроме государственной власти на территории государства не может быть какой-либо иной власти. Можно поддержать идею создателей общей теории суверенитета о том, что не может быть самостоятельности государства без его суверенитета.

Также важнейшей основой государственности является связь суверенитета с монополией государства на применение законного насилия. Содержанием этого признака является право использовать меры насилия для поддержания на всей территории государства правопорядка, что характеризует только суверенное государство. В этом отношении можно согласиться с теми исследователями, по мнению которых государственный суверенитет по своей сути представляет собой господство целого над его составными частями [4, с. 122].

Если рассматривать такие признаки государства, как целостность и единство, можно отметить, что суверенитет неделим и абсолютен. Здесь органам федерального управления принадлежит вся полнота власти над всеми частями, составляющими субъектный состав федеративного государства. С этой точки зрения суверенитет государства неделим. Однако если встать на позиции возможности деления суверенитета, то тогда нужно признать возможность субъектов федерации выходить из состава федеративного государства.

В соответствии со ст. 3 Конституции Российской Федерации 1993 г. носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ. Статья 4 объявляет Россию суверенным государством с федеративной формой территориальной организации. Соответственно, суверенитет охватывает всю территорию государства. Конституция Российской Федерации и федеральные законы имеют верховенство на всей территории Российской Федерации. Российская Федерация обеспечивает целостность и неприкосновенность своей территории. Также ст. 67 определяет, что Российская Федерация обладает суверенными правами и осуществляет юрисдикцию на континентальном шельфе и в исключительной экономической зоне Российской Федерации [2].

Обращаясь к истории формирования суверенитета России, необходимо указать на Декларацию о государственном суверенитете Российской Федерации, которая была принята на I Съезде народных депутатов России 12 июня 1990 г. [10]. Главным итогом развития демократических преобразований можно считать то, что в соответствии с этим документом Россия была объявлена суверенным государством и были определены главные гарантии этого суверенитета, в частности в области политических, экономических и правовых аспектов.

Закон РФ «О государственной границе Российской Федерации» определил понятие государственной территории¹. В данном случае определяются элементы, на которые распространяется суверенитет. К ним относятся суша, недра, воздушное пространство в пределах установленной государственной границы России.

Очень важно сегодня определить запрет на какие-либо юридические изменения составляющих суверенитета России, в частности на передачу Россией, органами и должностными лицами части территории своей страны иностранному государству. Также в России нельзя образовывать какие-либо общественные структуры, которые определяют целью своей деятельности нарушение суверенитета нашей страны.

¹ О Государственной границе Российской Федерации : закон Российской Федерации от 1 апреля 1993 г. № 4730-1 : [последняя редакция] // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3140/

Важное правило относительно вопроса о государственной целостности, который реализуется исключительно введением военного или чрезвычайного положения, определил Конституционный Суд Российской Федерации в своем Постановлении от 31 июля 1995 г. № 10-П, где сказано, что использование иных мер, а следовательно, и «федеральная интервенция» возможны в «экстраординарных ситуациях»¹. Такой подход связан с обеспечением суверенитета государства, и государственная власть в данном случае может принимать решения, связанные с сохранением целостности Российской Федерации.

Такое понимание очень важно сегодня, когда мы оцениваем правовые возможности принятия в Российскую Федерацию или создания в ней новых субъектов. Соответственно, совершенно правильным с правовой стороны является включение в состав России новых субъектов: Республики Крым, Донецкой народной республики, Луганской народной республики, Херсонской и Запорожской областей, а также последующие мероприятия в виде проведения специальной военной операции, введения военного положения на этих территориях и др., которые обеспечивают суверенитет Российской Федерации.

Таким образом, конституционная регламентация суверенитета возможна только в государствах, которые имеют свой реальный суверенитет.

Если говорить о сложносоставном государстве, в частности федеративной России, то можно определить наличие только общефедерального государственного суверенитета. Регионы России не обладают собственным суверенитетом и не могут определять его в собственном конституционном законодательстве. Однако в развитие конституционного регулирования России субъекты Федерации могут закрепить основы конституционного строя Российской Федерации. Отметим, что субъекты России могут, но не обязаны этого делать. И соответственно, в любом случае на территории любого региона действуют основы конституционного строя Российской Федерации. Доказательством такого вывода является то, что в силу особого правового положения Конституции Российской Федерации она является носителем высшей юридической силы в иерархии всего законодательства нашего государства, а также имеет непосредственное и прямое действие на всей территории России.

Теперь обратимся к позициям ряда государств о понимании своего суверенитета.

Следует отметить, что большинство современных государств формально являются суверенными, число стран, которые законодательно определены как ассоциированные, зависимые, обладающие ограниченными суверенитетом, крайне мало.

¹ По делу о проверке конституционности Указа Президента Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 2137 «О мероприятиях по восстановлению конституционной законности и правопорядка на территории Чеченской Республики», Указа Президента Российской Федерации от 9 декабря 1994 г. № 2166 «О мерах по пресечению деятельности незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и в зоне осетино-ингушского конфликта», Постановления Правительства Российской Федерации от 9 декабря 1994 г. № 1360 «Об обеспечении государственной безопасности и территориальной целостности Российской Федерации, законности, прав и свобод граждан, разоружения незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и прилегающих к ней регионов Северного Кавказа», Указа Президента Российской Федерации от 2 ноября 1993 г. № 1833 «Об Основных положениях военной доктрины Российской Федерации»: постановление Конституционного Суда РФ № 10-П от 31 июля 1995 г. // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7552/

Например, таковой выступает Пуэрто-Рико, которое именуется «свободно ассоциированное государство» (исп. – Estado Libre Asociado de Puerto Rico) и находится под внешним управлением США, обладая при этом определенной внутренней автономией.

К зависимым и ассоциированным относится ряд небольших островных государств Карибского региона, Океании.

Интересны и характеристики суверенитета Боснии и Герцеговины – Конституция этого государства является Приложением № 4 к «Дейтонскому соглашению» [11], подписанному не только президентами Боснии и Герцеговины, но и президентами Хорватии и Югославии, иными словами, Основной закон Боснии и Герцеговины является приложением к международному договору, подписанному главами соседних государств.

Тогда же, в 1995 г., была учреждена существующая до настоящего времени должность Верховного Представителя по Боснии и Герцеговине (High Representative for Bosnia and Herzegovina), наделяемого полномочиями Организацией Объединенных Наций.

Помимо прочего, Верховный представитель при разногласиях властей «энтитетов» (субъектов федерации, которой является Босния и Герцеговина по форме государственного устройства) вправе принимать временные решения, обязательные для исполнения, отменять решения боснийских органов власти и даже законодательные акты, отстранять должностных лиц органов управления и др. [12, с. 154].

Иными словами, явно наличествуют признаки, указывающие на легальное ограничение суверенитета Боснии и Герцеговины – государственная власть не является здесь «верховой».

Вместе с тем помимо государств, ограничение суверенитета которых закреплено законодательно (например, международными договорами), существуют и государства, которые, формально обладая полным суверенитетом, фактически ограничены в его реализации в силу внешнеполитических или внутригосударственных факторов.

Так, например, в 2022 г. власти Республики Сербия, традиционно дружественного России государства, на уровне Организации Объединенных Наций неоднократно принимали решения, направленные против Российской Федерации и, по сути, идущие вразрез с интересами Сербии, руководство которой неоднократно указывало на «особый, братский» характер отношений Москвы и Белграда.

В частности, представители Республики Сербия в ООН поддержали приостановление членства России в Совете по правам человека при ООН, голосовали за резолюцию ООН, которая осудила проведение референдумов в так называемой «Новороссии» в конце сентября 2022 г.

При этом Президент Сербии А. Вучич в интервью средствам массовой информации прямо заявлял о том, что такие внешнеполитические действия явились следствием «шантажа санкциями» со стороны США и Европейского союза, европейские чиновники также неоднократно прямо заявляли о том, что в случае проведения «пророссийской политики» Сербия может быть подвергнута суровым санкциям [13].

Таким образом, налицо явное противоречие между действительными интересами государства и реалиями его внешней политики – объективное

стремление Республики Сербия к выстраиванию стабильно дружественных отношений с Россией сталкивается с необходимостью принимать под давлением практические решения, идущие вразрез с объективными потребностями сербской политики.

Иными словами, здесь проявляется фактическое ограничение суверенитета государства на фоне того, что его руководитель прямо указывает на то, что внешнеполитические решения принимаются под воздействием шантажа и сами субъекты, такой шантаж осуществляющие, как минимум это не отрицают.

В данном случае нельзя не согласиться с Н. Ю. Жуковской, что суверенитет не следует рассматривать как объективную данность, возникающую в связи с существованием формально независимого государства. Реальное содержание государственного суверенитета наполняется не столько юридической, сколько экономической, социальной, политической и иной, реально существующей материей [14, с. 87].

Иными словами, суверенитет государства недостаточно декларировать, он должен быть наполнен конкретным содержанием, позволяющим этот суверенитет обеспечить.

Например, Республика Сербия географически расположена в окружении стран Евросоюза и НАТО, а также государств, пусть и не входящих в указанные образования, но в них стремящихся. Сербия не имеет выхода к морю, собственных энергетических ресурсов, все пути транспортировки которых (в том числе из России) пролегают через страны Евросоюза.

Таким образом, несмотря на декларированный и объективно востребованный суверенитет во внешней политике, в силу отсутствия наполнения государственного суверенитета экономико-энергетической независимостью Сербия вынуждена принимать решения под принуждением, т.е. ограничивать свое суверенное право на самостоятельные действия во внешней политике.

Из вышеизложенного следует вывод о том, что одной из наиболее опасных тенденций международных отношений выступает неприкрытое стремление ограничить суверенитет того или иного государства посредством явно высказываемых угроз введения экономических санкций и иных ограничительных мер. Противостоять такому стремлению способны только те государства, суверенитет которых наполнен экономической, социальной и подобной материей. Соответственно, для обеспечения государственного суверенитета необходима грамотная внутренняя политика, направленная на придание стабильности и устойчивости экономической, социальной, политической сфер.

Заключение

Проблема определения суверенитета всегда являлась широко обсуждаемой и до сегодняшнего дня не нашедшей единого понимания как среди ученых, так и среди практических работников. Сегодняшняя глобализация, возрастание роли международного сотрудничества, переориентация в объединении различных государств требует серьезного переосмысления категории «суверенитет» и элементов, в нее входящих. Только широкая дискуссия, определение общих подходов к суверенности современных государств позволит прийти к стабилизации международных отношений и созданию как прочной национальной правовой системы, так и международного права. Современное значение определения места и роли суверенитета в государственно-

правовом развитии Российской Федерации невозможно недооценивать. Это путь к стабилизации внутри нашего государства по всем показателям развития – политическим, экономическим и, конечно, правовым – и создания эффективного механизма взаимодействия с другими странами на международной арене.

Список литературы

1. Путин назвал суверенитет страны гарантией свободы каждого россиянина // РИА Новости. 2022. 21 сентября. URL: <https://ria.ru/20220921/suverenitet-1818504317.html>
2. Конституция Российской Федерации с изменениями, одобренными общероссийским голосованием. Гимн, герб и флаг Российской Федерации. Москва : АСТ, 2020. 64 с.
3. Авакьян С. А. Конституционное право России. Учебный курс : учеб. пособие : в 2 т. 6-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : Инфра-М, 2020. Т. 2. 928 с.
4. Мир империй: территория государства и мировой порядок / Российский гос. торгово-экономический ун-т. М. : Магистр : Инфра-М, 2010. 828 с.
5. Марченко М. Н. Государство и право в условиях глобализации / М. Н. Марченко ; Московский государственный ун-т им. М. В. Ломоносова, Юридический факультет. М. : Проспект, 2017. 399 с.
6. Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Конституционное право России : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрист, 2004. 347 с.
7. Конституционное право России / отв. ред. А. Н. Кокотов, М. И. Кукушкин. М., 2007. 544 с.
8. Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации : учебник. 13-е изд., изм. и доп. М. : Норма : Инфра-М, 2018. 767 с.
9. Зиновьев А. В. Суверенитет, демократия, государство // Правоведение. 2006. № 6. С. 20–28.
10. Декларация о государственном суверенитете Российской Федерации // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. 1990. № 2. Ст. 22.
11. Общее рамочное соглашение о мире в Боснии и Герцеговине, подписано в Париже 14 декабря 1995 г. // Организация Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/constitution.pdf
12. Гумерова Т. М. Система исполнительной власти в Боснии и Герцеговине // NovaInfo. 2019. № 4. С. 153–157.
13. Вучич объяснил голосование против России в ООН «шантажом Запада» // Известия. 2022. 8 апреля.
14. Жуковская Н. Ю. Государственный суверенитет и диалектика его эволюции в современных условиях // Международное право и международные организации. 2021. № 6. С. 85–91.

References

1. Putin called the sovereignty of the country a guarantee of the freedom of every Russian. *RIA Novosti* = RIA news. 2022, 21 Sept. (In Russ.). Available at: <https://ria.ru/20220921/suverenitet-1818504317.html>
2. *Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii s izmeneniyami, odobrennymi obshcherossiyskim golosovaniem. Gimn, gerb i flag Rossiyskoy Federatsii* = The Constitution of the Russian Federation with amendments approved by the all-Russian vote. Anthem, coat of arms and flag of the Russian Federation. Moscow: AST, 2020:64. (In Russ.)
3. Avak'yan S.A. *Konstitutsionnoe pravo Rossii. Uchebnyy kurs: ucheb. posobie: v 2 t. 6-e izd., pererab. i dop.* = Constitutional law of Russia. Training course: tutorial: in 2 volumes,

- the 6th edition, revised and supplemented. Moscow: Norma: Infra-M, 2020;2:928. (In Russ.)
4. *Mir imperiy: territoriya gosudarstva i mirovoy poryadok* = The world of empires: the territory of the state and the world order. Rossiyskiy gos. trgovno-ekonomicheskiy un-t. Moscow: Magistr: Infra-M, 2010:828. (In Russ.)
 5. Marchenko M.N. *Gosudarstvo i pravo v usloviyakh globalizatsii* = State and law in the context of globalization. Moskovskiy gosudarstvennyy un-t im. M.V. Lomonosova, Yuridicheskiy fakul'tet. Moscow: Prospekt, 2017:399. (In Russ.)
 6. Kozlova E.I., Kutafin O.E. *Konstitutsionnoe pravo Rossii: uchebnik. 2-e izd., pererab. i dop.* = Constitutional law of Russia: textbook, the 2nd edition, revised and supplemented. Moscow: Yurist", 2004:347. (In Russ.)
 7. Kokotov A.N., Kukushkin M.I. (execut. eds.). *Konstitutsionnoe pravo Rossii* = Constitutional law of Russia. Moscow, 2007:544. (In Russ.)
 8. Baglay M.V. *Konstitutsionnoe pravo Rossiyskoy Federatsii: uchebnik. 13-e izd., izm. i dop.* = Constitutional law of the Russian Federation: textbook, the 13th edition, revised and supplemented. Moscow: Norma: Infra-M, 2018:767. (In Russ.)
 9. Zinov'ev A.V. Sovereignty, democracy, state. *Pravovedenie* = Jurisprudence. 2006;(6): 20–28. (In Russ.)
 10. Declaration on State Sovereignty of the Russian Federation. *Vedomosti S'ezda narodnykh deputatov i Verkhovnogo Soveta RSFSR* = Proceedings of the Congress of People's Deputies and the Supreme Soviet of the RSFSR. 1990;(2);art. 22. (In Russ.)
 11. General Framework Agreement for Peace in Bosnia and Herzegovina, signed in Paris on December 14, 1995. *Organizatsiya Ob"edinennykh Natsiy* = United Nations Organization. (In Russ.). Available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/constitution.pdf
 12. Gumerova T.M. The system of executive power in Bosnia and Herzegovina. *NovaInfo*. 2019;(4):153–157. (In Russ.)
 13. Vucic explained the vote against Russia in the UN “blackmailing the West”. *Izvestiya* = Izvestiya. 2022, 8 Apr. (In Russ.)
 14. Zhukovskaya N.Yu. State sovereignty and the dialectics of its evolution in modern conditions. *Mezhdunarodnoe pravo i mezhdunarodnye organizatsii* = International law and international organizations. 2021;(6):85–91. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Василий Анатольевич Любушкин
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры теории и истории
государства и права, Национальный
исследовательский Мордовский
государственный университет
имени Н. П. Огарёва (Россия,
г. Саранск, ул. Большевикская, 68)

E-mail: valyu82@yandex.ru

Vasily A. Lyubushkin
Candidate of juridical sciences, associate
professor, associate professor of the
sub-department of theory and history
of state and law, Ogarev Mordovia State
University (68 Bolshevistskaya street,
Saransk, Russia)

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 24.10.2022

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 15.11.2022

Принята к публикации / Accepted 08.12.2022

УДК 34. 342.7

doi:10.21685/2072-3016-2022-4-12

Конституционно-правовые основы противодействия терроризму с использованием киберпространства

П. А. Гук¹, П. В. Коршунова², О. Н. Кулагина³

^{1,2,3}Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

¹pravosudiepenza@mail.ru, ²pravosudiepenza@mail.ru, ³kulagina.olga@icloud.com

Аннотация. *Актуальность и цели.* Рассматриваются конституционно-правовые основы противодействия терроризму с использованием киберпространства. С развитием цифровых технологий стали все больше процветать преступления с использованием Интернета. Современный терроризм отличается сложностью, многоаспектностью и множественностью своего проявления. Государства претерпевают серьезные ресурсные потери, терроризм проникает во все стороны жизни общества и государства, используя различные способы. В настоящее время не существует универсального инструмента противодействия этому направлению террористической деятельности, что и предопределило актуальность настоящего исследования. *Цель работы* – формирование концепции конституционно-правовых основ противодействия терроризму с использованием киберпространства. *Материалы и методы.* Реализация указанной цели была достигнута с помощью анализа норм российского законодательства, в частности Конституции РФ, федеральных законов, судебной практики, статистических данных и положений юридической науки. Методологическая основа представлена такими методами, как сравнительно-правовой, формально-юридический, системно-структурный. *Результаты.* На основе федерального законодательства проанализированы конституционно-правовые основы и материалы юридической практики по противодействию терроризму с использованием киберпространства, выявлены проблемы, для решения которых требуется особое внимание государства, и сформированы предложения, связанные с особенностями противодействия терроризму в киберпространстве. *Выводы.* Терроризм, совершаемый с использованием киберпространства, представляет большую угрозу для российского общества и государства. Ввиду недостаточной проработанности действующего законодательства необходимо дальнейшее совершенствование конституционно-правовой базы противодействия терроризму.

Ключевые слова: терроризм, экстремизм, киберпреступления, киберпространство, Интернет, информационные технологии, Конституция, информация, преступления, противодействие терроризму

Финансирование: статья подготовлена при финансовой поддержке конкурса «Ректорские гранты» Пензенского государственного университета, договор № ХП-74/21 от 19.04.2021.

Для цитирования: Гук П. А., Коршунова П. В., Кулагина О. Н. Конституционно-правовые основы противодействия терроризму с использованием киберпространства // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2022. № 4. С. 132–142. doi:10.21685/2072-3016-2022-4-12

Constitutional and legal foundations for countering terrorism using cyberspace

P.A. Guk¹, P.V. Korshunova², O.N. Kulagina³

^{1,2,3}Penza State University, Penza, Russia

¹pravosudiepenza@mail.ru, ²pravosudiepenza@mail.ru, ³kulagina.olga@icloud.com

Abstract. *Background.* The article is devoted to the constitutional and legal foundations of countering terrorism using cyberspace. With the development of digital technologies, crimes using the Internet have become more and more prosperous. Modern terrorism is characterized by complexity, multidimensionality and multiplicity of its manifestations. States are suffering serious resource losses, terrorism is penetrating into all aspects of the life of society and the state, using various methods. Currently, there is no universal tool to counter this area of terrorist activity, which predetermined the relevance of this study. The purpose of the article is to form the concept of the constitutional and legal framework for countering terrorism using cyberspace. *Materials and methods.* The implementation of this goal was achieved by analyzing the norms of Russian legislation, in particular the Constitution of the Russian Federation, federal laws, judicial practice, statistical data and the provisions of legal science. The methodological framework is presented by methods such as comparative legal, formal legal and systemic structural. *Results.* On the basis of federal legislation, the constitutional and legal foundations and materials of legal practice on countering terrorism using cyberspace are analyzed, problems are identified that require special attention from the state, and proposals are made related to the specifics of countering terrorism in cyberspace. *Conclusions.* Terrorism committed using cyberspace poses a great threat to Russian society and the state. In view of the insufficient elaboration of the current legislation, it is necessary to further improve the constitutional and legal framework for countering terrorism.

Keywords: terrorism, extremism, cybercrimes, cyberspace, the Internet, information technology, the Constitution, information, crimes, countering terrorism

Acknowledgments: the research was financed by the competition "Rector's grants" of Penza State University, contract No. HP-74/21 from April 19, 2021.

For citation: Guk P.A., Korshunova P.V., Kulagina O.N. Constitutional and legal foundations for countering terrorism using cyberspace. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki* = *University proceedings. Volga region. Social sciences*. 2022;(4):132–142. (In Russ.). doi:10.21685/2072-3016-2022-4-12

Развитие современной жизни сопровождается появлением новых технологий, которые, с одной стороны, упрощают жизнь людей, а с другой – способствуют возникновению новых проблем различного характера, в том числе и правового. Стремительное развитие цифровых технологий, компьютеризация общества привели к возникновению такого явления, как «киберпреступность», которая имеет разновидности в социальной среде. Одним из особо опасных видов является терроризм, распространяемый в киберпространстве. При этом нормативная база борьбы с этим явлением на данный момент недостаточно эффективна, что способствует появлению новых преступлений посредством вербовки людей через интернет-пространство, организации преступного сговора при помощи различных мессенджеров и распространению материалов запрещенного характера. Интернет-пространство достаточно активно используется для совершения преступлений террористического характера, а поэтому должно контролироваться государственными

органами и быть надлежащим образом законодательно урегулировано. Опасения вызывает тенденция активного вовлечения молодежи для участия в экстремистских организациях и группировках [1, с. 2].

Статистика последних лет свидетельствует о том, что 90 % организаций экстремистского и террористического характера организуют свою деятельность с использованием интернет-пространства, в особенности при помощи электронной почты, социальных сетей и конфиденциальной сети «Невидимый Интернет» (Invisible Internet). По данным правоохранительных органов, в 2021 г. в России было зарегистрировано 2136 преступлений террористического характера и 1057 преступлений экстремистской направленности, а это почти на 25 % больше, чем за предыдущий период. При этом часть этих преступлений совершено с использованием современных информационно-коммуникационных технологий [2]. За преступления террористической направленности осуждены 682 лица, а за преступления экстремистской направленности – 606 лиц [3].

Киберпреступность – это вид информационных преступлений. Понятие киберпреступности имеет тесную связь с киберпространством. По мнению Д. Е. Добринской, «киберпространство, или по-другому цифровая среда, – это территория функционирования продуктов информационно-коммуникационных технологий, позволяющих открывать и создавать невероятно сложные системы взаимодействий агентов с целью получения информации, обмена и управления ею, а также осуществления коммуникаций в условиях обилия различных сетей» [4, с. 54]. Киберпространство – одна из немногих сред, где выстраиваются социальные сети. Как замечает Р. Эйкер, «киберпространство приняло на себя многие характеристики физического места: миллионы пользователей, взаимодействующие в нем, имеют “адреса”, оно развило особую культуру, его жаргон эволюционировал до уровня квазиязыка» [5, с. 232]. Исходя из этого, считаем возможным определить киберпространство как среду информационного взаимодействия и обмена данными, реализуемыми в компьютерных сетях и сетях связи. Элементами киберпространства являются серверы, компьютеры, телекоммуникационное оборудование, каналы связи, информационные и телекоммуникационные сети. В научной литературе существует множество определений данных преступлений. По мнению экспертов Организации Объединенных наций, киберпреступность – это любое преступление, совершаемое посредством эксплуатации компьютерной системы (сети), в ее рамках либо против нее [6, с. 336]. Согласно мнению Т. Л. Тропиной, под киберпреступлением следует понимать «виновное совершенное общественно опасное уголовно наказуемое вмешательство в работу компьютеров, компьютерных программ, компьютерных сетей, несанкционированная модификация компьютерных данных, а также иные общественно опасные деяния, совершаемые с помощью или посредством компьютеров, компьютерных сетей и программ, а также с помощью или посредством иных устройств доступа к моделируемому с помощью компьютера пространству» [7, с. 10]. Другие авторы раскрывают киберпреступность через понятие «киберпространство». Киберпреступность, с их точки зрения, – это преступность в киберпространстве [8, с. 79]. Взяв за основу термин «киберпространство», В. А. Номоконов и Т. Л. Тропина представляют киберпреступность как «совокупность преступлений, совершаемых в киберпространстве с помощью или посредством компьютерных систем или компьютерных сетей, а также иных

средств доступа к киберпространству, в рамках компьютерных систем или сетей, и против компьютерных систем, компьютерных сетей и компьютерных данных» [9, с. 47].

Особую тревогу вызывают киберпреступления, сопряженные с экстремизмом и терроризмом. Так как их проявления разнообразны, то и методы воздействия на них должны быть более масштабны.

Понятие экстремизма – одно из наиболее абстрактных в современной науке, а на практике его рассматривают как синоним терроризма и террористической деятельности. Анализ различных точек зрения позволяет определить экстремизм как политическую и идеологическую приверженность к крайним взглядам и действиям, а терроризм – как насильственные действия с целью устрашения, подавления и запугивания политических противников, конкурентов, навязывания определенной линии поведения. Терроризм, в отличие от экстремизма, всегда предполагает насилие, поэтому является практическим выражением экстремистской идеологии в виде насильственных действий [10, с. 105].

Таким образом, терроризм, который совершается в киберпространстве, – специфическая категория преступлений, поскольку для их совершения используются различные приемы.

Основу регулирования общественных отношений в Российской Федерации составляет Конституция РФ, а также законодательство, принятое в ее исполнение. Сфера противодействия кибертерроризму не исключение. К сожалению, Основной закон не содержит прямых норм, регулирующих вопросы противодействия терроризму, в том числе и с использованием киберпространства. Но при этом в Конституции РФ закреплены принципы гуманизма, права и свободы человека и гражданина (ст. 2, 6 главы 1, 2); определены основы компетенции органов государственной власти и местного самоуправления, предопределяющие их задачи, функции и полномочия при осуществлении мер противодействия терроризму (главы 4–8).

Конституция РФ также содержит «базовые идеологические» положения о противодействии терроризму в виде запрета создания и функционирования организаций и объединений, чья деятельность связана с разжиганием социальной, расовой, национальной и религиозной ненависти. Конституция РФ выступает за отделение религии от государства и равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка и других обстоятельств и запрещает любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности; право на личную неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, тайну переписки и телефонных переговоров. В п. 1 ст. 24 Конституции РФ закреплено, что сбор, хранение, использование или распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускается; предусмотрена свобода вероисповедания; недопустимость возбуждения социальной, расовой, национальной или религиозной ненависти и вражды или какого-либо превосходства.

Конституция РФ закрепляет основы конституционного строя и гарантирует их незыблемость, стабильность, безопасность и необходимость защиты, поскольку основным источником угроз вышеназванных благ выступает деятельность террористических организаций, группировок и отдельных лиц,

распространяемая на различных интернет-площадках [11, с. 88], о чем в Конституции, к сожалению, не указано.

Несмотря на отсутствие в Конституции РФ упоминания о террористической деятельности с использованием киберпространства, системный анализ норм Основного закона и иных нормативно-правовых актов обнаруживает заложенные в них конституционные основы противодействия кибертерроризму. Так, например, подп. «е» ч. 1 ст. 114 Конституции РФ закреплено положение, согласно которому Правительство РФ осуществляет меры по борьбе с преступностью, а следовательно, и по борьбе с терроризмом в сети Интернет, поскольку последний отнесен к преступлениям против общественной безопасности.

В этой связи правовую основу противодействия кибертерроризму составляют нормы Уголовного кодекса РФ, Федерального закона от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», Федерального закона от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», Федерального закона от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», Федерального закона от 26.09.1997 № 125 «О свободе совести и религиозных объединениях», Федерального закона от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности» и иных нормативных правовых актов. На основе национального законодательства выработана система мер обеспечения безопасности общества от угрозы терроризма. Указом Президента Российской Федерации от 15.02.2006 № 116 «О мерах противодействия терроризму» и Федеральным законом «О противодействии терроризму» заложены основы единой государственной системы противодействия терроризму. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в ст. 13.15, 15.27, 15.27.1, 20.28, 20.29 также содержит запрет на любые проявления террористической деятельности.

Большая часть норм Федерального закона от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» направлена на закрепление ответственности субъектов за осуществление экстремистской деятельности, распространение экстремистских материалов: общественных и религиозных объединений, средств массовой информации, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих, граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства.

Согласно положениям Федерального закона от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», в России на данный момент существуют основные принципы противодействия терроризму, применяемые в деятельности правоохранительных органов, в частности принцип приоритета защиты прав и законных интересов лиц, подвергающихся террористической опасности, принцип неотвратимости наказания за преступления террористического характера и др.

Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» развивает и дополняет Указ Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации», в котором закреплена необходимость повышения эффективности профилактики правонарушений, совершаемых с использованием информационных технологий, противодействия таким правонарушениям,

поскольку это важнейшая часть обеспечения информационной безопасности. Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 г. определяет направления государственной политики и дальнейшее развитие общегосударственной системы противодействия терроризму, в том числе и с использованием киберпространства. Основы Стратегии указывают на необходимость и важность реализации эффективных мер, направленных на информационное противодействие распространению экстремистской идеологии, так как именно современные технологии, в частности сеть Интернет, – основное средство связи экстремистских организаций и привлечения в их ряды новых участников, организации и координации совершения преступлений. Стратегия определяет специальные меры борьбы с терроризмом, совершенным на киберпространстве.

За нарушение установленных запретов предусмотрена уголовная ответственность (нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, мошенничество с использованием электронных средств платежа, в сфере компьютерной информации и др.). В Уголовном кодексе Российской Федерации (УК РФ) предусмотрены составы, предполагающие ответственность как за совершение террористического акта и участие в нем, так и за неинформирование о нем.

Однако «специальный» состав, предусматривающий уголовную ответственность за кибертерроризм и киберэкстремизм, все еще отсутствует, как и объективная сторона в форме совершения преступлений с использованием кибертехнологий. Помимо этого, российский уголовный закон также не предусматривает реального факта совершения терроризма и экстремизма в киберпространстве [10, с. 155].

В свое время исследователь И. Г. Чекунов предлагал внести в ст. 205 УК РФ часть 2, которая будет устанавливать ответственность за террористический акт с помощью несанкционированного проникновения в компьютерные и интернет-системы [12, с. 43]. Его поддержали Е. В. Старостина и Д. Б. Фролов [13, с. 62], однако законодателем и большинством авторов такое предложение не было воспринято. Например, В. Н. Черкасов указывает, что излишняя детализация нарушит принципы уголовного закона и приведет к искусственному расширению понятийного аппарата и появлению аналогичных составов в иных сферах [14, с. 11]. Такой же позиции придерживается и И. Р. Бегишев, который отмечает, что подобное дробление затруднит работу служб, поэтому использование термина «кибертерроризм» допустимо лишь в криминологических целях [15, с. 10].

Складывается двоякая ситуация: на практике осуществление террористической деятельности невозможно без использования сети Интернет, однако специальный состав или квалифицирующий признак в виде использования информационно-коммуникационных технологий при осуществлении подготовки, организации или совершения террористического акта отсутствует.

На возможность применения квалифицирующего признака указывается в п. 22 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности», в котором сформулирована правовая позиция об использовании сети Интернет в качестве квалифицирующего признака совершения преступления. Это является лишь разъясняющим

моментом, который должны учитывать правоприменительные органы при квалификации преступных действий исключительно по ст. 205.2 УК РФ.

Справедливо мнение Г. Б. Романовского, Г. П. Кулешовой, Е. А. Капитоновой о том, что уголовное законодательство России не использует необходимую терминологию, не адаптировано под современные реалии, а нормативная база пока не готова к дальнейшей переработке на предмет включения в УК РФ составов, связанных с кибертерроризмом [16, с. 156].

Основным методом борьбы с терроризмом, совершаемым в киберпространстве, на сегодня является ограничение Роскомнадзором доступа к той или иной информации в Сети: блокировка сайтов и интернет-площадок, признание запрещенными и нежелательными организаций на территории России [17, с. 95].

Так, 11 марта 2022 г. Генеральная прокуратура подала иск о признании «Меты» экстремистской организацией и запрещении ее деятельности в России. 21 марта Тверской районный суд г. Москвы вынес решение, которым признал компанию Meta Platforms экстремистской организацией и запретил ее деятельность в России. Впоследствии компания была исключена из реестра иностранных лиц, осуществляющих деятельность на территории России, а Росфинмониторинг исключил социальные сети, принадлежащие Meta, из соответствующего перечня [18].

В этом отношении следует привести точку зрения Г. Б. Романовского, который обосновано отмечает, что законодательство о противодействии терроризму должно быть еще и правозащитным, включая в себя мероприятия по защите прав граждан от потенциальных террористических угроз, защите прав жертв террористических актов и прав лиц, участвующих в борьбе с терроризмом. Так будет сохраняться баланс между необходимостью соблюдения прав человека и деятельностью органов публичной власти по противодействию терроризму [19, с. 48].

Обсуждаемым не один год является так называемый принятый «Закон Яровой» – два законопроекта, декларировавшие авторы как имеющие антитеррористическую направленность и предполагающие хранение операторами сотовых и интернет-сетей данных своих клиентов в течение шести месяцев. Закон установил полный запрет на использование несертифицированных средств шифрования, а для религиозных организаций был установлен список мест, где является допустимым деятельность проповедников [20]. Нормативный акт распространил свое действие на ст. 64 Федерального закона «О связи», которой предусмотрена обязанность операторов связи по ограничению прав пользователей услугами связи при проведении оперативно-розыскных мероприятий, мероприятий по обеспечению безопасности Российской Федерации, осуществлении следственных действий, содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений и исполнении уголовных наказаний в виде лишения свободы. При этом специалистами неоднократно были высказаны опасения по поводу возникновения огромных хранилищ данных, что само по себе может спровоцировать рост числа кибератак. Также угрозу представляют недобросовестные сотрудники ответственных за хранение служб, которые, имея доступ к конфиденциальным данным, способны на их распространение за денежные средства [21].

Все это свидетельствует о том, что многие силы государства направлены на борьбу с преступлениями террористического характера, совершенными

в условиях киберпространства, но не все они эффективны. Исходя из этого, следует сделать вывод, что действующее законодательство не в полной мере адаптировано к новым видам преступлений в сфере информационных технологий, но данная проблема может быть решена в рамках применения положительного опыта других стран. Антитеррористическое законодательство оказывается разрозненным, не имеющим внутреннего единства и статуса. Законодательство совершенно необоснованно обходит стороной вопрос использования компьютерных и IT-технологий как площадки для совершения преступлений, прямо не указывает на необходимость более пристального контроля за распространением террористической и экстремистской информации в сети Интернет. Помимо этого, реальный контроль Сети, осуществляемый органами государственной власти, ничтожно мал по сравнению с масштабом потенциальных угроз. Конституция РФ также не содержит понятия и признаков таких общественных ценностей, как «общественная безопасность» и «общественный порядок», но есть оговорка о «необходимости заботы о безопасности государства» (ст. 13, 55 и др.). Таким образом, происходит смещение приоритета в сторону безопасности государства в ущерб общественной безопасности и общественному порядку, что само по себе является недостатком действующего законодательства.

В связи с этим включение в Конституцию РФ положений о борьбе с терроризмом – важнейшее направление совершенствования законодательства о противодействии террористической деятельности. Это позволит в дальнейшем внести изменения в Федеральный закон «О противодействии терроризму», в частности в ст. 2, в которой необходимо закрепить принцип неотвратимости ответственности за участие в террористической деятельности именно в киберпространстве.

Также необходимо внесение нормативных дополнений в федеральные законы «О противодействии терроризму» и «О безопасности»: о видах терроризма, о порядке борьбы непосредственно с кибер-цифровой проблемой, положений о субъектах противодействия им, а также об информационных технологиях, которые должны находиться под усиленной защитой в целях недопущения их использования в терроризме. Эти нормы должны быть не просто закреплены в законодательстве, но и должны представлять собой слаженную систему правового регулирования противодействия кибертерроризму.

Таким образом, проанализировав конституционно-правовые основы противодействия терроризму с использованием киберпространства, можно прийти к выводу, что государству необходимо усилить нормативно-правовую базу противодействия терроризму в киберпространстве.

Список литературы

1. Медведева О. С. К вопросу о противодействии экстремизму и терроризму // Studium. 2016. № 4–3. С. 2.
2. Состояние преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2021 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/28021552/>
3. Председатель Верховного Суда России провел итоговое совещание с судьями России // Верховный Суд Российской Федерации. URL: https://www.vsrfr.ru/press_center/news/30760/
4. Добринская Д. Е. Киберпространство: территория современной жизни // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2018. Т. 24, № 1. С. 52–70.

5. Мажорина М. В. Киберпространство и методология международного частного права // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 2. С. 230–253.
6. Ищенко Е. П. О криминалистическом обеспечении раскрытия и расследования киберпреступлений // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях : сб. материалов XX Междунар. науч.-практ. конф. (г. Иркутск, 4–5 марта 2015 г.). Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД РФ, 2015. С. 336–337.
7. Тропина Т. Л. Киберпреступность: понятие, состояние, уголовно-правовые меры борьбы : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Владивосток, 2005. 235 с.
8. Вепрев С. Б., Нестерович С. А. Киберпреступность как новая форма преступности // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2018. № 3. С. 78–82.
9. Номоконов В. А., Тропина Т. Л. Киберпреступность как новая криминальная угроза // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2012. № 24. С. 45–55.
10. Рарог А. И. Уголовный кодекс России против терроризма // Lex russica (Русский закон). 2017. № 4. С. 155–178.
11. Манукян А. Р. Конституционно-правовые основы противодействия терроризму // Социально-политические науки. 2018. № 1. С. 86–88.
12. Чекунов И. Г. Киберпреступность: понятие и классификация // Российский следователь. 2012. № 2. С. 37–44.
13. Старостина Е. В., Фролов Д. Б. Пути совершенствования законодательной системы в борьбе с кибертерроризмом в России и за рубежом // Законодательство и экономика. 2005. № 5. С. 62–66.
14. Черкасов В. Н. Информационная безопасность. Правовые проблемы и пути их решения // Информационная безопасность регионов. 2007. № 1. С. 6–14.
15. Бегишев И. Р. Проблемы противодействия посягательствам на информационные системы критически важных и потенциально опасных объектов // Информационная безопасность регионов. 2010. № 1. С. 9–13.
16. Кулешова Г. П., Капитонова Е. А., Романовский Г. Б. Правовые основы противодействия кибертерроризму в России и за рубежом с позиции общественно-политического измерения // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14, № 1. С. 156–165.
17. Агутин А. В. Противодействие религиозному экстремизму и проявлениям религиозного экстремизма в молодежной среде с использованием полномочий прокурора как компонент обеспечения национальной безопасности: проблемы нелинейного управления социальными процессами // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2020. № 5. С. 95–100.
18. Генеральной прокуратурой России приняты меры в связи с действиями компании Meta Platforms Inc. // Генеральная прокуратура Российской Федерации. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=72267200>
19. Романовский Г. Б. Конституция, права человека, борьба с терроризмом в современном мире // Актуальные проблемы современного конституционализма : сб. науч. ст. по материалам IV Всерос. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 18 апреля 2019 г.) / под ред. А. В. Александровой, А. Л. Гусевой. Пенза : Изд-во ПГУ, 2019. С. 42–48.
20. Киберпреступность: проблема без границ // Министерство внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/vsmi/or>
21. Виноградова Е., Кантышев П., Серьгина Е. Кто может заработать на законе Яровой // Ведомости. 2016. 21 августа. URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2016/08/22/653895-kto-zarabotaet-zakone-yarovoi>

References

1. Medvedeva O.S. *K voprosu o protivodeystvii ekstremizmu i terrorizmu* = On the issue of countering extremism and terrorism. *Studium*. 2016;(4–3):2. (In Russ.)
2. The state of crime in the Russian Federation for January – December 2021. *Ministerstvo vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii* = Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. (In Russ.). Available at: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/28021552/>

3. Chairman of the Supreme Court of Russia held a final meeting with the judges of Russia. *Verkhovnyy Sud Rossiyskoy Federatsii* = Supreme Court of the Russian Federation. (In Russ.). Available at: https://www.vsrfr.ru/press_center/news/30760/
4. Dobrinskaya D.E. Cyberspace: the territory of modern life. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya* = Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and politology. 2018;24(1):52–70. (In Russ.)
5. Mazhorina M.V. Cyberspace and the methodology of private international law. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* = Law. Journal of the Higher School of Economics. 2020;(2):230–253. (In Russ.)
6. Ishchenko E.P. On forensic support for the disclosure and investigation of cybercrime. *Deyatel'nost' pravookhranitel'nykh organov v sovremennykh usloviyakh: sb. materialov XX Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Irkutsk, 4–5 marta 2015 g.)* = The activities of law enforcement agencies in modern conditions: proceedings of the 20th International scientific and practical conference (Irkutsk, March 4–5, 2015). Irkutsk: Vostochno-Sibirskiy institut MVD RF, 2015:336–337. (In Russ.)
7. Tropina T.L. *Cybercrime: concept, state, criminal law measures to combat*. PhD dissertation. Vladivostok, 2005:235. (In Russ.)
8. Veprev S.B., Nesterovich S.A. Cybercrime as a new form of crime. *Rassledovanie prestupleniy: problemy i puti ikh resheniya* = Crime investigation: problems and solutions. 2018;(3):78–82. (In Russ.)
9. Nomokonov V.A., Tropina T.L. Cybercrime as a new criminal threat. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra* = Criminology: yesterday, today, tomorrow. 2012;(24):45–55. (In Russ.)
10. Rarog A.I. Criminal Code of Russia against terrorism. *Lex russica (Russkiy zakon)* = Lex russica (Russian law). 2017;(4):155–178. (In Russ.)
11. Manukyan A.R. Constitutional and legal foundations for countering terrorism. *Sotsial'no-politicheskie nauki* = Socio-political sciences. 2018;(1):86–88. (In Russ.)
12. Chekunov I.G. Cybercrime: concept and classification. *Rossiyskiy sledovatel'* = Russian investigator. 2012;(2):37–44. (In Russ.)
13. Starostina E.V., Frolov D.B. Ways to improve the legislative system in the fight against cyberterrorism in Russia and abroad. *Zakonodatel'stvo i ekonomika* = Legislation and economics. 2005;(5):62–66. (In Russ.)
14. Cherkasov V.N. Information Security. Legal problems and ways to solve them. *Informatsionnaya bezopasnost' regionov* = Information security of regions. 2007;(1):6–14. (In Russ.)
15. Begishev I.R. Problems of countering encroachments on information systems of critically important and potentially dangerous objects. *Informatsionnaya bezopasnost' regionov* = Information security of regions. 2010;(1):9–13. (In Russ.)
16. Kuleshova G.P., Kapitonova E.A., Romanovskiy G.B. Legal basis for counteracting cyberterrorism in Russia and abroad from the standpoint of the socio-political dimension. *Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal* = All-Russian Criminological Journal. 2020;14(1):156–165. (In Russ.)
17. Agutin A.V. Countering religious extremism and manifestations of religious extremism among youth using the powers of a prosecutor as a component of ensuring national security: problems of nonlinear management of social processes. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* = Bulletin of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. 2020;(5):95–100. (In Russ.)
18. The General Prosecutor's Office of Russia took measures in connection with the actions of Meta Platforms Inc. *General'naya prokuratura Rossiyskoy Federatsii* = General Prosecutor's Office of the Russian Federation. (In Russ.). Available at: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=72267200>
19. Romanovskiy G.B. Constitution, human rights, the fight against terrorism in the modern world. *Aktual'nye problemy sovremennogo konstitutsionalizma: sb. nauch. st. po materialam IV Vseros. nauch.-prakt. konf. (g. Penza, 18 aprelya 2019 g.)* = Actual problems

- of modern constitutionalism: proceedings of the 4th All-Russian scientific and practical conference (Penza, April 18, 2019). Penza: Izd-vo PGU, 2019:42–48. (In Russ.)
20. Cybercrime: a problem without borders. *Ministerstvo vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii* = Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. (In Russ.). Available at: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/vsmi/or>
21. Vinogradova E., Kantyshev P., Ser'gina E. Who can earn on the Yarovaya law. *Vedomosti* = Vedomosti. 2016, 21 Aug. (In Russ.). Available at: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2016/08/22/653895-kto-zarabotaet-zakone-yarovoi>

Информация об авторах / Information about the authors

Павел Александрович Гук

доктор юридических наук, профессор
кафедры правосудия, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: pravosudiepenza@mail.ru

Pavel A. Guk

Doctor of juridical sciences, professor of
the sub-department of justice, Penza State
University (40 Krasnaya street, Penza,
Russia)

Полина Владиславовна Коршунова

старший преподаватель кафедры
правосудия, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: pravosudiepenza@mail.ru

Polina V. Korshunova

Senior lecturer of the sub-department
of justice, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Ольга Николаевна Кулагина

студентка, Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

E-mail: kulagina.olga@icloud.com

Ol'ga N. Kulagina

Student, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 05.10.2022

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 07.11.2022

Принята к публикации / Accepted 29.11.2022

Вниманию авторов!

Редакция журнала «Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки» приглашает специалистов опубликовать на его страницах оригинальные статьи, содержащие новые научные результаты в области социологии, экономики, права, а также обзорные статьи по тематике журнала.

Статьи, ранее опубликованные, а также принятые к опубликованию в других журналах, редколлегией не рассматриваются.

Редакция принимает к рассмотрению статьи, подготовленные с использованием текстового редактора Microsoft Word for Windows (тип файла – RTF, DOC).

Необходимо представить статью в электронном виде (VolgaVuz@mail.ru) и дополнительно на бумажном носителе в двух экземплярах. Оптимальный объем рукописи 10–14 страниц формата A4. Основной шрифт статьи – Times New Roman, 14 pt через полуторный интервал. Статья **обязательно** должна содержать индекс УДК, ключевые слова и развернутую аннотацию объемом от 100 до 250 слов, имеющую четкую структуру **на русском** (Актуальность и цели. Материалы и методы. Результаты. Выводы) **и английском языках** (Background. Materials and methods. Results. Conclusions).

Обращаем внимание авторов на то, что в соответствии с этическим кодексом журнала для обеспечения единообразия перевод фамилии, имени, отчества каждого автора на английский язык (в сведениях об авторах и списке литературы) осуществляется автоматически с использованием программы транслитерации в кодировке BGN (сайт translit.ru).

Рисунки и таблицы должны быть размещены в тексте статьи и представлены в виде отдельных файлов (растровые рисунки в формате TIFF, BMP с разрешением 300 dpi, векторные рисунки в формате Corel Draw с минимальной толщиной линии 0,75 pt). Рисунки должны сопровождаться подрисовочными подписями.

Формулы в тексте статьи **обязательно** должны быть набраны в редакторе формул Microsoft Word Equation (версия 3.0) или MathType. Символы греческого и русского алфавита должны быть набраны прямо, нежирно; латинского – курсивом, нежирно; обозначения векторов и матриц прямо, жирно; цифры – прямо, нежирно. Наименования химических элементов набираются прямо, нежирно. Эти же требования **необходимо** соблюдать и в рисунках. Допускается вставка в текст специальных символов (с использованием шрифтов Symbol).

В списке литературы **нумерация источников** должна соответствовать **очередности ссылок** на них в тексте ([1], [2], ...). Номер источника указывается в квадратных скобках. **Требования к оформлению списка литературы** на русские и иностранные источники: **для книг** – фамилия и инициалы автора, название, город, издательство, год издания, том, количество страниц; **для журнальных статей, сборников трудов** – фамилия и инициалы автора, название статьи, полное название журнала или сборника, серия, год, том, номер, страницы; **для материалов конференций** – фамилия и инициалы автора, название статьи, название конференции, город, издательство, год, страницы.

К материалам статьи **должна** прилагаться следующая информация: фамилия, имя, отчество, ученая степень, звание и должность, место и юридический адрес работы (на русском и английском языках), e-mail, контактные телефоны (желательно сотовые).

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается. Рукопись, полученная редакцией, не возвращается. Редакция оставляет за собой право проводить редакторскую и допечатную правку текстов статей, не изменяющую их основного смысла, без согласования с автором.

Статьи, оформленные без соблюдения приведенных выше требований, к рассмотрению не принимаются.

Уважаемые читатели!

Для гарантированного и своевременного получения журнала «**Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. общественные науки**» рекомендуем вам оформить подписку.

Журнал выходит 4 раза в год по тематике:

- **право**
- **социология**
- **экономика**

Стоимость одного номера журнала – 500 руб. 00 коп.

Для оформления подписки через редакцию необходимо заполнить и отправить заявку в редакцию журнала: тел. +7 (8412) 64-32-89; E-mail: volgavuz@pnzgu.ru

Подписку можно оформить по объединенному каталогу «Пресса России», тематические разделы: «Законодательство и право», «Научно-технические издания. Известия РАН. Известия вузов», «Экономика. Статистика». Подписной индекс – 36949.

ЗАЯВКА

Прошу оформить подписку на журнал «Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. общественные науки» на 20__ г.

№ 1 – _____ шт., № 2 – _____ шт., № 3 – _____ шт., № 4 – _____ шт.

Наименование организации (полное) _____

ИНН _____ КПП _____

Почтовый индекс _____

Республика, край, область _____

Город (населенный пункт) _____

Улица _____ Дом _____

Корпус _____ Офис _____

ФИО ответственного _____

Должность _____

Тел. _____ Факс _____ E-mail _____

Руководитель предприятия _____

(подпись)

(ФИО)

Дата «___» _____ 20__ г.